

Лебеденко Александр Гervasьевич

Восстание на «Св. Анне»

Проект "Военная литература": militera.lib.ru

Издание: Лебеденко А. Первая министерская. Восстание на «Св. Анне». — Л.: Детская литература, 1967.

Лебеденко А. Первая министерская. Восстание на «Св. Анне». — Л.: Детская литература, 1967. — 392 с. Тираж 60 000 экз. Цена 78 коп. Рисунки Н. Лямина.

Из предисловия: В его очерках и рассказах, появившихся во второй половине двадцатых годов, он писал не о войне и революционных событиях, а о своих путешествиях: в 1924 году Лебеденко объехал вокруг Европы на пароходе «Франц Меринг», в 1925 году участвовал в знаменитом перелете Москва — Пекин, в 1926 году летал на дирижабле «Норвегия» из Ленинграда на Шпицберген. Что говорить! Читать описания этих путешествий было очень интересно; чувствовалось, что автор очерков — большевик, талантливый человек, но все же главное — то, что составляло суть жизненного опыта Лебеденко, — оставалось еще не рассказанным. В 1930 году в красочной историко-революционной повести «Восстание на «Св. Анне» писатель вплотную подошел к своей главной теме. А в 1932 году вышел в двух томах его роман «Тяжелый дивизион», в котором получило, наконец, свое художественное воплощение многое из того, что испытал и видел Лебеденко. Центральная тема романа — война и революция: фронт, рост революционных настроений, вступление на революционный путь.

Восстание на «Св. Анне»

- Об авторе
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая

Об авторе

Александр Гervasьевич Лебеденко в 1912 году приехал из украинского города Черкассы в Петербург, до весны 1915 года обучался здесь в университете на факультете восточных языков, а затем отправился артиллеристом на фронт первой мировой войны. Впечатления кровавой империалистической бойни, обнажившей уродства и преступления царского строя, послужили решающей подготовкой к

пониманию смысла и целей Октябрьской революции, и Лебеденко в 1918 году пошел добровольцем в Красную Армию. Тогда же он вступил в Коммунистическую партию. В ту пору ему было 26 лет (родился он в 1892 году). В рядах Красной Армии Лебеденко сражался против белогвардейских войск в Прибалтике.

В 1919 году Лебеденко работал в памятной старым ленинградцам газете седьмой армии «Боевая правда». Здесь, в Петрограде, он познакомился с некоторыми из молодых людей, только еще начинавшими тогда пробовать свои силы в литературе.

Советская литература рождалась в боях гражданской войны. Почти все молодые писатели тех лет принимали активное участие в войнах и революционных событиях; общность биографий и устремлений, романтика борьбы за Советскую власть очень сближали. Жизненный опыт почти у всех был не по возрасту велик, и молодые, приобретая постепенно литературное мастерство, старались выразить все ими пережитое в художественных образах. Но Лебеденко не торопился с созданием больших художественных произведений. Его товарищи — и младшие, и ровесники — выступали с повестями, рассказами, романами, а Лебеденко, продолжая деятельность свою в различных военно-политических учреждениях, работал журналистом, сотрудничал в «Ленинградской правде».

В его очерках и рассказах, появившихся во второй половине двадцатых годов, он писал не о войне и революционных событиях, а о своих путешествиях: в 1924 году Лебеденко объехал вокруг Европы на пароходе «Франц Меринг», в 1925 году участвовал в знаменитом перелете Москва — Пекин, в 1926 году летал на дирижабле «Норвегия» из Ленинграда на Шпицберген. Что говорить! Читать описания этих путешествий было очень интересно; чувствовалось, что автор очерков — большевик, талантливый человек, но все же главное — то, что составляло суть жизненного опыта Лебеденко, — оставалось еще не рассказанным.

В 1930 году в красочной историко-революционной повести «Восстание на «Св. Анне» писатель вплотную подошел к своей главной теме. А в 1932 году вышел в двух томах его роман «Тяжелый дивизион», в котором получило, наконец, свое художественное воплощение многое из того, что испытал и видел Лебеденко. Центральная тема романа — война и революция: фронт, рост революционных настроений, вступление на революционный путь. Роман имел большой успех, он привлекал внимание яркостью и глубиной изображения, широтой охвата событий, талантливостью и правдивостью. Он характерен неторопливым, обстоятельным показом событий и людей.

В 1934 году была впервые опубликована печатающаяся сейчас в этой книге очень сильная повесть Лебеденко «Первая министерская». В ней писатель вспоминает дореволюционные годы, отрочество и юность того поколения, лучшие представители которого в 1917 году (а иные и до того) связали свою судьбу с судьбой трудового народа, с Октябрьской революцией. Мастерски воссоздано в этой повести то давнее время, когда свирепая и тупая сила царского самодержавия давила Россию, душила все живое. Убедительно и достоверно даны юноши, только еще начинающие понимать, что так жить нельзя, вступающие в первые столкновения с властями. С гневом и болью пишет Лебеденко о чудовищных преступлениях полиции и «черной сотни».

В 1957 году вышел в свет роман «Лицом к лицу» о героических годах гражданской войны.

Роман встретил широкое признание читателей и критики, несколько раз переиздавался.

Роман «Дом без привидений» (1963 г.), посвященный современной молодежи, показал, как молод талант Лебеденко, как чутко отзывается старый писатель на сегодняшние проблемы. «Первая министерская» и «Восстание на Св. Анне» принадлежат к лучшим произведениям А. Г. Лебеденко. Читатель найдет в них много интересного и поучительного.

Глава первая

Маленький будильник с разбитым от падения во время шторма звонком глухо и назойливо дребезжал над ухом. Я с усилием открыл глаза и повернул выключатель. На часах было без десяти двенадцать. Холодный воздух струился сквозь полуоткрытый круглый иллюминатор, и узкая струйка морской воды бежала по белой стене вниз, к верхней доске широкого шкафа, служившего одновременно рабочим столом.

Корабль покачивало.

«Будет беспокойная ночь», — подумал я, оделся и вышел на палубу.

Черное небо, черное море. На небе быстрые тучи, гонимые ветром, то и дело набегают на редкие звезды. В море белые барашки на гребнях волн. Море гудит глухо и размеренно. Скрипит, словно от боли, высокая мачта, кружа в небе тусклым фонарем, и волны то бьют в борта решительно и сильно, то рассыпаются звонкими брызгами по доскам палубы, по серым брезентам.

По мокрому трапу я поднялся на командный мостик. Отсюда море казалось еще чернее и пароход меньше и беспомощнее. Ветер резво запевал в вантах, и соленые брызги иногда долетали до рулевой будки.

— Здорово, Егорыч! — сказал я рулевому.

— Здравсте, Николай Львович, — ответил он, усердно накручивая штурвал, оправил рукой рыжие тараканы усы и снова завертел колесо.

Младший штурман Кованько быстро, без всяких приветствий и замечаний, передал мне вахту, и я остался один на командном мостике.

Еще проходя мимо кают-компаний, я взглянул на прибитую к стене карту. «Св. Анна», средней величины грузовой пароход, принадлежавший Русскому обществу пароходства и торговли, шла вдоль северного норвежского берега. Час назад Кованько отметил наше положение: мы приближались к маяку Инге. Значит, скоро покажутся и наши родные северные русские берега.

Прошел час и другой. Все так же свежо задувал ветер, бурлило море, и казалось, что оно рассержено, но еще пока сдерживается. Но пройдет час, и, быть может, разгуляется волна, подымутся перед кораблем водяные горы, и белые лапы набегающих пенных валов захватят со всех сторон наш небольшой и не новый корабль.

Где-то к западу от курса судна поднимаются берега Европы, суровые Скандинавские скалы, видные днем за многие десятки километров. Сейчас они скрыты в черноте ночи, но я много раз ходил вдоль этих берегов из Балтики и Немецкого моря к Мурману и в Архангельск и словно вижу, несмотря на темноту, их поднимающиеся из воды голые угрюмые камни без признаков жизни.

— Что-то маяка не видно, — ворчит рулевой.

Я знаю его характер. Иногда он любит поболтать, но иногда будто играет в молчанку, — слова не выдавишь. Сейчас, по-видимому, на него нашел разговорный стих.

— К трем будет, — уверенно заметил я.

— Значит, завтра к ночи Мурман?

— Ветер противный задерживает. Идем меньше восьми узлов.

— Николай Львович! — неожиданно вскидывается Егорыч. При этом руки его перестают крутить штурвал, и в глазах, синих, водянистых, я вижу нескрываемое любопытство. Я чувствую, что сейчас услышу вопрос, который давно на уме у старика. Он сдерживался, но сейчас его прорвало.

— Что, друже? — спрашиваю его одобряюще. Мы много плавали вместе с ним и на «Анне» и на «Кондоре», и хотя я — штурман, а он — матрос, мы чувствуем себя товарищами по морю, по бурям, по соленой и крепкой моряцкой жизни.

— Кому мы, собственно, везем? Собственно, это? — Голос его снижается до шепота. — Эту музыку? — Он показывает пальцем вниз, на люк, ведущий в трюм.

— Кому? Командованию Северным фронтом.

— Это я слышал, а кому, собственно: англичанам али чайковцам?

— Чайковцам. Англичан уже нет. А впрочем, это нас не касается. Сдадим в порт, а там распределят...

— Распределя-я-ят. Это точно, что распределят... По винтовкам да по «максимкам».

— Ну, это ты потише, Егорыч. Молчи, знай помалкивай. За эти речи по головке не гладят.

— Ну, тут море. Море и услышит, да не расскажет.

— Ну, не скажи. Придем в порт, там законы сухопутные.

— Николай Львович! я вам правду скажу. Болтают, что уже порта нету... Большаки слопали. А?

— Ну, чепуха. В газетах было, что фронт держится; да и кто это болтает в море?

— Болта-ют... Ой, батюшки, мелькает! Инге, Николай Львович! — И он, взглянув на компас, завертел еще усерднее штурвал.

В темноте ночи загорелся яркой белой точкой маяк. Долгая вспышка, короткая, еще короткая, промежуток и опять долгая. Значит, Инге.

Когда маяк прошел на траверзе судна, я пошел к карте, отметил наше местоположение и снова вернулся на мостик, а из головы все не выходили слова старика. Неужели пали Мурманск и Архангельск?! Неужели победили большевики?! Пробили склянки — я приготовился сдавать вахту. Заспанный и злой старший помощник вскоре показался на мостике.

Держась за перила мокрого трапа под ударами ветра, я сошел вниз и, по обычаю, пошел в каюту не сразу. Сначала я прошел мимо дышащего жаром входа в машинное отделение, по коридору мимо офицерских кают, и дальше на бак к самому носу.

Я посидел на морях, видал виды, терпел крушения, но навсегда осталась у меня в памяти первая радость, которую я испытал на море. Еще мальчиком, переезжая из Одессы в Херсон, забрался я на нос парохода и, покачиваясь, распевал какую-то песню, а море, широкое синее море, качало меня, как на гигантских качелях. Всюду на корабле чувствуешь медленность движения — все громоздкое тело парохода, гонимое поворотами винта, упорно и тупо продвигается вперед. Но если сидеть на баке, склонившись за борт, и смотреть, как режет волну острый нос, — корабль кажется тихой легкой стрелой, пущенной из упругого лука. Вот взбросит набежавшая волна нос корабля вверх, — словно с башни высокой смотришь на уходящие вниз волны; но волны опять набегают, и замирает сердце. А вдруг поглотит тебя раскрывающаяся пучина? А острый нос-бивень по-прежнему режет пену и черно-зеленую воду, и кажется, быстро-быстро летишь куда-то вперед по волнам.

На баке море сразу обдало меня холодной волной, и я осторожно двинулся вдоль подветренного борта к корме.

На палубе ни души. Только у командного мостика внизу, закутавшись в брезентовый плащ поверх меховой куртки, дремлет вахтенный матрос. На корме тоже никого. Я бросил за борт докуренную сигаретку и собрался идти в каюту, как вдруг услышал у кормового люка шум и лязг железа о железо. Я осторожно шагнул к люку и увидел, что край брезента, которым задраен вход в трюм, пока корабль в пути, был отогнут. Были сняты железные шины, подняты мочины, и в одном углу широкого люка чернела большая дыра. Кто же это открыл люк?

Я прислушался. Всё тихо. Я потрогал рукою ступеньки железного трапа и заметил, что они влажны. Очевидно, кто-то спускался в люк в мокрых сапогах.

«Но ведь в трюме оружие, порох, динамит!» — подумал я и уже хотел было поднять тревогу, но сдержался и не крикнул.

Кто же может забраться в трюм на море, кроме команды? Подниму шум, а окажется, что это плотник полез за гвоздями или боцман — самое беспокойное существо на корабле, не знающая ни дня ни ночи, — что-нибудь ищет. Мало ли что! Но поздний час! час какой! «И почему часовых не ставили?» — подумал я с досадой. В это время внизу, в трюме, блеснул огонь.

«Эге, — подумал я, — и болван же какой-то там шарит».

— Шатов! — позвал я негромко, наклонившись к люку. Шатов была фамилия нашего боцмана. Ответа не последовало, но свет сейчас же погас. Я вынул электрический фонарик из кармана и направил его в черноту трюма. Тусклый свет озарил часть твиндека, занятого грузом. Между крепкими железными пиллерсами, на которых держалась верхняя палуба, лежали тюки с аргентинской кожей, наглухо забитые ящики; в одном из углов нескладной кучей поднимались обрывки цепей, мотки проволоки, круги канатов — все боцманское починочное добро. Средняя часть верхнего трюма оставалась незанятой, и ход вниз, в самое брюхо корабля, был открыт. В верхней части трюма, по-видимому, никого не было. Освещая путь карманным фонарем, я спустился еще ниже.

Такой же ржавый трап вел в нижний трюм. Он был набит до отказа. Высокими штабелями один на другом громоздились здесь похожие на гробы длинные ящики с винтовками. Дальше теснились переложенные мягкими циновками металлические упаковки с порохом и патронами. Незанятым оставалось только узкое пространство, глубокая щель у самого трапа. Первый же взгляд при свете фонаря показал мне, что здесь не все благополучно.

Один из ящиков с винтовками был сдвинут с места и придвинут к кубическим цинковым, обшитым войлоком упаковкам с яркими красными надписями. Из-за этого ящика виднелись широкие плечи в брезентовой матросской куртке.

— Кто здесь? Выходи! — сказал я негромко, но твердо. — Все равно вижу.

Плечи медленно поднялись, показалась русая всклокоченная голова. На меня смотрело в упор злое лицо Андрея Быстрова, молодого матроса, взятого на «Св.

Анну» в Мурманске во время последнего рейса из Архангельска в Плимут.

— Что ты делаешь здесь? — спросил я, продолжая освещать фонарем все углы трюма.

Быстров поднялся на ноги. Свет моего фонаря упал на один из цинковых ящиков. С ящика был сорван чехол и сбита крышка. Серая масса взрывчатого вещества глядела наружу. В руке Быстрова были долото и длинный шнур. Ясно, что здесь подготавливался взрыв корабля.

Быстров почувствовал, что я понял все. Сжав в руке долото, он неуклюже прыгнул к трапу. Его лицо, растерянное и злое, оказалось на расстоянии метра от меня, в самом центре светового пятна.

Но шансы наши были неравны. Я находился наверху и был вооружен. Он — внизу и, если не считать долота, — безоружен. Я погасил фонарь и вынул браунинг. Расчет мой оказался верным. Теперь вспыхнул фонарь в руке Быстрова, и я оказался в луче яркого света. Вид браунинга в моей руке отрезвил матроса, и, когда я в свою очередь зажег фонарь, я увидел, как рука Андрея выпустила долото и сжимала теперь не нужный никому шнур.

Мы направили одновременно электрические фонари в лицо один другому, но край светового конуса его фонаря дрожал на стене, тогда как мой ровно горел на ящиках и циновках трюма.

— Гаси фонарь! — скомандовал я резко.

Свет в его руке погас.

— Руки вверх! — Теперь и шнур выпал из медленно поднимавшихся кверху рук Быстрова.

— Марш наверх по трапу!

Быстров медленно двинулся вперед, поднялся по ступеням и, не ожидая нового окрика, полез на верхнюю палубу.

— Погоди, — сказал я ему. — Закрой люк!

Матрос не двигался. Лицо его выражало изумление.

Медленно, не спуская с меня глаз, он поднял доски и прикрыл ими вход в трюм. Так же медленно он набросил на края натянутого брезента железную шину, старательно и четко, словно делал обычную матросскую работу.

Окончив, он снова вопросительно посмотрел на меня.

Я знал, что он не видит моего лица за ярким снопом света.

— Ступай наверх, но без шума. Не думай бежать. Богом клянусь, стрелять буду и не промажу!

Матрос двинулся вперед и, взобравшись по трапу, остановился на палубе у самого люка. Держа в руке взведенный браунинг, я поднимался на палубу вслед за ним.

— Задраивай люк. Видишь — вода хлещет? — сказал я. Быстров проделал ту же работу, что и над нижним люком.

Через пять минут мокрый серый брезент был ровно натянут и скреплен железной шиной и клиньями, словно его никто не трогал с места.

— Поклянись мне, что больше не полезешь в трюм... за этим.

— Чем клясться-то?.. В бога не верю...

— Ишь какой ты! Ну... дай честное слово.

Он подумал.

— Ладно. Что ж... Не полезу... верное слово...

— То-то, дурак. Ну, иди в кубрик. Быстро!

Вместо этого Быстров двинулся к корме.

— Стой! В кубрик сказано! Ну!

Быстров повернулся и быстро зашагал по качающейся палубе на бак.

Я подошел к корме и в черноте ночи увидел тонкий трос, уходящий во тьму и крепко натянутый. Я направил луч фонаря вдоль троса, и на черной воде в клубах белой пены передо мной заплесал нос небольшой шлюпки, которая обычно была поднята на шлюпбалках у самой кормы и употреблялась для рыболовных и других надобностей. В лодке сидела одинокая фигура.

— Эй ты! — крикнул я в темноту. — Тянись к борту.

Но конец троса внезапно ослабел в моей руке, и шлюпка исчезла из светового тусклого круга.

По-видимому, сидевший в лодке обрезал трос.

В это время маяк Инге еще ярко сверкал в трех — четырех километрах от курса «Св. Анны».

Когда утром я вышел в кают-компанию, боцман докладывал капитану о том, что с судна пропал матрос Генрих Кас и вместе с ним малая шлюпка без номера, подобранная в прошлом году в устье Северной Двины.

У капитана было неприятное круглое лицо с белесыми бровями и рыжими волосами ежом. Крупные веснушки покрывали щеки и нос. Маленькие глаза, широко расставленные, глядели из узких щелок монгольского разреза. Он был высок, широкоплеч и силен.

— Допросить всех! — кипятился он, размахивая руками. — Что же, никто ничего не видел? В чью вахту? Выяснить, что еще пропало.

— Я уже выяснил, господин капитан, — смотря в сторону, твердил боцман. — Кроме личных вещей Каса, все цело. Все люки задраены. Все имущество, кажись, на месте.

— Кажись? Не кажись, а все осмотреть! Небывалая вещь, — обратился он ко мне. — В море сбежал матрос. И, кажется, в вашу вахту.

— Не понимаю, как это могло быть, — уверенно ответил я. — Море ночью было беспокойно, для прогулок время неудачное.

— Зато берег близко, и наша граница — рукой подать. Верно подлец рассчитал.

— Какой же смысл? Не понимаю, — развел я руками.

— Смысл, значит, был, если рискнул бежать ночью в бурю на душегубке. Да и без помощников дело не обошлось. А вот какой смысл, так это мы еще узнаем в Мурманске. Там по этому делу специалисты есть.

Дело принимало худой оборот. Контрразведка перевернет грузенное оружием судно вверх ногами, и, если там, в трюме, остался хоть какой-нибудь след Андрея Быстрова, — пояс, ремешок, обрывок одежды или следы сапог, ему несдобровать, а от него недалеко и до меня. Я еще не успел обдумать все, что произошло в трюме, а ночью я действовал не рассуждая, и даже сейчас мне непонятно до конца, почему я поступил так, а не иначе в ту ночь.

Из кают-компании я вышел на палубу. Зимнее солнце блестело на белых стенах шканцев, на начищенных медных частях, в каплях морской воды, на тусклой, только что надраенной палубе. Почти вся команда была наверху. Палубные матросы щетками и швабрами мыли палубу на корме. Высокий парень с веселым угреватым лицом, Матвей Косюра, поливал палубу из брандспойта, иногда в шутку окатывал ледяной струей зазевавшихся товарищей. Судовой повар, в мятом колпаке, в переднике и в меховой куртке, сидел на железном кнехте, подпрыгивая ногами. Боцман у кормы согнулся над маленьким люком.

Там, в кладовой, хранились краски, кисти, щетки, проволока, дратва, тряпье, машинное масло и тому подобные необходимые на судне материалы.

Андрей Быстров снизу подавал боцману какие-то белые банки, должно быть с белилами, и кисти. Боцман принимал от него кисти одну за другой, проводил кистью по широкой закоружлой ладони и возвращал обратно.

Завтра порт. Каждый боцман хочет немного приукрасить корабль к моменту входа в гавань. Так ведется испокон веков, и наш боцман Шатов, должно быть, думает сейчас, не побелить ли ему леера, не пройти ли кистью по стенам капитанской каюты, может быть, покрыть охрой нижнюю часть грот-мачты и подъемную стрелу.

Я смотрел, как голова Быстрова то показывается над палубой, то ныряет вниз. Но вот он заметил меня, резко отвернулся и скрылся в глубине кладовушки.

Я отвернулся и пошел в сторону. Палубная жизнь на судне шла полным ходом. Бегали взад и вперед матросы в серых парусиновых брюках и брезентовых сапогах. У лебедки, готовясь к завтрашней разгрузке, суется третий помощник. С передней лебедкой что-то неладно. Высокий, широкоплечий, чернявый украинец Степаненко стоит у мотора, словно вагоновожатый на площадке трамвая, и по команде третьего помощника то пускает, то останавливает мотор. Лебедка визжит, гремит цепью, лязгает разболтанными частями.

Наверху гулко хлопнула дверь. Это капитанский вестовой Глазов проветривает «помещение».

Тяжелые клубы черного дыма несутся куда-то вправо к скалистым неприветливым берегам, протянувшимся вперед и назад насколько хватает глаз. Берега все те же, что и вчера, однообразные, серые, скала к скале, с вершинами, укутанными толстой пеленой белого снега. Белые буруны бьются у их подножия, но отсюда, издали, они кажутся маленькими живыми мазками белил по сине-черной поверхности моря.

Капитан вышел из кают-компания и направился на мостик. Боцман опять с ним. Увидев Шатова, я вспомнил о Быстрове и почти сейчас же увидел его. Он спускался в матросский кубрик с белым жестяным ведром в руке. Он смотрел в сторону, но я чувствовал, что он видит меня и следит за каждым моим движением. Вот скрылись его плечи, голова, и дверь захлопнулась. Я опять пошел в кают-компанию. Сюда же пришли и капитан и старший помощник. Старший — высокий, сухой, с желтыми зубами, вялым цветом лица и с английским пробором до затылка — всегда был мне несимпатичен. Он происходил из старой морской семьи, — один из предков его даже был адмиралом, и только какой-то скандал, о котором старший не любил рассказывать, помешал ему кончить морской корпус и выйти в военный флот. Старший держался высокомерно, был груб с матросами и всячески старался поддерживать на нашем коммерческом судне военную дисциплину. Звали его Андреем Никитичем Чеховским. С капитаном он кое-как ладил, но ко мне и к третьему относился свысока. Он ненавидел большевиков и даже одно время думал пойти добровольцем на сухопутный фронт белых. Капитан сел в морское кресло, наглухо прикрепленное к палубе, положил голову на полные волосатые руки и, покачиваясь, глядел в зеркало, вделанное в стену над низким резным буфетом красного дерева. В зеркале мерно качалось четкое отражение покрытого барашками моря и то поднималась, то падала серая полоса далекого скалистого берега.

— Какие шансы? — говорил он угрюмо и медленно. — Шансов, батенька, никаких: Колчак был силой! Деникин до Орла дошел! А где они теперь? Ну, а Северная область если еще и не занята большевиками, то лишь потому, что сейчас им не до нее. А придет черед — разделаются быстро и окончательно.

— Значит, по-вашему, большевики победят?

— Уже победили. Киев у них, Полтава и Харьков — тоже. Наши сидят в Крыму, как в ловушке. Союзники нас бросают. Плохо!

— Борьба еще не окончена, — с горячностью отвечал Чеховской, — бороться нужно до последнего выстрела.

— Конечно, не кончена. В этом вы правы. Борьба еще возобновится, но это будет тогда, когда большевиков возненавидит вся страна: и крестьяне и рабочие.

— Так рассуждали англичане перед эвакуацией.

— Вы думаете, они были неправы? События доказали верность их выводов. Не так ли, Николай Львович?

Вопрос был задан мне в упор.

— У вас есть какие-нибудь новости? — ответил я встречным вопросом.

— Какие могут быть новости в море? Как у вас, так и у нас.

— Ну, если вы знаете только то, что и я, то это не много. — заметил я и вышел на палубу.

В дни успехов белого движения капитан и старший держали себя с командой нагло. В пьяном виде они грозили матросам поркой. Но дни побед миновали, и настроения обоих изменились. Капитан как-то сразу обмяк, стал часто задумываться, а старший упорно ждал какого-то, одному ему известного, поворота событий.

Когда мы покидали Тромсэ, один из портов северной Норвегии, мы уже знали, что дела белых плохи, но что Северная область все еще держится. В непроходимых болотах, в таежных чащах северных лесов на тысячи верст раскинулся фронт архангельского правительства. Но только две железные дороги — Вологда — Архангельск и Петроград — Мурманск пересекали этот фронт на всем его протяжении. Вдоль этих рельсовых путей, да еще летом по течениям многоводных северных рек, шли бои. Между этими войсковыми группами лежали необозримые бездорожные просторы, где, прыгая с кочки на кочку или пробивая топором путь в тайге, бродили только редкие патрули да партизанские отряды обеих сторон. Но после разгрома Деникина пошли слухи, что большевики твердо решили покончить с Северным фронтом.

Утренняя приборка кончилась, и на прибранной палубе стало пустынно. Резкий ветер и холодные брызги разгулявшихся волн не располагали к прогулкам на свежем воздухе. Команда сбилась в жарко натопленных кубриках, штурманы и механики попрятались по каютам. Только вахтенные матросы, сидя у носового колокола под прикрытием борта, зябко кутались в кожаные, подбитые волчьим мехом куртки, да вахтенный штурман носился от одного конца командного мостика к другому. Я поднял воротник куртки и подошел к борту.

Все то же море — густо-синее с белыми завитками бурунов, туманный горизонт, ни паруса, ни лодки. Только птицы без усталости кружат над нами, то обгоняют судно, то, пугаясь черного дыма, отлетят в сторону и опять налетают. Ветер режет лицо, и я поспешил укрыться за стеной капитанской каюты. Здесь, на скамье, привинченной к палубе, я увидел Быстрова. Он уткнул нос в грязный волчий воротник и смотрел на далекий берег.

«Чего он мерзнет, дуралей? — подумал я. — Вахта не его, вахтенный матрос на своем месте».

Быстров встал.

— Ты что? Тепло надоело?

— Никак нет, просто так. — И он собирался уйти.

— погоди, Андрей! — сказал я. — Скажи мне, зачем делал это?

— Зачем делал, затем и делал, — сказал он грубо. — А только знайте, — выкрикнул он высоким, срывающимся голосом, — донесете — не я один... Тут вам и придется!.. Генриха сгубили... — Он резко повернулся ко мне спиной и зашагал на бак.

«Генриха? — подумал я. — Это, вероятно, он о Касе».

Я пошел к себе в каюту и лег на койку. Надо было привести в порядок мысли. Я вспомнил все происшествия прошедшей ночи, и только теперь мне стало ясно, какая опасность грозила кораблю. Я представил себе разбитый взрывом корабль: доски, ящики, бочонки, обломки бревен несутся по волнам, тонут люди, — и о судьбе, постигшей команду океанского судна, быть может, никто и не догадался бы. Только теперь я понял, что спас человека, готовившегося стать нашим убийцей.

Конечно, я спас Андрея не потому, что хотел совершить хороший поступок. Не из страха и не из любви к Андрею. О том, что он ненавидит белых, я в то время мог только догадываться, да и то, пожалуй, потому, что без малого все команды судов на Севере считались красными. Недаром единственное военное судно правительства Северной области броненосец «Чесма» — старая калоша — был разоружен по приказу главнокомандующего генерала Миллера. С него свезли на берег все снаряды, и у пушек были отвинчены замки. Белые власти боялись, как бы матросы в один прекрасный день не запалили по городу и не превратили бы дряхлую «Чесму» в архангельскую «Аврору».

Сам я о большевиках думал тогда, что это враги моей родины, но и к белым у меня душа не лежала. Сын сверхсрочного матроса, я хорошо знал офицеров, особенно морских, так называемую военно-морскую «белую дворянскую кость». Толкаясь по тылам белых армий, по южным и северным портам, я убедился в том, что белым не победить красных. За красными шли массы, у них были порыв и вера в свое дело, крепкая организация, железная дисциплина, а у белых — всюду был развал, офицеры гонялись за чинами, пьянствовали, развратничали и неумно, неосмотрительно свирепствовали по деревням и в захваченных рабочих центрах. Но тогда я еще и не думал о переходе к красным. Не выдал я Андрея потому, что стало мне жаль парня. Я помешал ему совершить страшное дело, на которое он, по-видимому, смотрел, как на подвиг, но выдать его я не захотел.

Конечно, по долгу службы я не должен был этого делать. В жестокой борьбе — жалости не место. Но все дело в том, что вера моя в белое движение была уже сильно поколеблена. В офицерах и капиталистах я перестал видеть спасителей России, а вместе с этим улеглась, утихла и ненависть моя к большевикам.

С такими мыслями вышел я опять на палубу, когда ранняя северная февральская ночь опускалась на волнуемое море. Берега отодвинулись во тьму. Снежные вершины слились с серыми подножиями скал. Дальний маяк мигал едва заметно, и неподалеку медленно проплывал небольшой одинокий айсберг, пригнанный сюда ветрами от глетчеров Шпицбергена или, быть может, даже от берегов Новой Земли. Ветер дул злыми внезапными порывами. Судно кивало навстречу ему тяжелой неуклюжей трубой, и мачты белым топовым огнем чертили широкие круги по звездному небу. На палубе блестели потоки морской

воды, заброшенные ветром через невысокие борта, темнели покрытые чехлами шлюпки и части лебедок. Я пошел на бак.

В большом судовом колоколе, не смолкая, гулко пел ветер. Далеко внизу равномерно ударила в острый нос корабля набегаящая волна. Я сел на скамейку и задумался. Прошел, должно быть, час. Ночь чернела теперь, как угольная яма, опрокинутая над морем, а редкие звезды казались блестками на отшлифованных гранях кокса.

Приближались берега России, и я невольно вспоминал знакомые места: невзрачные улицы и бараки Мурманска и набережные столицы Северной области — Архангельска.

Мы покинули Мурманск перед походом в Плимут; тогда в Мурманске еще был относительный порядок. Правда, англичане ушли, испуганные брожением в своих частях и то и дело вспыхивавшими восстаниями в полках белых, но они оставили правительству Северной области достаточное количество продовольствия, одежды и даже денег. Только военное снаряжение, танки, пулеметы, пушки и снаряды, которые нельзя было захватить с собою, они утопили в Северной Двине.

Белые генералы чуть не плакали, глядя, как погружается в воду такое ценное, необходимое им добро, но англичане были непреклонны. Они были уверены в том, что скоро в Архангельск и Мурманск придут большевики. Оставлять оружие красным они не желали. К тому же они рассчитывали, что лишенные военных припасов белые принуждены будут покинуть Северную область одновременно с ними. Но белое военное командование упрямо отказывалось считать свое дело проигранным, эвакуироваться не пожелало и решило продолжать борьбу с большевиками на свой риск. Сначала на фронтах у белых были кое-какие успехи. Красные увели лучшие свои войска на юг, на восток против Деникина и Колчака, на запад против Польши, и наступать на Северном фронте, раскинувшемся на три тысячи километров, пока не собирались.

В Англии мы узнали из газет об эвакуации Севера союзными войсками, о новых поражениях белых армий на юге и о том, что теперь красные собираются покончить с Северным фронтом. Подробностей о положении в Северной области английские газеты не сообщали.

В пути нам попадались только норвежские газеты, но по-норвежски никто из нас не читал, и мы шли к берегам Северной России, не зная, что нас ожидает.

Слухи о предстоящих боях на Северном фронте меня сильно тревожили. Англичане ушли и увели с собою все военные суда и транспорты. У белых осталось не больше десятка океанских судов, несколько ледоколов, старый броненосец да полдесятка миноносцев и тральщиков. Для эвакуации целой армии этого, конечно, было недостаточно. К тому же холодная зима сковала льдами выходы из Белого моря, и даже Баренцево море покрылось ледяными полями, сквозь которые не пробиться и ледоколу.

Подняв голову над высоким бортом, я посмотрел еще раз в сторону знакомых неприветливых берегов. Море и небо слились в одну сплошную черную стену, и даже звезды скрылись за туманами, плывущими со Скандинавских гор.

Раздался свисток. Матрос, шлепая по скользкой палубе широкими растоптанными подошвами брезентовых сапог, пробежал к колоколу, ударил склянки и, зябко кутаясь в морской плащ, побежал обратно.

Я опять остался один, но на этот раз ненадолго.

Медленно, то останавливаясь, то вновь продвигаясь вдоль борта, ко мне подошла какая-то высокая фигура. Вот она уже надо мною. Я чувствую, что пришедший смотрит на меня, стараясь не ошибиться в темноте.

— Кто это? — спросил я резко.

— Я, Андрей Быстров, — прозвучал на этот раз спокойный голос матроса.

— Ты? — вопросительно протянул я и, подобрав полы морского плаща, очистил часть скамейки.

— Садись.

Андрей не сел. Он молча стоял надо мною. Я не видел, но угадывал, что он смотрит не на море, не на огни парохода, а на меня.

Я вынул папироску и зажег спичку. На мгновение глянуло на меня лицо Андрея, какое-то сосредоточенное, совсем не такое, каким я видел его днем и прошлой ночью, но ветер сейчас же задул огонь.

Я зажег вторую спичку, уткнувшись головой в самый угол сходящихся бортов и прикрывшись полами плаща.

«А вдруг стукнет?» — подумал я. И сразу же успокоился. Не такое лицо у него сейчас.

Я протянул ему портсигар. Он не взял и отвел портсигар крепкой, корявой рукой. Я почувствовал ее прикосновение на пальцах.

— Жалеете? — тихо спросил Андрей.

Я понял, но все же спросил, чтобы скрыть смущение:

— Кого жалею?

— Что не заарестовали.

Усилием воли я справился со смущением. Что крутить, — надо говорить прямо.

— Нет, не жалею.

Андрей помолчал.

— А если я еще раз в трюм полезу?

— Не полезешь, — уверенно сказал я.

— Как знать? — упорно твердил Андрей.

— Это, Андрей, страшное дело. Раз на него решиться можно, но повторить нельзя. Нет, не верю.

— А это не страшное дело?.. Трюм чем набит-то? Бочки с порохом да ящики с динамитом.

— Страшное, Андрей, да не мы его делаем.

— Не мы, а кто?

— Не мы, словом. Без этого, видно, нельзя. Ну, взорвешь «Святую Анну». Что же, ты все оружие уничтожишь? Эх его полно по всей Европе! Если бы мы с тобой могли все уничтожить, всюду, — я бы, может быть, первый фитиль-то поджег бы.

Андрей подхватил горячо и уверенно:

— А вот красные все хотят уничтожить! Все!

Я почувствовал в его словах большую уверенность. Фитиль, который он собирался поджечь в трюме, казался ему концом протянутого по всему миру, ко всем арсеналам, ко всем пороховым погребам, ко всем складам оружия, бикфордова шнура. Вот оно что! Вот она, вера, толкающая вперед этих голодных, разутых красноармейцев на всех фронтах Советской республики. И Андрей, этот простой матрос, сын рабочего, ничем особенно не выдающийся, в тылу у белых пытался, рискуя жизнью, поджечь один из бесконечных концов этого шнура. А сколько их, таких Андреев?! Кто прочтет их мысли на обветренном спокойном, иногда угрюмом лице?!

Я ушел в каюту, долго читал и заснул около полуночи.

Глава вторая

В восемь утра я опять стал на вахту. Глухое полярное утро почти ничем не отличалось от ночи. На востоке протянулась серая полоса неподвижных туч, чуть-чуть озаренных светом зари, еще скрывающейся за горизонтом. Кругом темно, но эта темнота стала мягкой, и уже можно уловить очертания парохода, но берега все еще тонули в черноте слившихся воедино моря и неба.

Несмотря на темень, на палубе возня. К полдню должен показаться Мурманск, и матросы, под выкрики и шутки, надраивают палубу при свете керосиновых фонарей, чтобы появиться в порту, как подобает фартовой океанской команде. Тусклые пятна света от покачивающихся фонарей медленно движутся туда и сюда, обнаруживая серые мокрые доски палубы. На краях брезента, у выхода из люка, висят, поблескивая, тонкие сосульки, и пушистая изморозь покрыла белую гладкую стену капитанской каюты.

Море беспокойно. Время от времени фонтаны брызг перелетают через борта, и матросы со смехом убегают в сторону от неожиданного ливня. Крепкие, замерзающие на лету капли звонко падают на палубу и, как ртутные шарики, катятся к борту, чтобы по ватервейсам вновь скользнуть в море. Белый пар идет из ртов уборщиков, красные пятна фонарей то и дело скрываются за облаками человеческого дыхания.

Только к десяти часам утра рассвело. Серо-розовая дымка затянула горизонт, и острая багрово-красная полоска солнца проглянула среди двух склоненных к горизонту густых синих туч. Фонари на палубе погасли, лишь кой-где в окнах кают продолжали гореть желтоватые язычки электрических ламп. Море показало все ту же игру белых барашков, и унылые берега вновь отделили толстой чертой синеву моря от серого неба.

Снежные скалы еще ближе придвинулись к пути корабля. Тяжелой грудой поднималась каменная земля и слепыми глазами смотрела на мертвое пустынное море.

Вскоре белым пятнышком показался на берегу Мурманский маяк, и вся свободная команда высыпала на палубу.

Какой порт не славится своей панорамой с моря! Какими только ласкательными и гордыми именами не окрестили моряки всех стран Лиссабон, Марсель, Геную, Одессу, Севастополь!

Мурманск в те времена не был похож на своих собратьев. Суровая природа дальнего севера не одарила его красотой южных портов. Здесь не было ни горделиво украшенных набережных, ни зеленых эспланад, ни бульваров.

Безлюдные тундры отрезали его от жилых мест и мешали этому единственному незамерзающему порту огромной страны превратиться в кипучий интернациональный город. Человек вырвал у северного скалистого побережья клочок низкой, болотистой прибрежной полосы, и на нем в несколько лет вырос полярный город.

Лысые горы притиснули его к морю. Ни леса, ни рощ, ни даже кустарников нет ни в городе, ни вокруг него. Серые деревянные пристани, построенные во время войны, десятки рельсовых путей, невзрачный вокзал и длинные ряды наскоро сколоченных деревянных домов и бараков — вот и весь Мурманск тех дней.

Он выплыл как-то неожиданно из-за поворота неприветливого берега и быстро рос на наших глазах, пока бросательный конец толстого троса, пущенный сильной рукой одного из матросов «Св. Анны», не шлепнулся о деревянный помост пристани.

На пристани, против обычая, никого не было, кроме служебного персонала и нескольких матросов. Это удивило меня самого и, по-видимому, всех находившихся на борту «Св. Анны». Удивление наше возросло еще больше, когда мы заметили, что выходы с пристани заняты часовыми, которые никого не подпускали к пароходу.

Как только сходни, громахая толстыми, расшатанными колесами, легли на палубу «Св. Анны», на пароход вошел военный патруль во главе с офицером, который немедленно прошел вместе с капитаном в его каюту.

Мы везли оружие. Поэтому меры военной охраны были необходимы. Но, когда капитан заявил, что, по приказанию командующего гарнизоном, никто, кроме его самого, не сойдет сегодня на берег, среди матросов поднялся плохо сдерживаемый ропот. Капитан пообещал лично съездить к начальнику гарнизона и уладить дело. После этого команда успокоилась. Капитан действительно сейчас же уехал, а на судне началась разгрузка и погрузка угля. Впрочем, это была только частичная разгрузка. Снесли на берег почту, кое-какие грузы, тюки, и ящики, адресованные в Мурманск, но люки, ведущие в нижний трюм с оружием, оставались плотно затянутыми брезентами, и у них появились часовые в форме одной из частей мурманского гарнизона.

Старший поднялся на мостик и зло забегал взад и вперед.

— Что это такие строгости? — спросил я его, глядя в сторону, на бухту, где стояли готовый к отходу большой ледокол, серый приземистый миноносец и два-три мелких парохода.

— Черт их знает. Наверное, не от радости, — ответил старший и сплюнул за борт.

Затем трубка переехала у него из одного края рта в другой, и, обернувшись ко мне, он со злою усмешкой спросил:

— А вы что-нибудь уже прослышали?

— Я ничего не слышал. Я с утра на вахте, — как мог спокойно, ответил я.

— А матросня разве не поведала вам городские сплетни?

— Матросы, — сказал я с ударением, — едва ли знают больше нас с вами. Ведь на берегу никто из них не был.

— Подумаешь! Шепнули словечко-другое. Те же часовые. Мало здесь красных? Вот и пошло.

— Что пошло? О чем вы говорите?

Он осмотрел меня с ног до головы — это была его обычная манера — и, опять отвернувшись, процедил, стискивая зубами трубку:

— Фронт проваливается. Здесь ждут восстания. Из Архангельска нет вестей.

— Вам это капитан сказал?

— Нет. Пока тоже слухи. Ведь в команде не только красные, есть и наши...

При этих словах он опять неприязненно посмотрел мне в лицо, словно хотел подчеркнуть разницу между нами.

— Вот капитан вернется, поеду в город. Сразу все разую. Там у нас свои источники.

Но надеждам старшего не суждено было сбыться. Капитан приехал поздним вечером, когда весь город уже спал. Через несколько минут после приезда капитана к борту парохода подошла небольшая группа людей. Впереди шел офицер с электрическим фонариком в руках. Он немедленно взойшел на борт «Св. Анны» и вызвал капитана. Я находился в это время на палубе, готовясь принять вахту, и это позднее посещение меня заинтересовало. С трудом я рассмотрел в темноте остановившуюся у самого борта группу людей, человек в семь-восемь. У некоторых в руках были винтовки со штыками. Эти вооруженные люди окружали трех человек, одетых в штатское. Один из штатских повернулся ко мне, и я услышал, как на ногах и руках его зазвенели кандалы.

Капитан вышел из своей каюты вместе с офицером, и вся группа, по знаку последнего, поднялась на борт «Св. Анны». Сначала прошли мимо меня вооруженные часовые, с вещевыми мешками на плечах, затем походкой измученных, изголодавшихся людей — трое закованных в кандалы. Впереди шел средних лет мужчина с небольшой бородкой, в ветхом пальто, полы которого то и дело распахивал северный ветер. За ним шел, тяжело цепляясь за перила, приземистый хромой человек. Третий был тонок и худ, — он все время прятал лицо в воротник брезентового плаща. Арестованные шли, потупя голову и еле волоча ноги.

— Николай Львович, — сказал капитан, — надо поместить арестантов в одной из пассажирских кают. Всех в одну каюту. А по соседству расположить часовых.

— Но. ведь в каюте только две койки, — попробовал было я возразить.

— На полу места хватит, — резко оборвал меня капитан.

Я вызвал вахтенного матроса, который сейчас же принес ключи от кают, и люди в кандалах и часовые были водворены в каюты. На «Св. Анне» было восемь пассажирских кают, но так как пассажиров, желающих ехать из Плимута в Мурманск, не нашлось, они пустовали.

Почти немедленно после этого я был вызван в капитанскую каюту. Здесь уже собрались все офицеры «Св. Анны».

Пять человек едва помещались в тесной каюте. Давил низкий потолок, и пять сигар быстро наполнили каюту клубами дыма.

Капитан, не садясь, почти шепотом начал свой доклад.

— Не удивляйтесь, господа. По приказу начальника края мы снимаемся рано утром, вернее ночью, и идем в Архангельск, вслед за ледоколом «Соловей Будимирович». Если мы пробьемся сквозь льды в горле Белого моря и придем раньше конца, то мы выгрузим наше оружие, которое будет немедленно двинуто на фронт. Больше я ничего не имею вам сказать и никакими иными сведениями не располагаю. Мой приказ — приготовиться к отходу в 6 часов утра. Я кончил.

Мы встали. По лицам товарищей я видел, — они поражены не меньше моего.

Поход в Белое море в феврале! В гущу сбитых ветрами ледяных полей, в эти горы торосов, столпившихся в узком проходе из Белого в Баренцево море. Даже первоклассный ледокол проделает такой путь с трудом.

Сколько же дней, а то и недель, мы будем идти? И дойдем ли? А если застрянем где-нибудь в проливе до весны? А если унесут нас льдины в Баренцево море, как это случалось не раз с неудачливыми судами?

Мысли тревожные, цепкие, настойчивые проникли в сознание.

Так вот почему ледокол стоит под парами! Так вот почему не пустили нас на берег!

Капитан стоял молча, всем своим видом показывая, что он не намерен вступать в какие-нибудь разговоры.

Но третий штурман, Кованько, не выдержал и спросил:

— А это кто такие? Что за люди — арестанты?

Капитан посмотрел на него тяжелым взором и, немного помедлив, процедил:

— Это с Иоканки. Вызывают в Архангельск. На суд.

Иоканка — это была каторга архангельского правительства, страшная, легендарная тюрьма на холодном Мурманском берегу.

Мы покинули каюту капитана и разбрелись в разные стороны. Я с третьим и со старшим механиком пришел на мостик.

Механик, Иван Степанович Казаков, сухой, костлявый старик, возмущался:

— Ведь угля у нас может не хватить. А ведь до Архангельска сколько идти? Может, три дня, а может быть, и три месяца. И в Архангельске угля нет.

— Что же вы не сказали? — спросил третий.

— Что же говорить-то? Сам знает. Слышали: приказ да и только. Все равно до шести утра ничего не сделаешь. Надо машины осмотреть. Думал, в Мурманске посмотрю не спеша...

— Вы же в Плимуте смотрели.

— В Плимуте, — передразнил третьего Казаков. — В Плимуте о ледяном походе не думали. По льдам — это не по чистой воде ходить. Машины станут, ледокол уйдет, — и мерзни до мая. Да-с. — Он зло сплюнул и ушел.

Как бы то ни было, к шести часам мы были готовы, и, когда ледокол дал сигнал, «Св. Анна» отошла от пристани и поспешила вслед за ним к выходу из бухты.

Никто не провожал нас, кроме патруля да матросов с пристани. Спал город, спали корабли в гавани, мирно дремал в темноте миноносец, и только маяк на высокой скале ронял ослепительные белые лучи на черную поверхность моря.

Впереди, на высокой мачте ледокола, был огонь, и рулевой вел «Св. Анну» вслед за ледоколом, ставшим нашим водителем на несколько дней, а то и недель.

День застал нас у пустынного острова Кильдина, а к вечеру мы уже миновали Териберский маяк. Все чаще на пути нашем стали попадаться отдельные льдины и небольшие айсберги, свидетельствуя о приближении ледяных полей. Гольфстрим отходил на север, а мы вступили в область лютой северной зимы.

Когда поздним утром я вышел на палубу, мы уже пробивались сквозь редкие льды, которые ледокол без труда раздвигал своим крепким корпусом. Открытое море с белыми барашками осталось позади. Впереди же — сколько хватал глаз — расстилались неровные, торосистые ледяные поля, иногда прорезанные узкими полыньями и щелями. Местами глыбы льда громоздились одна на другую, и зеленоватые тусклые края их, высунувшись из воды, блестели изумрудными гранями на ярком зимнем солнце. Иногда небольшой, загнанный ветрами к Мурманскому побережью айсберг, у подножия которого особенно густо сбивались в кучу плоские льдины, поворачивал к нам свои размытые волной, изрытые пещерами и щелями бока. Ветер стих, и солнце алмазной россыпью зажигало снега. Воздух был чист и свеж. Такой воздух бывает только далеко в море да среди девственных полярных и горных снегов.

Матросы сняли плащи и меховые шапки и подставили обветренные веселые красные лица лучам зимнего солнца и свежему ветру.

Мурманский берег узкой, едва заметной черточкой тянулся на горизонте.

К вечеру льды стали гуще, и ночью ледокол вошел в сплошные ледяные поля. Началась упорная борьба черного дымящего чудовища со льдами. Борьба длилась три дня. Когда ледокол поворачивался к нам боком, меняя курс и лавируя среди льдин, мы видели, как его приподнятое над снегами черное тело взбиралось на льдину, высоко вздымался плоский утиный нос и потом вдруг проваливался в образовавшуюся трещину. Мелкие льдины кувыркались, показывая зеленоватые бока, и синяя узкая щель стремительно бежала далеко вперед по белой скатерти снега.

Иногда, когда толстый лед не поддавался усилиям чудовища, оно пятилось назад и, разогнавшись, вновь устремлялось на льды, повторяя такие набеге до тех пор, пока лед не уступал напору его широкого черного корпуса.

В этой медленной упорной борьбе протекали ясные зимние дни и лунные ночи.

Высоко на грот-мачте «Св. Анны» и ледокола, в глубоких бочонках, точно вставшие на задние лапы серые медведи, раскачиваются вместе с судном «ледяные штурмана». Эти люди родились и поселились во льдах. Они знают все привычки ледяных полей, все капризы бурь и метелей Севера. По каким-то неуловимым признакам они определяют толщину, крепость и направление движения льдов. Обыкновенно это — угрюмые молчаливые поморы, финны или норвежцы. Зимой они по целым дням качаются между небом и землей на высоких мачтах судов, а летом рыбачат или пересидживают непогоду в невзрачных, но теплых избушках, построенных на побережье Баренцева моря.

Команда работает лениво. Окончив вахту, матросы забираются в кубрик. Здесь читают вслух книгу или газету, чаще играют в «три листика», «козла» или в «носы», пьют чай, штопают одежду, чинят брезентовую обувь, или же, лежа на койках, ведут между собою бесконечные разговоры. Стоит войти в кубрик штурману — и разговор сейчас же меняется. Есть у них, у матросов, какие-то темы не для нашего уха. Ко мне лично команда относится с явной доброжелательностью, не так, как к капитану или старшему, но есть у матросов секреты и от меня. Они не любят при мне говорить о своих домашних, о деревнях, о хозяйствах, оставленных на суше. О политике они любят слушать, но говорить сами отказываются. Спросишь их о чем-нибудь:

— А как вы думаете?

— Да мы что... Никак. Мы — необразованные.

Но стоит присмотреться к ним внимательнее, и видишь, что взгляд у них на все свой, крепкий, иногда нелепый, но свой. Теперь бы я сказал — классовый, а тогда я не понимал этого и считал, что они упорствуют, и упорство их происходит от невежества.

Говорили как-то об англичанах и немцах. Я старался доказать матросам, что англичане нам друзья, союзники, а немцы — враги. Один молодой матрос, всегда особенно недоброжелательный к офицерам, сказал:

— А нам что немцы, что англичане — один черт. Чужие люди. Нас бы только не трогали, вот и все.

И все закивали, повторяя его слова:

— Нас бы не трогали, а нам что!

Матросы любили анекдоты, сказки, пословицы, заговоры, причитания и северные былины. Потому общим любимцем был Оська Слепнев — сказочник, задорный, молодой розовощекий парень с русской головой. Волосы у него торчали во все стороны, а на мускулистых руках золотилась мягкая пушистая шерсть цвета хорошо начищенной медной кастрюли. Глаза голубые смотрели с легким холодком. Говорил он обыкновенно спокойно, положив голову на руки, но все покатывались от его рассказов и особого густого матросского языка, в который вошли слова из всех северных и средиземноморских наречий, — жаргон всех европейских портов.

Палубные матросы жили дружной компанией. Особняком держались только украинец Павло Вороненко, чернявый парень, задумчивый певун с маленьким приятным тенорком, и 40-летний сверхсрочный матрос — Фомин. Это был человек себе на уме, лицемер и ханжа. Перед бурей он всегда надевал чистую сорочку, утром и вечером по получасу клал поклоны в углу каюты или просто на койке, не обращая внимания на насмешки, а иногда и толчки соседей. Крестился после каждого богохульства, которыми изобилвала речь молодых матросов, с крестом садился за еду и вставал от стола, а по вечерам при свете лампы читал псалтырь, книжку в блестящем черном переплете с широкой, когда-то малиновой, а теперь просто грязной лентой.

Механики и кочегары жили в другом кубрике на корме.

Появление арестантов произвело на команду большое впечатление. Матросы то и дело ходили по коридору и, несмотря на окрики часового, задерживались у дверей каюты, занятой арестантами. Капитан приказал закрыть правый коридор под спардеком. Тогда матросы стали ходить с юта на бак и обратно через другой коридор, шедший по другому борту. Каждый день после обеда арестованных выводили на прогулку, причем капитан или старший удалялись на это время с бака всех, кроме вахтенного матроса;

команде запрещалось разговаривать с арестованными. Во время одной из прогулок мне удалось получше рассмотреть всех троих. Впереди шагал худой, изможденный человек. Острые плечи его выступали углом из-под выцветшего драпового пальто. На ногах ботинки и галоши со стоптанными задниками. Из-под шляпы торчат черные, прямые, почти до плеч волосы. Второй, хромой, по-видимому, из мастеровых, тянул собачью лапку. У него широкое, добродушное лицо с толстым носом и светлые маленькие глаза. Одет он в потрепанную, подбитую мехом кожаную куртку. Третий — молодой в оленьих сапогах, худой и тощий, как жердь, одет по-городскому. Арестованные медленно двигались вдоль бортов, молчали и глядели на льды и на дымивший впереди ледокол.

Через полчаса их опять уводили в каюту, и они на сутки скрывались от наших взоров.

На пятый день пути ледокол вступил в поля торосов, неровных ледяных глыб, согнанных из просторов Баренцева моря северными бурями в горло Белого моря.

Если трудно пробиваться сквозь ледяные поля, где ровный и ломкий лед легко поддается усилиям ледокола, то движение среди сбитых в одну крепкую массу торосов похоже на титаническую борьбу черного чудовища с ледяной стихией.

Тяжелый ледокол разгоняется и налетает с разбега на ледяной барьер. С треском и грохотом рушится лед. Подгоняемое могучим напором винтов широконосое чудовище вздымается над льдами все выше и выше, словно стремясь взобраться на снег всем туловищем. Кажется, вот-вот вылезут из воды черные тюленьи плавники-лапы и ледокол, карабкаясь и цепляясь, ухватится за край упорных, не поддающихся льдин.

Но льдины не сдаются, — ледокол замер, подняв кверху плоский черный нос. Секунда — и он сползает назад. Винты работают задним ходом, — ледокол опять берет разбег. Опять стучит машина, и судно прыгает на глыбы льда. Еще неудача, еще — разбег и новый скачок. И так, пока не рухнет с грохом и плеском сокрушенная ледяная глыба и не откроется путь вперед на десяток-другой метров.

В этой битве нельзя не победить. Стоит ледоколу остановиться — и вода кругом замерзнет. Льды, назойливые, упорные, ползут вдоль бортов, взберутся на палубу, и тогда не вырваться из их объятий. Корабль станет ледяной темницей, и только весною, когда теплые ветры погонят ледяные поля в океан, освободится он от ледяных оков. Но холод, цинга и голод задолго до освобождения превратят эту плавучую темницу в кладбище.

День и ночь идет борьба со льдами. Но даже по пробитому ледоколом фарватеру трудно идти обыкновенному морскому кораблю.

Льдины глухо стучат в тонкие стены корпуса. Иногда их налеты похожи на удары тяжелых молотов. Ударит такая льдина — и прошелестит вдоль борта так, что зазвенят все переборки. Долго ли образоваться щели в тонкой обшивке?!

Идем медленно, даже тогда, когда ледокол успевает уйти далеко вперед, чтобы не усиливать опасность пробоины быстрым ходом.

День и ночь, и еще день и ночь.

Проснувшись утром, когда судно должно было находиться примерно на середине Белого моря, я почувствовал, что мы идем ровнее и быстрее. В кают-компании я узнал, что ледокол случайно встретил проделанный каким-то другим мощным ледоколом фарватер. Трещина шла в направлении к Архангельску. Это был след ледокола, прошедшего здесь не дальше как вчера, позавчера. Это позволило нашему ледоколу, а за ним и «Св. Анне» без задержек идти вперед к устью Северной Двины, ломая тонкую, появившуюся за ночь корку льда.

Еще сутки, и мы увидели высоко поднимающий свои скалы угрюмый остров Мудьюгский. Казарменные постройки на берегу, мрачные и неприветливые, — это одна из самых ужасных каторжных тюрем в мире.

Еще немного, и мы уже в покрытом ровным речным льдом устье Двины, в одном из рукавов ее дельты — Маймаксе.

На прибрежных холмах то и дело показываются высокие двухъярусные избы, сложенные из толстых бревен, с балконами, коньками на крышах, с высокими резными крыльцами, с расписными воротами. Около изб суетятся дети, выходят за околицу бабы в пестрых платках и крестьяне в оленьих шубах. Они машут нам красными платками и меховыми треухами.

Еще час, и мы увидим столицу Северной области, старый Архангельск.

Вот уже церковь видна и какие-то каменные здания на левом берегу. Это Саломбала. Здесь, по преданию, Петр Великий устроил ассамблею, но гости перепились сверх меры, и он велел их выпороть солеными розгами. Вот и получился «соленый бал» — Саломбала. Теперь здесь рабочий поселок. А вот и архангельские бульвары с рядами белых каменных зданий выплыли из тумана, но вдруг...

Резкий, тревожный гудок нашего ледокола, какие-то сигналы флагами, и мы останавливаемся.

Спешу на капитанский мостик и только теперь замечаю, что на реке — какое-то необычайное движение и что во всем окружающем есть что-то особенное и прежде всего тревожное.

Широко раздвинулись у Архангельска берега северной реки. Тонкий речной лед местами изрезан, исколот движением ледоколов и судов, а кругом залегают сплошные белые поля чистого, сверкающего снега.

У пристаней Саломбалы и Архангельска и на середине реки стоит больше десятка судов. Вот серый, не по современному высокий, громоздкий броненосец «Чесма», ветеран царского флота. Он разоружен, и пушки его, теперь безвредные, тупо уставились на город, словно пытаются кого-то испугать. У Саломбалы два небольших ледокола — «Канада» и «Сусанин». Вот еще несколько торговых судов, ошвартовавшихся у пристаней и стоящих на якоре во льдах. А у большой архангельской пристани стоит ледокол «Минин» и рядом с ним красивое судно с легким изящным корпусом, яхта «Ярославна». На ней помещается штаб командующего морскими силами Северной области. Из ее трубы вырываются пышные белые клубы дыма.

Берега и пристани полны народом. Из улиц и предместий города бегут на берег все новые и новые толпы людей. В руках и на плечах — свертки, чемоданы, ящики, корзины, узлы.

Зловеще гулко, сотрясая морозный воздух, гудит «Минин», гудок оборвался, рассеялся белый султан дыма у высоких труб, и судно отделяется от пристани.

На берегу еще большая суета. Около пристани тысячная толпа. Издалека над снегами и льдами реки несется к нам гневный рев этой толпы. А люди, как муравьи, все прибывают, бегут по белому снегу, и шум и рев нарастают отовсюду.

Бегу в каюту, хватаю морской бинокль и спешу на мостик, на ходу передвигая стекла. Облокотившись обеими руками на перила, я прикиваю к биноклю и смотрю с любопытством и тревогой.

«Минин» отошел и, раздвигая речной лед, медленно шел к середине реки. На пристани бушует толпа. Я вижу, как сотни рук тянутся к ледоколу. Здесь и женщины, и дети, и кучи баулов, корзин и свертков. А изо всех улиц города к пристаням тянутся, спешат новые толпы людей в военном и штатском платье. Я хорошо различаю солдат с винтовками, офицеров в походной форме.

Неужели это люди с фронта? Неужели это эвакуация?!

«Минин» уже был на середине реки, когда из улицы, ведущей от пристани к вокзалу, выползли на берег какие-то большие черные предметы. Неуклюжие черные жуки... Что это — автомобили? Нет! Они медленно поворачиваются и гуськом устремляются к пристани. Теперь узнаю. Это — танки! Вот они остановились у пристани, и какие-то люди выскакивают из металлических коробок и устремляются к берегу. Они энергично машут руками и, по-видимому, что-то кричат. Но ледокол все так же медленно движется к середине реки, и расстояние между ним и берегом растет.

Тогда люди, вышедшие из танков, устремляются опять к своим машинам.

Я вижу ясно в бинокль, как медленно поворачиваются танки, и пулеметные башни их глядят теперь на «Минина».

Я перевожу бинокль на ледокол. На палубе «Минина» паника. Борт, обращенный к берегу, быстро пустеет. Люди в ужасе жмутся к другому борту, ложатся на доски палубы, спешат укрыться за стенами кают и командного мостика, толпятся у входов в переполненные каюты.

Но в это время сигнальные флаги взвиваются на мачте ледокола, и он медленно идет к берегу.

Белые танкисты одержали последнюю победу и попали на пароход.

Но не успел «Минин» отчалить во второй раз, как новый отряд военных спешит по льду прямо к ледоколу.

Позже я узнал, это были датчане-добровольцы, брошенные на произвол судьбы бегущим в панике штабом генерала Миллера.

Но ледокол, энергично ломая речной лед, идет к нам. За «Мининым», по проделанному во льду фарватеру, идет яхта «Ярославна».

Толпа на берегу растет и растет. Теперь уже для всех нас ясно, что белый фронт рухнул, что штаб бежит, бросая фронтовиков на произвол судьбы. Генералы, офицеры бегут, спасаясь от натиска красных, от гнева восставших белых солдат, и уходящий ледокол и яхта, переполненные штабными, — их последняя надежда.

Вот некоторые офицеры бросают вещи, чемоданы и баулы, хватают сложенные в штабеля длинные доски и спешат по льду к ледоколу и яхте. Один артиллерийский капитан уже добрался до высокого черного борта «Минина» и по спущенному для него штурмтрапу взбирается на палубу. Другой, в форме сапера, проваливается в прорубь. Застывшие пальцы не в силах удержать доску; вот он опять вынырнул и, хватаясь за края льдины, пытается выбраться наверх, но коченеющие руки не в силах больше бороться, и голова в папахе исчезает под воду.

На мачте «Минина» взвивается сигнал: «Ледоколам идти за мною».

Это относится к «Сусанину» и «Канаде».

Но оба ледокола безмолвствуют.

«В случае неисполнения приказа буду стрелять», — командует «Минин».

Ледоколы молчат.

Теперь «Минин» уже близко от «Св. Анны». Толпа бежит вслед за ним вдоль берега. Нарастает шум голосов. Слышатся выстрелы.

Это фронтовики стреляют по ледоколу, по бегущим, как крысы с тонущего корабля, штабным.

Тогда кормовая пушка «Минина» поворачивается к архангельскому берегу. Гул выстрела гремит над рекой.

Толпа неистовствует. Шум усиливается.

На крыше одного из домов пехотный офицер с солдатами поставили пулемет и целятся в «Минина». Я вижу, как мечутся люди на палубе, лезут на мачты. Я вижу, как под дождем пуль падают отдельные фигуры на палубе ледокола.

— Своя своих не познаша! — шепчет внизу на палубе, прямо подо мною, Фомин. Он мелко крестится дрожащим быстрым крестом.

— Эх ты, холера!.. — огрызается в его сторону всегда сдержанный рулевой Загурняк, плюет и отворачивается.

Тем временем на броненосце «Чесма» взвивается красный флаг.

Через несколько минут такие же алые флаги, должны быть, заранее приготовленные, взвиваются на мачтах «Канады» и «Сусанина».

«Все суда за мной!» — командует «Минин».

Ледоколы «Канада» и «Сусанин» по-прежнему стоят у пристани, но наш пароход поворачивает вслед за «Ярославной».

Капитан кричит что-то в трубку. Машина «Св. Анны» застучала, и мы потянулись вслед за вереницей уходящих судов.

Архангельску больше не нужно наше оружие!

В Архангельске больше некому судить большевиков, которых мы везем в трюме!

Я размышлял о случившемся, по-прежнему не отрываясь от бинокля, но шум на палубе отвлек мое внимание.

— Куда?! — загремел внезапно над моим ухом голос капитана. Я обернулся. Капитан стоял рядом со мною. Его круглое лицо было залито краской, серые глаза стали злыми и острыми. Он смотрел на бак. Я опустил бинокль и перевел взгляд в ту же сторону.

У выхода из переднего кубрика толпилась группа матросов. В центре, суетливо размахивая руками, ораторствовал Андрей Быстров. С высоты командного мостика я видел его возбужденное лицо. Клок русых волос выбился из-под шапки и развевался по ветру. Кругом тяжелой неподвижной толпой сгрудились матросы. Меховые воротники полушубков и кожаных курток были подняты, лиц не было видно.

Но капитанский окрик относился не к Андрею и его товарищам.

У лееров левого борта, посредине между мостиком и кубриком, стоял высокий матрос. Из-под полы его длинной куртки торчал конец палки. Матрос тяжело дышал. По-видимому, он бежал на бак, но капитанский окрик застиг его врасплох и приковал к месту. Подул резкий ветер, и я сразу все понял: из-под распахнутой ветром полы куртки выглянула красная, накрученная на палку материя.

Но размышлять долго не пришлось. События завертелись, как в быстро пущенной кинокартине. Раздвинув руками толпу матросов, Андрей бросился к человеку с красным флагом. Матросы двинулись за Андреем вниз, к мостику. Но человек с флагом неожиданно юркнул в проход, на корму под спардеком, и скрылся.

— Унтер-офицер Кашин! — закричал капитан. — Вывести команду! Всех под ружье! Занять проходы!

Старый солдат секунду стоял как столб, потом козырнул, повернулся на каблуках и побежал за командой к проходу.

Тогда на корме у лебедки промелькнула черная спина матроса с флагом и быстро скрылась в кубрике, занятом командой машинного отделения.

Андрей и матросы остались на месте, никто не последовал за бегущим. Но когда, стуча коваными каблуками тяжелых солдатских сапог, внизу перед мостиком пробежали пятеро солдат с винтовками наизготовку, на палубе уже было тихо, матросы один за другим, цепочкой, молча стягивались к черной дыре входа в носовой кубрик.

— Стой! — скомандовал капитан. Солдаты остановились.

— Поставить часовых у обоих проходов, — спокойно сказал капитан и, подняв бинокль, стал смотреть вслед «Минину» и «Ярославне».

— Хладнокровный, сукин сын! — прошептал мне на ухо неизвестно откуда взявшийся Кованько. — Словно ничего и не было... А могло бы случиться! — прибавил он, глядя в сторону.

Я ничего не ответил Кованько. Река опять привлекла мое внимание. Архангельск медленно уходил из виду. Караван судов во главе с ледоколом прорезал во льдах реки широкую черную дорогу. Дорога пенилась, волновалась и вертела глыбы льда.

Далеко позади, на старой «Чесме» и других судах, крохотными лоскутками трепетали красные флаги. За нами шло какое-то суденце, и берега Северной Двины провожали нас тревожным молчанием. «Минин» дымил далеко впереди. Белым паром клубилась труба «Ярославны».

Высокие скалы и мрачные серые казармы Мудьюги открылись и проплыли мимо, и вновь замерзший океан, разрезаемый носом «Минина», окружил нас со всех сторон.

Глава третья

У боцмана руки по-солдатски, по швам. Белая щетина трясется на морщинистых, обветренных щеках. Ворот рубахи расстегнут, несмотря на мороз, и сухой кадык дергается на виду от волнения. Боцман стоит у двери кают-компания уже около получаса, а капитан, как бешеный, носится из угла в угол и кричит так, что, вероятно, слышно на палубе.

В большом зеркале над искусственным бутафорским камином то пляшет на ходу его круглое лицо, то наливается кровью широкий затылок, в который глубоко вошел край твердого синего воротника. В углу, попыхивая трубкой, сидит Чеховской.

— Не можешь, старый лапоть, простую вещь узнать! Из десяти человек, не из сотни. Перебери всех! Кто где был, — узнай. Кто на вахте, кто спал? У кого такая кожанка есть?

— Я им не начальство, господин капитан. Старшего механика спросите, ему виднее.

— Не буду я говорить с этими пентюхами. Сволочи! В благородство играют. Ты сам можешь все это сделать. Сегодня флаг выбросят — завтра бунт учинят.

Знаем мы эти номера! Так черт знает до чего доиграемся.

Он подошел вплотную к Шатову и с силой застучал мясистым пальцем по костлявому плечу боцмана.

— Хочу знать! Понимаешь, хочу знать, кто с флагом бегал. В Мурманске ссажу подлеца. Военным властям сдам! Под суд! И Быстрова тоже. Ты мне умри, но узнай, кто с флагом бегал!

Старик смотрит под ноги, мнет шапку в руках. Скулы худого лица сжались, набухла глубокая складка на лбу.

— Не берусь. Не отвечаю, господин капитан. Никто не сознается, а я не видал. Невдомек мне. Как перед истинным!..

Капитан уже не стучит пальцем по плечу Шатова. Он несколько долгих секунд смотрит ему в глаза, потом медленно говорит:

— Ну, хо-ро-шо! Ступай, Шатов.

Боцман повернулся и, не прощаясь, ушел.

Капитан схватил трубку с края камина и с силой запустил ее в дальний угол кают-компания. Кусок черного крепкого, как камень, дерева ударил в лакированную фанеру стены и упал на ворсистый плюш дивана. Чеховской проводил взглядом полет капитанского снаряда и с ядовитой усмешкой сказал:

— Дело зашло далеко, капитан. Если даже наша ходячая дисциплина, боцман дальнего плавания, сжимает зубы в ответ на приказ капитана... самого капитана!.. — Он развел руками.

— В Мурманске я ликвидирую эту банду. Довольно!

— А если Мурманск того? — спросил Чеховской.

— Что того? ничего не того! План давно был Архангельск бросить. Послать к черту этот идиотский фронт в три тысячи километров по лесам и болотам и занять крепкий плацдарм у Мурманска тылом к морю и финляндской границе. По-видимому, теперь это и делается. Отводят войска на северо-запад.

— Отводят? По-вашему, танкисты «отходили»? Прапорщик, что крыл по «Минину», тоже отходил? — не выдержал я.

— Наконец-то и вы высказались, — ехидно процедил Чеховской. — А то молчите, как Симеон Столпник, «добру и злу внимая равнодушно».

Я почувствовал, что теряю обычную выдержку и вот-вот отвечу этому злому человеку такими злыми словами, от которых ему не поздоровится. Так мне показался противным его пробор до затылка, веснушчатый длинный нос и пальцы с розовыми ногтями и большим фамильным перстнем!

Капитан посмотрел на меня с нескрываемой неприязнью, но потом его широкий рот расплылся в деланную улыбку.

— Николай Львович, — сказал он, — у меня для вас порученьице... Не бойтесь, приятное. Думаю, придется вам по вкусу... Вы ведь у нас либерал. Надо снять кандалы с наших арестантов. На море такая мера ни к чему. К тому же народ дохлый. Так вот, вы возьмите кого-нибудь там... ну, Шахова, Сычева — он слесарь, кажется, — и раскуйте их. Кандалы не толстые, — простое дело.

Я был удивлен таким приказом, и удивление, по-видимому, было написано на моем лице. Я понял это по улыбке капитана и старшего.

— Слушаю, — ответил я и вышел на палубу. Первым делом я отправился к Кашину и от имени капитана потребовал ключи от каюты арестованных. Старый унтер проводил меня до часового, вынул из кармана небольшой ключ и отпер дверь каюты. Не переступая порога этого крохотного полутемного помещения, я прежде всего увидел высокого худого человека — самого молодого из трех. Он сидел, весь

собравшись в комок, в углу каюты, на полу под иллюминатором. Худыми руками он охватил костлявые колени. Меховые пимы валялись на полу, и грязное рваное белье едва прикрывало тонкие волосатые ноги. Двое других лежали на койках. Хромой дремал внизу; черноволосый смотрел на меня сверху, приподнявшись на локтях.

«Как это он туда забрался в кандалах?» — подумал я.

Кашин оставался все это время в коридоре. Часовой с любопытством заглядывал в каюту. Я вошел в каморку арестованных и, словно нечаянно, захлопнул за собой дверь. Арестанты зашевелились. Хромой открыл глаза и смотрел на меня с изумлением.

— Что вам угодно? — спросил черноволосый. — Кто вы такой?

— Я второй помощник капитана и пришел осмотреть помещение.

— Вот как! — захохотал черноволосый. — Что ж, любуйтесь, помещение хоть куда! Плавающий дворец и только.

— Вы напрасно смеетесь. Я рад был бы облегчить ваше положение.

Черноволосый посмотрел на меня удивленно. Должно быть, в голосе моем он почувствовал искреннее участие.

— Облегчить положение! Сволочи! — сорвался вдруг хромой. Он выбросил руки в кандалах вперед и, звеня железом, закричал:

— На корабле, в море, да еще в цепях держите, как псов!

— Успокойтесь, успокойтесь, — я взял его за руку. — Покажите ваши кандалы. Мне нужно посмотреть, легко ли их будет распилить.

Теперь и второй смотрел на меня с изумлением. Он доверчиво протянул руки. Это были простые железные цепи, заклепанные тюремным кузнецом. Удалить их не требовалось большого труда. Но я смотрел теперь уже не на цепи, а на руки арестованного. Широкие костлявые кисти и исхудалые запястья были изорваны острыми краями колец, и язвы пошли к пальцам и к локтю красно-синими грязными пятнами, черной кровавой корой.

— Так, — сказал я, опуская руку арестованного, — подождите минуту, я приду с человеком, который снимет кандалы.

Юноша, сидевший в углу, чуть не закричал от радости. Даже черноволосый, наиболее спокойный из трех, не выдержал и крикнул:

— Да что случилось? Скажите же!

— Ничего, ничего, ничего особенного, — ответил я скороговоркой и быстро повернулся к двери. Резким движением нажал ручку и толкнул ногой дверь в коридор. Но дверь не распахнулась. Чье-то мягкое тело задержало ее разбег. Я толкнул еще раз. Дверь раскрылась, и я увидел в полутьме коридора Глазова. Он лежал на полу, держась рукой за щеку, рассеченную дверью. Потом он встал и заковылял к выходу.

«Подслушивал, подлец! Ну и поделом. Заработал!» — подумал я и направился в матросский кубрик.

Дверь в матросское помещение была приоткрыта. Из жарко натопленного кубрика на палубу валил пар. Гул голосов наполнял помещение. Я незаметно спустился по трапу. В кубрике шла перебранка — обычная, полшутливая драка на словах, — одно из любимых матросских развлечений в море. Матросы сгрудились вокруг стола, занимавшего середину помещения. Кое-кто лежал или сидел на койках, и только Андрей оставался в стороне. Его койка была внизу, в углу; на ней лежали книги и тетради. Андрей читал, низко опустив голову над книгой. Посредине кубрика стоял толстый, неповоротливый матрос Иван Жигов, сын поморского рыбака. Около Жигова вьюном вертелся Оська Слепнев. Вот он ударил Жигова что есть силы кулаком в живот и отскочил на другую сторону стола.

Жигов шлепнулся на пол. Его круглое, жирное лицо, с редкими рыжими усами, улыбалось. Он заморгал глазами. Потом медленно, по-медвежьи, поднялся и навалился на Слепнева всей своей семипудовой тушей. Оська ловко вывернулся и звонко шлепнул толстяка по спине и по затылку. Матросы захохотали, и тесный кубрик наполнился несусветной возней. Кто-то крикнул: «Мала куча!» — и Жигов и Слепнев потонули под массой матросских тел.

— Бросьте, тюлени чертовы! — кричал молодой парень Санька Кострюковский, подбирая ноги на койку. — Людей подавите!

— А ты, мошकारа, подберись! — смеялся густым басом рулевой Загурняк, старый матрос, пьяница и замечательный гармонист.

— Ты, дядя, поцелуй меня сзади, — огрызнулся юноша.

— Ну, ну, шкет! А то я тебя в галюн носом.

— Я для твоего носа поближе место сышу.

Загурняк грозно поднялся с койки. Готовилась новая схватка.

Тогда из дальнего угла каюты продвинулась вперед неуклюжая фигура квадратного человека с острыми чертами угреватого лица. Это был Сычев. Широкий и плоский в плечах, с огромными кистями рук и с крепкими прямыми ногами, он был весь точно вылит из железа.

Когда он хватал кого-нибудь за руку, человек этот минуту крепился, потом бледнел, охал и садился на пол. Сычев был одинок. Матросы относились к нему с уважением, боялись его и, в глубине души, не любили. Сам он ко всем относился свысока и не прочь был показать свою силу. В разговорах он никогда не участвовал, но других любил слушать, внимательно уставившись в глаза говорившему. Когда рассказчик завирался, глаза Сычева становились насмешливыми, но врать он никому не мешал, не перебивал и не издевался.

С его появлением сражение немедленно кончилось, и все поспешили по койкам и углам. Какому-то зазевавшемуся досталось крепкое пожатие Сычева, от которого, наверное, остались синяки на добрую неделю.

— Шатов, Сычев! — бросил я громко в кубрик, видя, что потасовка кончена.

Шатов по-военному вытянулся передо мною, Сычев лениво подошел к нижней ступени лестницы. Теперь весь кубрик смотрел на меня.

— Вот что, ребята, берите инструмент, ну, напильники там... еще что. Нужно снять кандалы с арестованных, — вот сообразите сами.

Кубрик загудел, как пчелиный рой.

— Ну, я буду ждать на баке, — сказал я и хотел было идти, но в это время мои глаза встретились с ярко горевшими глазами Андрея. Я понял его.

— Андрей, и ты ступай с нами... Поможешь. Ведь с троих снять надо.

Уже поднявшись на бак, я все еще слушал гул оживленных голосов в матросском кубрике.

Через несколько минут я, Андрей, Сычев и Шатов вошли в каюту арестованных. Матросы немедленно приступили к работе и молча, не поднимая глаз, пилили кандалы. Сквозь визг напильников слышались иногда стоны, когда напильник или край грубого железного браслета касался язв. Я стоял у порога и следил по очереди за всеми арестованными и матросами. Черноволосый упорно смотрел в сторону, в дальний угол. Его кандалы снимал Андрей. Он повернулся ко мне затылком, и мне показалось, что сквозь визг напильников я слышу его шепот. Сычев работал уверенно и спокойно. Он скоро освободил хромого. Хромой взмахнул обеими руками в воздухе, как машут только дети, и глубоко и громко вздохнул:

— Ух, ух, ух!

— Вы бы дали нам бинтов и йоду, — сказал высокий юноша, — промыть раны.

— Ладно! Шатов, добудь, пожалуйста.

— Слушаю, — козырнул боцман и исчез.

— Я ведь медик, — продолжал юноша, — так я это всё сам сделаю.

Когда все были освобождены, я увел матросов, сдал Кашину ключи от каюты и отправился к капитану, в кают-компанию.

— Ну как? — спросил меня капитан, не отрываясь от какой-то из судовых книг.

— Все сделано.

— Довольны?

— Кто, арестанты? Я думаю.

— Нет, вы-то сами? Расчувствовались?

— Что ж, люди в цепях — зрелище невеселое.

— Уже йод и марлю послали прохвостам!

— А вам уже донесли? — вырвалось у меня.

— А по-вашему, я не обязан знать обо всем, что происходит на корабле? — вскинулся капитан.

— Какими путями, господин капитан. Иные средства...

— Молчать! — заорал он вдруг, вскочив на ноги. — Знаем мы вас, филантропов. Заодно с агитаторами работаете!

— Николай Львович только молча сочувствует, — ехидно прошипел Чеховской.

Я готов был ответить резкостью, но сдержал себя и вышел. Чеховской хихикнул.

Белый снег на необозримых полях, черный узкий фарватер — и больше ничего. Впереди налево стелется дым «Ярославны», и еще дальше тяжелый «Минин» легко пробивается сквозь льды.

Льдины шуршат, трутся о борта «Св. Анны»; мерно, замедленно работает винт, и в потоке воды за кормой кувыркаются небольшие куски льдин, то исчезая под волной, то появляясь на поверхности моря, словно живые существа, играющие между собою в прятки. На палубе пустынно, — все по кубрикам. Только на скамье под мостиком сидит и курит унтер-офицер Кашин. Он встает при моем приближении и неохотно и неловко садится по моему приглашению рядом со мной.

— Ты откуда будешь, дружище? — задал я ему первый попавшийся вопрос.

— Мы с Пинеги. С Пинежского края, ваше бр-одь!

— Брось, Кашин, я ведь не военный. Зови меня Николаем Львовичем. Давно служишь?

— Ох, давно, барин. В Порт-Артуре был, на германа ходил, и вот опять забрали.

— Разве ты не своей охотой?

— Своей охотой... Партизан я. А только война не масленица. Можно бы, так не пошли бы. Вернулся я с германского фронта, а тут большаки стали хозяйство отбирать. Реквизиции пошли. Да на веру нашу — староверы мы — походом пошли. Хозяйства у нас крепкие. Лес гоним, пушнину бьем, смолу курим, — с достатком жили. Прижиму наши, пинежские, не любят. Вот и пошли мы против большаков в партизаны, только от домов своих ни за что уходить не хотели. Дома воюем до последнего, а от домов ни шагу. Большаков мы отогнали, ушли они, а нас господа офицеры в Архангельск погнали, а мы штыки в землю. Не пойдем — и крышка! Ночью офицеры наши ружья покрали, а нас английский конвой погнал. Вот тебе и по своей воле!

Он крикнул, утер рыжие усы широким волосатым тылом руки и сплюнул. Тут же виновато посмотрел на меня, не сержусь ли я за плевков.

— А в Мурманске долго был? — спросил я.

— Третий месяц пошел. По осени на ледоколе привезли из Архангельска через студеное море.

— А дома кто остался?

— Браток да невестка. Жены нету. Померла, как в солдатах был. И дите малое, шестой годок был — мальчонка, — за нею помер. Али сам, али виноват кто — не знаю. На фронте в Румынии был. Война вот она какая, горе! Куда же своей охотой?... — закончил он и усталыми глазами посмотрел в сторону, в марево горизонта.

Мы помолчали.

— А эти?... Арестованные... что за люди? — спросил я осторожно, словно нехотя, равнодушно. Ответишь, мол, ладно, не ответишь — не надо. И сам стал смотреть в другую сторону, где уходила вдаль блестящая снеговая гладь.

Кашин оглянулся кругом, пересел удобнее и прошептал:

— Чудной народ, барин. Особенно тот, главный. Молчит больше, а как говорит — так ласково и спокойно. Да все о чем-то другим рассказывает, а те слушают, словно деньги им платят. А о чем говорит, не слышно. А то поют вместе хором. Про себя. Все хорошие песни — северные, наши, а то солдатские с фронта.

— А ты с ними говорил?

Кашин внезапно насторожился.

— Я? Нипочем! Что вы, разве полагается?

— А почему ты говоришь — главный? Разве он комиссар или из центра?

— Не знаю. В Мурманске, как на судно идти, впервой их увидел, а только слушают его все. Щуплый, дохлый, а сила в ем, как в кошке, — упадет — не разобьется.

— А откуда они, не знаешь?

— А с Еханги-каторги. На суд везли. Старшой, бают, приезжий из Москвы, а те архангельские. Один мастеровой с лесопилки, другой студент — на дохтура учился...

— А твои ребята, значит, разговаривают с ними?

Этот вопрос испортил все дело. Кашин встал, поправил шапку, откозырнул и деловито и торопливо заявил:

— Пора караул сменить. Будьте здоровы, ваше благородие!

Два дня и ночь идем вслед за «Мининым» и «Ярославным». Тяжелые массы плавучего снега шуршат. Короткий день по-прежнему зажигает снежную пустыню россыпью серебра и опалов. Глаза устали от блеска и отдыхают только на черной дороге, проделанной ледоколом во льдах. Вечерами туманится и мреет северная даль.

Ночи — черные с голубыми звездами. «Св. Анна» медленно плывет во тьме вслед за зеленым огнем «Ярославны». Ночью еще сильнее плещутся, шуршат и стучат льдины. Ночью во льдах вахта требует напряженности и спокойствия. Нужно зорко держать курс. Каждую минуту того и жди, что нос судна врежется в ледяную, не тронутую ледоколом массу.

К утру третьего дня мы подошли к горлу Белого моря. Сейчас это почти непроходимое место. Ветры Северного моря, бушующие на тысячеверстных пространствах от Америки до Сибири, гонят льды к Кольским и Вайгачским берегам, и глыбы развороченных толстых льдин, вместе с острыми осколками ледяных гор, стаями сбиваются в узком горле Белого моря. Лыдина на лыдину, гора на гору, тесно сбитые, скованные друг с другом в одну сплошную массу, льды скрипят на морозе под давлением новых ледяных полей, и могучий ледокол, попавший сюда, кажется, маленькой, беспомощной игрушкой.

Трубы «Минина» шлют густые тяжелые клубы дыма на снега, окружившие небольшой караван судов. «Ярославна», «Русанов» и мы ползем черепашным шагом, так что вода в фарватере между ледоколами и нами успевает прикрыться тонкой зеленоватой коркой льда.

Днем в бинокль мы опять наблюдаем, как перегруженный людьми и кладью «Минин» бешено атакует ледяные торосы.

В 10 часов утра я поднялся на командный мостик.

Вахты стали двухчасовыми, — дольше из-за мороза не простоять. Я не успел выспаться и чувствовал себя усталым. Но на этот раз Чеховской, к моему удивлению, не спешил покинуть мостик. Он не обратил на меня никакого внимания и упорно продолжал смотреть в бинокль, но не туда, где с тупым упорством дробил льды тяжелый «Минин», а назад, где на много десятков километров раскинулись льды Белого моря. Я невольно посмотрел в ту же сторону, но не увидел ничего примечательного. Вздрыбленные торосистые льды на большом отдалении сливались в однообразную белую массу, и косые лучи утреннего солнца играли в кристаллах сухого морозного снега. Я взглянул на компас, перекинулся несколькими словами со стоявшим у руля Сычевым и стал набивать трубку, не обращая внимания на Чеховского. Так продолжалось минут пять. Чеховской упорно не отрывался от бинокля.

Наконец он опустил руку с биноклем и, продолжая смотреть в ту же сторону, сказал:

— Что же это может быть, Николай Львович? Ваше мнение?

Я посмотрел еще раз назад и опять не увидел ничего достойного внимания.

— Вам труба заслоняет. Идите на мое место, — сказал Чеховской и протянул мне бинокль.

Я перевел стекла на свою шкалу и приложил бинокль к глазам. Белое поле, пересеченное узкой полоской нашего фарватера, запрыгало перед глазами. Я медленно поднимал бинокль, идя вдоль черной ленты, прорезавшей снега и льды, и, наконец, с трудом уловил небольшую точку и около нее черточку, которые все же были достаточно велики, чтобы признать в них пароход и идущую от него струю дыма. Больше ничего не было видно.

Я вернул Чеховскому бинокль и сказал, что это, повидимому, пароход из Архангельска, который идет по нашему пути и, наверное, догонит нас к вечеру.

— Но кто же еще мог уйти оттуда? На «Чесме» нет угля, ледоколы идти отказались. Кто же?

— Да, пожалуй, будто и некому. Ну, поживем — увидим.

— Увидеть-то увидим, а поживем ли и как — неизвестно.

— Что вы хотите сказать?

— А то, что, может быть, это красные шлют за нами погоню.

— Сквозь льды?

— Да, по льдам! Нам ведь здесь никуда не податься. По льдам лягушкой не запрыгаешь. Прижмут к ледяной стене и расстреляют.

— Да кто расстреляет-то? Что вы нервничаете, Андрей Николаевич?!

— На ледоколах, батенька, имеется по пушке, а пулеметы вообще недолго поставить. Кушанье мы лакомое. Дураки будут красные, если этого не сделают. И ведь ничего поделывать нельзя, никуда не податься!

Нескрываемая тревога светилась в его глазах, и обычное наигранное хладнокровие начинало изменять этому самовлюбленному человеку.

— Да может быть, это все и не так?

— Нет, так. Иначе быть не может. Я давно думаю об этом. Давно смотрю. — И с этими словами он сбежал с командного мостика.

Через несколько минут он вернулся в сопровождении капитана. Оба долго смотрели в бинокль туда, где медленно, но заметно росла черная точка. Капитан молчал, но чувствовалось, что и у него на душе беспокойно. Мало-помалу я и сам пришел к мысли, что погоня за нами со стороны красных вполне возможна. Лестно захватить корабль с убегающим штабом, генералами, деньгами, секретной перепиской и прочими материалами и политическими ценностями. Заняв Архангельск, красные должны были снарядить за нами погоню. Ледокол идет быстрее нас по пробитому во льдах фарватеру, и нам от него никуда не уйти. Но тогда здесь, в горле Белого моря, среди льдов и снегов, разыгрывается оригинальнейшая битва. Последний бой архангельских белых с красными! А мы будем наблюдать эту битву, не будучи в силах что-либо предпринять. На «Св. Анне» только пять винтовок!.. А как поведет себя команда? Сколько тайных сторонников у Андрея? Что предпримут они, увидев красный флаг на мачте догоняющего нас ледокола?

И вот опять почувствовал я с большой силой, как далек был до сих пор от нашей команды.

Что знал я об окружающих меня людях, кроме того, что Сычев — силач, Оська Слепнев — балагур и рубаха-парень, а Фомин — ханжа? Теперь сама судьба моя, может быть, зависит от воли этих людей. А я даже догадываться не могу о том, куда повернется настроение команды в критический момент. Я знаю, что Андрей «красный», что какой-то механик или кочегар соорудил уже красный флаг и только ждет момента, чтобы поднять его на грот-мачту или прицепить к флагштоку на корме, вместо белого с голубыми разводами. Я знаю также, что Кашин будет верен присяге до конца, что Фомин ненавидит большевиков, что Шатов бьет по зубам матросов за неподчинение власти, что команда безоружна, тогда как штурмана и караул вооружены. Если команда «Св. Анны» расколется, значит, мы будем сражаться между собой. Тогда и я должен буду примкнуть к какой-то стороне. Но к какой? Могу ли я стать на сторону капитана и стрелять в Андрея или Слепнева? От этой мысли мне стало не по себе, и я заставил себя не думать о будущем.

Между тем точка росла и приближалась. К концу моей вахты можно было уже разглядеть высокие, крашенные в желтый цвет трубы парохода. Это не мог быть грузовой пароход. Пароходов-двухтрубок в Белом море не было. Военные суда окрашены в серо-стальной цвет. Это мог быть только ледокол.

Теперь уже и на «Ярославне» и на «Минине» заметили приближающееся судно. В бинокль я увидел на корме и на мостиках обоих пароходов группы людей с биноклями и трубами в руках. Но тревоги покуда не было. Может быть, неопытные пассажиры ледокола и яхты предполагали, что это идет судно, не успевшее покинуть Архангельск вместе с ними? Но штабные, разумеется, не могли ошибаться. Очевидно, они скрывали смысл происходящего от штатских пассажиров и женщин.

— Николай Львович, посмотрите на корму «Минина»! Скорее! — прошептал мне на ухо Кованько. Я перевел бинокль с «Ярославны» на ледокол. Корма «Минина» внезапно опустела. У большого серого предмета, стоявшего посредине, копошились люди. Я плотнее приложил к глазам стекла и, чтобы бинокль не дрожал в руках, положил локти на борт командного мостика. Теперь я понял, в чем дело. Предмет, окруженный людьми на корме «Минина», был затянута брезентом 75-миллиметровая пушка, единственная артиллерийская установка ледокола. Все русские ледоколы были вооружены такими пушками еще в 1915 году для защиты от немецких подводных лодок.

Матросы снимали с пушки чехлы, — «Минин» готовился к бою.

Через несколько минут опустела и корма «Ярославны». Пассажиров увели в каюты и на бак.

Я перевел бинокль на спешивший за ними ледокол.

Он быстро приближался, и теперь на мачте его развевался едва видный красный флаг. Черная полоса дыма тянулась далеко в сторону от высокого борта. Ледокол шел на два-три узла быстрее «Минина». Ясно, он решил во что бы то ни стало догнать нас! Вахта моя кончилась, но я не сошел с командного мостика. Здесь же стояли капитан, и Чеховской, и даже старший механик Казаков, сухой и подвижный старик, обошедший чуть не весь свет в роли судового механика. На палубу из кубрика бежали матросы и кочегары. Слух о погоне прошел по всему судну, поднял спящих и выбросил наверх самых ленивых. Все смотрели в одну точку молча и сосредоточенно. Андрей стоял у борта недалеко от мостика, и видно было, что для него все это неожиданно так же, как и для других.

Из прохода под спардеком вышел Шатов. Капитан немедленно окликнул его. Старик торопливой походкой взбежал по лестнице наверх. Капитан сказал ему что-то шепотом. Боцман быстро сбегал вниз и послал двух матросов в кубрик. По пути он прикрикнул на поваренка, и тот немедленно скрылся в камбуз. Затем он подошел к Андрею и отдал ему какое-то распоряжение. Андрей минуту колебался, но затем повернулся и пошел в кубрик. В то же время Кашин увел своих солдат, и палуба опустела; только на корме упорно стояла группа матросов и глядела сквозь кулаки на приближавшийся ледокол.

— Смотрите, смотрите, сигналы подает!.. — крикнул Кованько.

— Кашин, ко мне! Шатов тоже! — загремел голос капитана. Капитан стоял, возвышаясь во весь рост над бортом командного мостика. Лицо красное, жилы на висках натянуты. Голос звучал решительно и зло.

— Убрать всех с палубы, кроме вахты! Кашин, выстроить караулы у проходов с бака на корму! Ну, живо! Кашин побежал в караулку. Боцман засуетился на палубе, подталкивая матросов руками. Матросы нехотя потянулись в кубрик.

— Что он приказывает? — спросил меня вполголоса Кованько.

Я посмотрел.

— Приказывает «Минину» сдать.

— Значит, дело всерьез?

— А вы что же думали — игрушки?

— А что «Минин»?

Мы посмотрели на ледокол. Тот прекратил теперь свои наскоки на ледяной барьер и остановился, по-видимому, для того, чтобы не мешать пристрелке артиллеристов.

Красный ледокол придвинулся еще ближе. Он повернулся к нам бортом, насколько мог в узком фарватере, так что кормовая пушка его могла теперь стрелять по «Минину».

Вот белое облачко вспыхнуло и поплыло от кормы ледокола. Гул выстрела потряс морозный воздух. Хриплый свист, — и через несколько секунд далеко за «Мининым» встали к небу бурый столб дыма, фонтан ледяных осколков и снежной пыли.

— Промазали красные, — ядовито заметил капитан.

— Это «Канада» стреляла! — вскрикнул рулевой Загурняк.

— Ты откуда знаешь? — спросил Кованько.

— А вот теперь повернулся и видать. Некому, кроме как «Канаде»...

— И как раз пушка на «Канаде» была, — соображал вслух Кованько.

— И команда там красная! — продолжал Загурняк.

— А ты откуда знаешь? — затрубил капитан. — Путался с ними, сукин сын?!

— Когда путаться-то? Повидали да хвост показали? — буркнул в бороду Загурняк.

В это время такое же белое облачко отделилось от кормы «Минина», и буро-серебряный столб от разрыва встал далеко за «Канадой».

— Ну, и наши не отличились, — с досадой проскрипел Чеховской. Губы его были сжаты. Пальцы, державшие бинокль, дрожали.

Опять стреляет «Канада». На этот раз ближе, но опять перелет; опять «Минин», и опять неудача.

— Камбузники у пушек, а не артиллеристы!! — злится Чеховской.

— Почему они всё по «Минину» жарят? — волнуется Кованько. — Ведь мы и «Русанов» ближе. В минуту расстреляли бы!

Очередной снаряд «Канады» пронесся с надрывным свистом высоко над нашими головами.

— Да ведь только на «Минине» — артиллерия. Если «Минин» будет подбит или пойдет наутек, они нас голыми руками заберут. Что мы можем сделать?

Между тем перестрелка продолжалась. Оба ледокола стреляли с промежутком в 2—4 минуты, и это время тянулось нескончаемо долго. Казалось, вот-вот очередной снаряд врежется в черное тело красного или белого ледокола — и тогда упадут тяжелые толстые трубы, как спички сломаются мачты, и вихрь измолоченных, разнесенных в щепы досок и перегородок взметнется кверху. Но попаданий не было. Один из снарядов «Канады» лег недалеко от носа «Ярославны». Видно было, как метнулись дико и беспомощно сгрудившиеся на палубе яхты люди. «Минин» положил один снаряд у борта «Канады», но снаряд попал в воду фарватера, и только столб воды, поднявшийся до высоты труб ледокола, обнаружил успешную пристрелку.

Дуэль продолжалась 15—20 минут. Затем «Канада» внезапно замолчала. Ее трубы выпустили густые клубы дыма, и она стала карабкаться носом на лед. Сначала мы не могли понять, в чем дело, но вскоре все стало ясно: «Канада» собиралась покинуть поле битвы.

«Минин» лениво, с большими промежутками выстрелил еще два раза вслед уходящему противнику и замолчал. «Канада» медленно удалялась и вскоре скрылась за горизонтом.

Дуэль кончилась. Только много лет спустя, уже в Советской России, я узнал, почему красный ледокол вынужден был прекратить борьбу: плохо установленная пушка расшатала судно, и старая трещина, полученная «Канадой» во время одной из аварий, разошлась вновь, грозя гибелью судну, заброшенному среди непроходимых льдов, далеко от порта и доков.

«Минину» посчастливилось. Неповрежденный, он продолжал свой поход во льдах, и караван судов медленно пробивался вслед за ним к выходу в открытый океан, через нагроможденные северными бурями ледяные барьеры.

Но через несколько часов «Минин», а за ним и все корабли снова стали. «Минин» усиленно дымил и давал какие-то сигналы.

Оказалось, что он спрашивает «Ярославну» о количестве угля и провианта на судне. Командир «Ярославны» ответил морскими сигналами. Затем такой же вопрос последовал по адресу «Русанова», а «Ярославна» получила распоряжение подойти вплотную к «Минину». И, наконец, пришла наша очередь. В момент, когда «Минин» сигнализировал нам, капитан смотрел в бинокль в сторону ледокола, но не пошевелинулся, чтобы дать ответ.

— Сигнал повторен. Требуется немедленный ответ, — докладывает Кованько.

— Так, так, — говорит, словно про себя, капитан. — Ясно!

— Что ему ясно? — шепчет Кованько.

— Шатов, сигнальщика! — кричит капитан.

— Есть! — отвечает боцман. — Сигнальщик, на мостик!

— Передавай! «Угля на 11 часов экономического хода. Провиант на исходе. Шли из Плимута, не заходя в порты. Просим угля и консервов».

— Но ведь у нас пол-ямы угля, — говорит удивленно Кованько.

— Вас не спрашивают — не суйтесь! — грубо говорит капитан. Но на этот раз он уже не злится. Он самодовольно улыбается, затем хохочет, отворачивается и уходит.

— Николай Львович, что же это? — говорит Кованько. — Смотрите на «Ярославну»!

Мы подошли теперь ближе к обоим судам, и теперь без бинокля видно, как пассажиры «Ярославны» перебираются на «Минина». По переброшенным с яхты и ледокола трапам бегут матросы с корзинами угля.

«Ярославну» бросают!

— Вот почему смеялся капитан. Он не хочет отдать свой уголь «Минину», он хочет остаться самостоятельным.

— Но ведь на «Минине» и так столпотворение вавилонское, — говорит Кованько. У него привычка всему удивляться. Привычка молодого, здорового, мало жившего, мало размышлявшего парня. От этого он кажется еще моложе и неопытнее.

— Еще и русановцев заберут.

— Неужели заберут?

— А зачем бы иначе спрашивали. И нас бы забрали, но теперь, пожалуй, не заберут. Мы — невеста без приданого.

На этот раз капитан оказался молодцом.

Перегрузка с «Ярославны» шла весь день и ночь, и только утром подошел к борту «Минина» «Русанов». Опустевшая «Ярославна» безжизненно поникла у стены неразбитых льдов.

К вечеру было покончено и с «Русановым».

— Следуйте за нами, — командует «Минин» «Св. Анне».

Опять медленно и глухо стучат машины, и крутыми тяжелыми всплесками, зеленой зыбью перекачивается вода за кормой «Св. Анны». Мы проходим мимо пустой «Ярославны». На палубе судна валяются брошенные как попало ящики, доски, картонки, клочки примерзшей к палубе бумаги и прочего мусора. В узком фарватере мы почти касаемся борта брошенной красавицы яхты. Жутко глядеть на это крепкое, оставленное среди льдов и снегов, неповрежденное судно.

«Ярославна» позади. Идем мимо «Русанова». Тот же беспорядок на палубе, те же клочки бумаги и кучи деревянных обломков.

— Смотрите, смотрите! Человек! — громко закричал Кованько.

И действительно, над поручнями командного мостика «Русанова» поднялась чья-то тепло укутанная фигура. Вот она оборачивается к нам, и я различаю на ней форменную морскую фуражку. А вот еще человек, внизу на палубе, — матрос. Когда мы поравнялись с «Русановым», на его палубе появился добрый десяток фигур, оборванных, худых, едва державшихся на ногах.

— Братишечки, вас, что же, оставили? — закричал вдруг, приложив рупором руки ко рту, неизвестно откуда взявшийся Оська Слепнев.

Я невольно обернулся. Но капитана не было.

— На дачу ехали, да не доехали! — ответил один из русановцев.

— На каку таку дачу?

— Еханга прозывается. Слыхал про такую курорту?

— Слыхал, приятель, как не слышать. Мимо проезжали — так даже безбожники крестились. Так вас тут бросили? Померзнете вы тут все, как цыплята!

— Померзнем, милой! Как не померзнуть? Сами сбежали, каты проклятые, а до нас и дела нет!..

— А кто на мостике-то?

— Помощник капитана. Свой парень... Да матросиков десяток с нами остались. По радио прокричали своим, чтоб за нами кого послали, а поспеют ли, — про то лысая бабушка гадала, да нам не рассказала.

— А ты веселый парень.

— Да и ты, вижу, не скула.

— А за что вас? — кричал Оська; «Русанов» уже оставался позади.

— За дело, милой! Что греха таить, за дело! Буржуев давили да фронты рушили, книжечки читали да старших не слушали.

— Прошевай, дядя! — надрывался Оська.

— Топали б к своим, ребята, — доносилось с «Русанова».

— Что за крик?! — появился старший. — Ты, сказочник, пошел вон отсюда. Ну, на носках!

Оська быстро исчез в кубрике.

Косые лучи солнца ложились почти горизонтально. Снег посинел и зажегся темно-фиолетовыми искорками. Красный, полузакрытый густой синей тучей диск солнца лежал над самым горизонтом. Силуэты брошенных кораблей еще виднелись позади. Я отправился в каюту и лег на койку, но не успел вздремнуть, как кто-то постучал в дверь. Оказалось, Глазов — капитанский вестовой. Он сообщил, что капитан требует меня в кают-компанию.

— И всех господ офицеров просили. Особо секретный разговор, — многозначительно добавил он тоном осведомленного в секретных делах человека.

Сергея Глазов не был любимцем команды. Трудно сказать, был ли он искренне предан капитану, но, чтобы угодить своему барину, он готов был разбиться в лепешку. Капитан любил похвастаться, что ему-де известно все, что происходит на пароходе. Однако все мы, и в особенности матросы, хорошо знали, что таланты капитана в области сыска и шпионажа зависели от ловкости вестового. Глазов был предупредителен со штурманами, всегда заигрывал со старыми матросами, но в то же время высоко задира голову перед судовой молодежью. Офицеры относились к нему с презрением, матросы звали его холуем, блюдолизом и не прочь были, под видом шутки, намять ему бока или наложить увесистых подзатыльников.

Однажды он попробовал было «подъехать» к Сычеву. Заговорив с ним, он щелкнул серебряным портсигаром и жестом деревенского щеголя предложил Сычеву папироску.

Сычев папироску взял и спокойно ответил на все вопросы Сереги. Серега обрадовался, размахнулся и со словами: «Молодец ты, Павел Анисимович!» — хлопнул по-приятельски по закорузлой ладони Сычева.

Но квадратные пальцы Сычева сжали Серегину ладонь так, что сам Серега присел, а портсигар со звоном покатился по палубе и папиросы посыпались в желоб.

— Ой, Пал Анисимович! Раздавишь, брось, не шути! — слабеющим голосом взмолился Серега.

Но Сычев не выпускал руки Сереги и смотрел в сторону, будто ничего не случилось.

Серега просил, кричал, потом сел на палубу и зарыдал растерянно и жалко, как рыдают только взрослые люди, обессилевшие от боли и злости. Стоявшие кругом матросы молчали. Наконец Серега затих.

Тогда Сычев отпустил руку и ушел. Серега долго сидел на полу и плакал, не поднимая головы.

Начальству он не пожаловался. Он перевязал искалеченную ладонь и сказал капитану, что порезал палец.

Сейчас Глазов говорил со мной тоном высокоосведомленного лица и всем своим видом желал показать, что он — человек важный, кой-что знает.

Я молча надел фуражку и пальто и отправился в кают-компанию.

Серега обиженно шмыгнул носом и, болтая руками, поплелся за мной.

В коридоре я встретил старшего механика с трубкой в зубах и Кованько, поправлявшего на ходу воротник. Все трое мы вошли в ярко освещенную кают-компанию. Капитана еще не было. Старший поправлял перед зеркалом пробор, второй механик, забравшись в самый дальний угол, бессовестно ковырял в зубах.

Капитан не заставил нас долго ждать, и собрание началось. Впрочем, слово «собрание» мало подходило к нашему собеседованию. Собрания не были в моде до революции. А на корабле дальнего плавания, в море — и подавно. Нужны были совершенно исключительные причины, чтобы заставить нашего капитана, человека властного и самолюбивого, пуститься в обсуждение вопросов, касающихся судна, хотя бы с командным составом.

— Господа! — начал он тихо, но внушительно. — Произошли большие перемены, которые грозят отразиться и на нашей с вами судьбе. У нас нет больше родины! Нет больше своих русских портов, если не считать далекого Крыма. Что будет дальше, — знает только один господь бог. Я, конечно, сознательно преуменьшил наши запасы угля в донесении, переданном сигнальщиками на «Минин». Угля у нас хватит и до берегов Англии. Идя вслед за ледоколом, мы либо застрянем здесь вместе с ним, либо выберемся в океан. Но дело не в этом. Мне кажется, что все мы плохо сознаем, в какой трудной обстановке находимся. Не все на пароходе печалются неудачами правительства Северной области и всего белого движения в целом. Есть люди, которые готовы были кричать «ура!», когда мы со слезами на глазах...

— Вот Лиса Патрикеевна, — прошептал мне на ухо Кованько.

— ... со слезами на глазах наблюдали глубоко трагическую картину эвакуации Архангельска. Мне известно, — он остановился и обвел всех присутствующих упорным взглядом, говорившим: «Всех вас вижу, как на ладони, всех!» — что среди команды есть ничтожная кучка негодяев, мечтающих о том, как бы вернуться в красную Совдепию. При этом они предпочли бы явиться к своим ободранцам не с пустыми руками, а с таким ценным призом, как «Святая Анна».

Он опять остановился и откинул голову назад, словно любясь эффектом своих слов.

— Мы не должны этого допустить. Кучка бунтарей бессильна сама по себе, но своей агитацией она подрывает дисциплину, сеет сомнение в сознании честных матросов. И если события повернутся против нас, мы можем оказаться перед враждебным нам фронтом всей команды. В Архангельской гавани мы были накануне бунта. Все эти дни среди команды не прекращаются разговоры о красных и белых, о победе Ленина, о том, куда мы идем и что нас ждет. Необходимо прежде всего выявить и выловить кучку поджигателей. (Здесь я невольно вздрогнул. Перед моими глазами встала согнутая фигура Андрея в глубине трюма «Св. Анны», с бикфордовым шнуром в руке.) Кроме того, нам нужно создать в среде команды свою партию. Нам нужно расколоть матросскую массу. Сознательным матросам необходимо растолковать, что в Совдепии их ждут холод, голод, нищета. А с нами они будут плавать по теплым морям! Мы найдем фрахты, мы будем работать, пока не закончится смутное время. Господа, белое движение переживает тяжелый момент, но оно не погибло.

— Если сам капитан превратился в агитатора, боюсь — дело плохо, — шепчет Кованько.

— Крым — это не «последняя территория» белых. Крым — это только база для дальнейшего наступления на Совдепию. Наши союзники настаивают на том, что *сейчас* Совдепию победить нельзя. Крестьяне и мастеровые еще не везде испробовали на своей шкуре, что такое большевизм. Известно, что большевизм нравится далеко не всем, и там, где коммунисты сидят давно, — многие их ненавидят. Когда они станут задыхаться в тучах ненависти, заблокированные, отрезанные от мира, мы придем из Крыма как избавители и на этот раз без труда перехватываем их живьем. Это понял Врангель. В этом его гениальность.

Наши хозяева — правление Общества пароходства и торговли — переехали сейчас в Марсель. Там они открыли контору, и наши пароходы успешно работают на всех линиях южной Европы. Немцы перетопили слишком много судов. У союзников не хватает тоннажа для перевозок, и нам всегда найдется работа. Хозяева хотели отозвать нас еще из Плимута для коммерческих перевозок, но тогда генерал Миллер настоял на нашей отправке в Архангельск. Я не говорил вам об этом по понятным причинам, но теперь это уже не тайна. Таким образом, мы будем иметь возможность переждать события в благоприятных условиях, имея работу и заработок, но для этого нам необходимо уберечь «Святую Анну» от всяких революционных сюрпризов. Поэтому я призываю всех штурманов и механиков к бдительности, стойкости и сугубой осторожности. Я кончил. Прошу высказаться!

Но прения не развернулись. Старший пробормотал что-то невнятное о долге, чести и о заботливости нашего капитана. Второй механик неожиданно посоветовал офицерам носить в карманах револьверы. Первый механик задал капитану несколько вопросов о марсельской конторе и о фрахтах. Я молчал. Последним попросил слова Кованько.

— Господин капитан, а куда пропал матрос Генрих Кас?

— Трудно сказать. Не то упал за борт, не то уплыл на рыбачьем челноке, — установить картину происшествия не удалось. Вполне возможно, что лодку унесло бурей, а Кас свалился в воду. В море это бывает. Но первое время мне казалось, что это неспроста. Потом подошли более важные события, и я вынужден был забыть об этом деле.

Я вздохнул с облегчением. Значит, он ни о чем не догадывался. Значит, моя ночная встреча с Андреем осталась тайной для всех.

В заключение капитан еще раз просил нас быть осторожными, доносить ему обо всем, что услышим и увидим, о матросских настроениях и разговорах; посоветовал «проявить инициативу» и на каждом шагу объяснять команде, как неразумно сейчас стремиться в советскую Россию и как хорошо будет матросам на службе у марсельской конторы.

Мы разошлись, и я отправился спать.

Глава четвертая

В ту зиму стояли долгие, лютые морозы. Все горло Белого моря покрылось необозримой массой сбитых в одно целое торосов. Давили ветры, работали морские течения, наваливались страшной тяжестью новые, прибывающие с севера партии льдов. Фарватер, прорезанный ледоколом, сейчас же застывал, покрывался тонкой коркой зеленоватого льда. По ночам в тишине раздавался хруст этой свеженаросшей корки под напором острого носа судна.

«Минин» пробивался медленно и упорно сквозь многоверстный барьер ледяных осколков, часто останавливался, брал задний ход для разбега, рушил лед не только крепким стальным бивнем, но и кормой, рискуя поломать винты. Станут винты — станет и ледокол.

«Св. Анна» идет по пятам за ледоколом-водителем. Капитан держится на почтительном расстоянии. Может быть, он боится последствий за ложные показания об одиннадцатичасовом запасе угля.

Дует жестокий норд-ост от Новой Земли, от берегов Сибири. Все прячутся по каютам и кубрикам.

Я отстоял вахту и отправился спать в каюту. Спалось тревожно.

Проснулся я, когда утреннее солнце светило в окно иллюминатора, и сразу же почувствовал, что в обстановке что-то изменилось.

Со сна я долго не мог сообразить, в чем дело. Часы показывали девять, а тиканье часов перемежалось с глухими и далекими ударами по металлу.

Я подумал: почему так тихо? Почему так ясно слышен бой часов и так отчетливо стучит молот где-то в глубине парохода? И тут только я сообразил: тихо оттого, что молчит стучавшая день и ночь машина. А раз она молчит, то, значит, мы стоим на месте. Еще добрые десять минут я лежал неподвижно, прислушиваясь, — все так же мерно бил молоток, тикали часы, и эти немногие скупые звуки облекала какая-то непривычная, большая тишина.

Я оделся и вышел на палубу.

«Св. Анна» стояла неподвижно, уткнувшись носом в ледяное поле, кормой к другой кромке льда уже замерзающего фарватера. На палубе было пусто. На мостике стоял старший и пустыми глазами смотрел куда-то вдаль. Далеко впереди едва видной точкой, черным жучком, ползущим по белой простыне снегов, виднелся «Минин».

— В чем дело, Андрей Никитич?

— Дело табак, Николай Львович!

— Но что случилось?

— Машина стала. Какая-то мелочь, пять — шесть часов работы, но, покуда мы починимся, боюсь, фарватер замерзнет. Двадцать четыре градуса по Реомюру! Видите — стынет на глазах.

— Почему же «Минин» не подождал нас? Почему ему не сообщили?

— Кто вам сказал, что не сообщили? Надрывались, можно сказать. И флагами, и огнями, и из ружей палили. Сигнал выслушали, ответили, что обстоятельства не позволяют ждать: до кромки льда осталось

каких-нибудь 20—30 километров, а на борту полторы тысячи народу. Обещали прислать помощь. Ну, да на это надеяться, что на бога.

Мысли тревожные хлынули в сознание.

Брошены во льдах! Теперь только конец февраля — еще два месяца полярной лютой зимы. Самим не пробиться. Помощи ждать неоткуда. Льды могут раздавить судно. И это у самой кромки льда, у чистой воды, у выхода в согретое Гольфстримом Баренцево море! Но что же делать? Почему старший так спокоен? Может быть, что-нибудь не так?

— Скажите, вы не пошутили? Почему так пусто на палубе?

Он посмотрел на меня с удивлением. Обычный лоск и искусственная холодность изменили Чеховскому. Сквозь маску проглядывал живой человек.

— Какие шутки? Механики и кочегары все мобилизованы и чинят машину. А матросы, мерзавцы, довольны отдыхом и спят. Еще сейчас можно было бы двигаться и, рискуя помять нос, догнать «Минина», но через 3—4 часа — гроб! Мы не сдвинемся с места.

— Но, может быть, можно ускорить починку машины?

— Идите помогайте, авось дело скорее пойдет!

Ошеломленный неожиданными вестями, я не обратил внимания на насмешку старшего и, словно подчиняясь приказу, направился в машинное отделение.

Толстые каблуки моих сапог застучали по железному трапу, ведущему в судовой «ад», и по кружевным металлическим решеткам. Теплый парной воздух охватил меня. В тусклом свете грязноватых, покрытых масляными пятнами электрических лампочек копошились полураздетые, закопченные фигуры. Все машинное отделение гудело, стонало от мерных ударов молота по металлу. Чинили паропроводный клапан. Здесь суежилась целая группа людей во главе со старшим механиком в замасленной грязной куртке, с которой, казалось, ногтем можно было соскоблить слой застывших смазочных масел. Остальные кочегары и младшие механики смазывали и начищали различные части машины. Неподвижные коленчатые валы стояли ровным рядом, как прутья клетки, за которыми притаился зверь невиданной силы. Гигантское цилиндрическое тело гребного вала лежало глубоко внизу, схваченное за горло железной хваткой гаек и связанное системой колен с блистающими медными частями сложной машины. Кингстоны стояли покрытые крупными каплями росы, которую выделяла насыщенная паром атмосфера «ада». В этой тесноте и грязи я ходил, осторожно оглядываясь по сторонам и стараясь понять, что случилось с машиной, этим сердцем нашего корабля.

Никто из работавших не обращал на меня внимания. Полуодетые, черные от масла и копоты люди с тряпками в руках, сидя на корточках, стоя и лежа на грязном решетчатом полу, протирали машинные части и лили масло из больших масленок. Масленки были похожи на жестяные чайники с длинными, тонкими, как шило, носами. Люди что-то мурлыкали про себя и утирали потные лица тряпками и грязными ладонями рук. Посредине машинного отделения стояло большое крашеное ведро с буквами «Св. Анна», из которого все работающие пили то и дело. Ведро опустошалось мгновенно, и юнга поминутно бегал наверх за новой порцией кипяченой воды.

Оказалось, что паропроводная труба дала трещину. Ее чинили, и для этого пришлось остановить машину. Через два часа работа должна закончиться, и мы опять двинемся в путь.

Все это объяснил мне один из младших механиков, Яковчук, кубанец, попавший на «Св. Анну» накануне отплытия из Мурманска в Плимут. Яковчук производил впечатление толкового и грамотного парня.

— Нам бы нужно чиниться как следует, не на ходу, Николай Львович. Удивительно, как до сих пор шли без аварий, да еще во льдах. Нам бы в док неделек на шесть! Покраситься, почиститься да машину перебрать всю по косточкам. У нас и вал хлябает, и лопасть винта поет, и паропроводный плох, и кингстон того и гляди сдаст.

За долгие годы я привык к тому, что механики всегда поскуливают и требуют ремонта уже на второй день по выходе из дока. Но Яковчук говорил уверенно, к тому же и сам я знал, со слов старшего механика и из его докладов капитану, о плохом состоянии машины.

Из машинного я поплелся в свою каюту, помылся и лег на койку с какой-то случайной книгой в руках.

Через два часа машина медленно, но ровно застучала. Я схватил шапку, накинул на плечи меховую куртку и выбежал наверх.

— Как-то «Св. Анна» осилит новый, выросший на фарватере за эти долгие часы лед?

На мостике — весь командный состав во главе с капитаном. Капитан стоит, положив руку в толстой мохнатой варежке на медную начищенную трубу с широким круглым отверстием на конце. Этот нехитрый телефон ведет в машинное отделение и служит для передачи команды машинисту. На баке и на корме матросы. В руках длинные шесты, чтобы оттолкнуться от ледяного поля. Боцман на носу у колокола смотрит вниз на дымную от мороза воду и легкую блестящую корку льда. Из трубы опять повалил густыми

клубами сначала белый пар, а затем черный, мохнатый дым. Наконец-то «Св. Анна» оживает! В ее груди глухо стучит машина, пока еще на холостом ходу.

По трапу спешит юнга из машинного отделения.

— Господин капитан, у нас все готово!

— У вас? — презрительно цедит сквозь зубы капитан. — Сопляк!

С лица мальчика медленно сползает улыбка. Он поворачивается и, часто цокая каблуками по ступенькам, исчезает из виду.

Капитан наклоняется к трубке.

— Самый малый назад, — скандирует он по слогам.

Матросы на корме у перил втыкают шесты в глубокий снег и налегают на них изо всех сил. Машина глухо гудит. Лед вокруг корпуса «Св. Анны» треснул, раскололся на части, и плоские тонкие льдинки полезли одна на другую.

— Стоп! — командует капитан.

Машина затихает. Матросы еще крепче налегли на шесты. Лица покраснелись. Шапки сползли на затылок, и на темных лбах надулись синие толстые жилы.

Корма «Св. Анны» чуть заметно отделяется от края ледяного поля. Свежий, тонкий лед громоздится у левого борта длинным узким барьером. У правого борта — полоса чистой воды.

— Задний тихий!

Машина опять стучит, и «Св. Анна» медленно, чтобы не повредить руль, идет назад, отходя носом и кормой от ледяных полей и становясь на середину фарватера.

— Тихий вперед!

Слышно, как вращается коленчатый вал машины, и пароход трогается вперед содрогаясь. Нос режет ледяную корку, и судно раздвигает изломанные льдины в стороны, освобождая узкую темно-зеленую полосу открытой воды.

Капитан отходит от трубки и, не переставая смотреть вперед, ходит по мостику от борта к борту.

Я спускаюсь по трапу и иду на нос. Здесь лучше можно наблюдать борьбу со льдом. Здесь, если посмотреть прямо вниз, вдоль высокого борта, видно то, чего не видят капитан и все находящиеся на мостике. Острый нос парохода с трудом разбивает успевший окрепнуть лед. Льдины, громоздясь одна на другую, ползут вперед, сбиваются в кучу. Куча растет все выше и выше, пока не рассыплется в стороны. Местами на пути встречаются потемневшие от пребывания в воде крупные осколки разбитых ледоколом ледяных полей. Нос «Св. Анны» то и дело натывается на такие льдины, с трудом сдвигает их с места, и они, ломая вокруг себя тонкий лед, медленно и тяжело ползут вдоль бортов. Порой приходится останавливать машину и шестами расталкивать сбившиеся перед носом парохода льдины.

— Так далеко не уйдем, — услышал я внезапно чей-то знакомый голос. Меня поразило то, что сказано это было легко, без тоски, без досады, может быть, даже с радостью.

Это был Андрей.

— А ты, что же, рад этому, что ли?

— А может быть, и рад.

— Чему же радоваться? Будем сидеть здесь месяца два, если не подохнем от цинги или холода. Веселые перспективы.

— Зачем два месяца? Хватит и месяц. Зато попадем туда, куда нужно, а не будем мыкаться по свету, как неприкаянные.

— А! Ты вот о чем. Пожалуй, верно. Если тут застрянем, попадем к красным. Только не все этому будут рады.

— Да и красные не всем обрадуются, — быстро сказал Андрей. — Не всем сладко и в Англию или во Францию идти. Ну, да теперь, кажись, наша берет. Зима нам на подмогу.

— Ты очень хочешь в Россию? — спросил я его, глядя прямо в глаза.

— Хочу, Николай Львович! Вот как хочу! — вырвалось у него искренне и тепло, и всегда холодные глаза стали мягкими и задумчивыми.

Вскоре выяснилось, что мы идем значительно медленнее ледокола, и к вечеру он исчез из виду в сгущавшихся сумерках.

Ночью двигаться было еще тяжелее.

Под утро ударил крепкий мороз, доходивший до 35° по Реомюру, и мы стали.

Чеховской был прав.

Я спустился в каюту, разделся и лег на койку. Проспал я до 10 утра. Никто не будил меня, никто не звал на вахту. По-видимому, все признали борьбу бесполезной. Одевался я медленно. В каюте было холодно. Соседка-машина больше не грела. На толстом стекле иллюминатора вырос слой инея. По потолку каюты у окна тоже пробежала белая пушистая дорожка. Я надел теплый свитер шотландской шерсти, натянул на уши меховую лапландку, надел куртку и пошел на палубу. За ночь выпал густой снег. Ветер неистовыми порывами срывал с места тучи сухих снежинок. Снег уже сровнял и ледяные поля и

замерзший фарватер. Белые клочья налипли на вантах, на поручнях трапов, на черной широкой трубе, на мачтах и стрелах лебедек. Даже брезентовые покрышки люков были убраны седой шерсткой инея, и палуба в выемках меж досками светилась тусклым серебром. Ветер жег лицо морозным пламенем, забирался в рукава, за воротник, всюду, заставляя поворачиваться в разные стороны, не позволяя стоять на месте. Тонкой струей шел дым из трубы камбуза. Жизнь на судне была загнана в глубину, на палубе — ни души.

«Св. Анна» казалась покинутым судном, замерзшим среди бесконечных льдов, обреченным на долгую стоянку и, может быть, на гибель.

Вечером состоялся совет у капитана. Капитан сказал нам, что с самого начала был уверен в том, что мы застрянем во льдах. В мирное время ни один черт не рисковал идти в Белое море сквозь льды. Это невиданная вещь! Эта дурацкая война и революция перепутали все на свете! И вот мы сидим теперь в ледяной тюрьме. Нет сомнения: за нами придут, мы не одни во льдах Севера. Но когда придут и кто придет? — вот вопрос. Может быть, придут красные. Скорее всего это будет именно так. Неизвестно еще, что лучше — сидеть во льдах или сидеть у красных.

Затем говорил Чеховской. На этот раз они словно поменялись ролями. Чеховской не причитал и не пророчествовал. Он сообщил нам, что на судне пресная вода на исходе и придется растаивать снег. Хлеба нет. Сухарей хватит на месяц-полтора, солонины — на две недели. Есть консервы, но, кажется, не все хороши. Подвел поставщик в Плимуте. Словом, через две недели будет плохо. Так как нам, очевидно, придется сидеть дольше, чем две недели, то нужно заранее предусмотреть это и сократить паек для команды. Командному составу придется также сократиться, но не в такой мере. В камбузе это сделают незаметно. Кроме того, можно получать консервы в каюту, но придется банки и прочие остатки уничтожать незаметно, «чтобы не дразнить собак».

Никто не возразил Чеховскому.

Кованько наивно спросил, нельзя ли выслать партию людей к берегу. Капитан ехидно предложил ему самому сделать однодневный переход от судна и потом рассчитать, во сколько дней он пройдет 200 километров к ближайшим деревням. Кстати, где эти ближайшие деревни, никто толком не знал.

Я видел, что все, в том числе и капитан, растерялись. Еще недавно все рассчитывали на счастливый исход ледяного похода. Ведь прошли же мы в Архангельск. Годы гражданской войны показали, что при большой настойчивости сильный ледокол может одолеть ледяные пространства. Но «Минин» покинул нас, как покинул раньше «Русанова» и пустую «Ярославну». Капитан «Минина» вез драгоценную жизнь генерала Миллера и ни о ком больше не смел думать. Впрочем, власть на ледоколе принадлежала не капитану, а адмиралу Чаплину, прославившемуся своей жестокостью и ненавистью к матросам.

Легкая порча машины заставила нас отстать от ледокола, и вот мы скованы во льдах надолго, быть может — навсегда.

Ночью вокруг «Св. Анны» с невиданной еще силой завывли, закружились дикие ветры Севера. Словно спущенные с цепи огромные мохнатые птицы, они накинулись на судно. Гнулись, трещали под напором ледяного дыхания высокие мачты. Напор льдов усилился. Они громоздились все ближе к бортам, снежные волны лезли на палубу, нависали над низкой кормой. Тучи спустились чуть ли не до самой поверхности льдов, и повалил густой снег, сухой, блестящий, как нафталин. Он сыпался густыми массами. Его сметало порывами ветра с ровных мест и наметало высокими курганами у бортов корабля. Он заполнял все щели, все выемки, все углубления, залепил толстым слоем окна кают, впадины иллюминаторов, забился под брезент, покрывавший лебедки, закрыл якорную цепь и даже висевший на борту якорь. Об уборке снега нечего было и думать. Метель гуляла по палубе, как в поле. Ночью она разыгралась вовсю. Ветер завывал и свистал в вантах, ломился в двери и окна. Льды напирали и трещали за бортом, и судно потрескивало зловеще и звонко, напоминая всем приютившимся под его защитой, что оно — только тонкая коробка на волнах замерзшего моря.

На следующий день пришлось проделать проходы в снегу от выходов из кают и из кубриков к камбузу и к трапу, который вел на командный мостик. Но метель свирепствовала по-прежнему, и проделанные проходы были завалены снегом в 10—15 минут. В воздухе быстро неслись пушистые снежинки, сливаясь в белое полотно, которое отрезало «Св. Анну» от всего мира.

Матросы и помощники капитана спали по кубрикам и каютам, не находя способов бороться с разгулявшейся стихией.

Метель продолжалась три дня.

На четвертые сутки снегопад прекратился, тучи рассеялись и в небе сверкнуло яркое зимнее солнце.

Капитан велел свистать всех наверх, и началась дружная уборка палубы от снега. «Св. Анна» представляла собою огромный, усыпанный снегом торос, внезапно поднявшийся среди снежного поля. Я оделся, вышел на палубу и тоже взял лопату. Медленно, кусок за куском, отвоевывали мы палубу «Св. Анны» у нахлынувшего на нее снега. Постепенно, уступая усилиям тридцати человек, освобождались доски палубы, борта, леера, цепи. К обеду носовая часть была очищена от снега, а к вечеру обнажилась и

корма. Усталые, измученные, мы завалились спать, чтобы на следующий день попытаться расчистить снег, прилепившийся к бортам корабля.

В этой работе прошло еще два дня. Время летело быстро. До заката солнца мы не выпускали из рук лопат. Потом валились на койки и спали как убитые.

Вахты не было, и спать можно было до позднего зимнего утра. Погода исправилась. Стоял легкий для Севера мороз в 10—15°. Солнце опять светило вовсю, но ветер по-прежнему дул с севера. Невидимые, скрытые снегами льдины продолжали тесниться к берегу и нажимали на борта «Св. Анны». Если движение в эту сторону усилится, судно будет раздавлено и нас ждет гибель.

Единственная надежда на южный ветер! Он может отогнать плавучие льды в океан, — тогда напор ослабнет и, может быть, даже откроются трещины и полыньи, которые выведут нас на свободную воду. Ведь мы всего в 30—40 километрах от мест, где уже господствует теплый, благодатный Гольфстрим.

Во второй солнечный день, впервые после долгого перерыва, вывели на прогулку арестованных. Они жадно глотали морозный воздух и все время старались смотреть на солнце. «Старший», как называл его Кашин, худой, невысокий, все время закрывал рот поднятым воротником и сдавленно кашлял, прикрываясь рукой. Арестованные гуляли полчаса, и затем их увели в каюту.

Прошло еще два дня, и температура поднялась до нуля. Снег на солнце размяк, отяжелел и осел. Опять обнажились кое-где острые зубцы торосов. На другой день стало еще теплее, а на третий — утром мы вышли на палубу и ахнули: на много верст вокруг вся снежная равнина покрылась желто-черными точками. Это самки тюленей выбрались на лед рожать детей.

Вскоре около самок закопошились маленькие тюлени. Беспомощные, неуклюжие, они ползли вслед за матерями. Матери оставляли за собой на снегу длинные кровавые следы. Маленькие тюлени хлопали крошечными лапами о снег и оглушали воздух надрывным детским криком. Стоял невероятный шум и визг. Казалось, пароход окружили голодные дети и плачут, молят впустить их внутрь, где только и нет пронзительного ветра.

Ночью на койках, под этот жалобный, несмолкаемый хор завываний, беспокойно ворочались и бормотали проклятья матросы и кочегары.

Затем началась охота на молодых тюленей. Не могу сказать, чтобы эта кровавая картина доставила мне удовольствие!

Матросы и кочегары взяли толстые палки, спустились на лед и стали бить палками крошечных зверьков. Зверек доверчиво смотрел на человека с палкой и мигал красными глазами. Удар палкой по носу — и зверек падает на лед мертвый.

Жестокая нужда вынудила продлить это занятие. Тысячи маленьких трупов покрыли палубу «Св. Анны», и свежая тюленья печенка увеличила больше чем вдвое скромные продовольственные запасы команды.

Прошла еще неделя. Время тянулось нескончаемо долго. Люди сидели по своим углам, спали по двенадцати часов, ели и опять укладывались спать.

Однажды утром постучал ко мне в каюту Кованько.

— Николай Львович, ветер с юга! Так и гонит, так и прет! Теплый и сильный!

Он вошел с пылающим лицом и сел на койку, в ногах.

— Капитан говорит: еще три — четыре дня такого ветра — и льды разгонит. А ветер как будто бы всерьез. Тучи какие — темные, серые, того и гляди дождь пойдет.

— Ну, что вы! Дождь в марте — за Полярным кругом!

— Вы не думайте! Здесь — Гольфстрим, совсем рядом. Здесь погода капризная. То мороз, то дождь, то штиль, то буря. Я ведь здесь ходил.

— Ну, давай бог!

Я оделся, и мы вышли на палубу. Ветер действительно дул крепкой, теплой, густой волной. Низкие облака неслись над верхушками мачт; похоже было на то, что пойдет мокрый снег. Солнца не было видно, горизонт протянулся зловещей, темной полосой.

Команда повеселела, высыпала на палубу. Смех, шутки, словно лед уже расступился под ударами теплого ветра и «Св. Анна» вот-вот понесется по свободным океанским волнам.

Я плохо знаю северные моря. Но среди матросов команды «Св. Анны» немало поморов, опытных рыбаков. Льды для них — привычное дело. По оживленным лицам этих ребят я заключил, что перемена ветра действительно дает надежду на избавление от ледяных оков.

Мы подошли к группе матросов. Пожилой, заслуженный рулевой Степан Жигов, помор Архангельской губернии, что-то оживленно рассказывал.

— По весне льдина — что твой корабль, — услышали мы. — Парусов не надо. Несет ее по ветру, только держись. Как пойдет лед, выбираем мы всей деревней старшего. Айда лодки на льдину — и в море! Угадать только нужно цельную льдину большую, в версту или две, а то и три. До Соловков ходили. Несет, бывало, ветром в горло Белого моря. А мы знай бьем тюленей, рыбу ловим, на медведей охотимся. Полные лодки набьем. А потом, как льдина подтает, лодку стащим на воду, да и домой с добычей. А случалось,

льдину ветром побьет да буря начнется!.. Гора не оберешься. Ни туды ни сюды: кругом лед битый — ни свободной воды нет, ни льдины нет, одно месиво — ни плыть, ни ходить. А то как поднимется буря да как начнет льдину волной бить, тут намолишься всем угодничкам. А то еще может буря льдину к Мурману или в окян угнать, тогда пиши пропало. Много наших не верталось домой. Надо знать, когда на льдину сесть и когда с нее убраться. Ходил я, помню, в двенадцатом году...

Мы отошли в сторону. У кормы стоял Андрей и Сычев. При нашем приближении Сычев ушел. Я спросил Андрея:

— Ну как дела? Скучно?

— Чего скучать! Книжки есть, не скучно.

— А что читаешь?

— Больше по учебе. Физику, географию и еще какие...

— Вот что. А Маркса читал?

— Читал, только понять трудно.

— А помочь некому?

— На земле помогали, а на судне — кому ж тут?

— А кто тебя обучил всему этому?

— Учителей было много. На заводе я мальчонкой был. На металлическом. Там дядька был. В Сибирь в 12-м угнали за политику. У нас дома народ собирался... Батьку потом выслали в Архангельск, и я с ним поехал. А в Архангельске опять знакомые ссыльные были, дядю знали. Один со мною занимался. Да только недолго. Война пошла, меня забрали во флот. А во флоте я все по Северному морю ходил. Суденышко маленькое — траулер. Никак до настоящих людей было не дорваться. Революцию прохлопал. Вот у белых и служу.

— А ты не боишься, Андрей, что я выдам тебя?

Он холодно и насмешливо посмотрел на меня.

— Хотели бы выдать, уже бы выдали. Да теперь и выдать-то некому.

— Почему некому? А вот скажу капитану. А он тебя военным властям в Мурманске выдаст.

— Мурманск-то тю-тю, Николай Львович!

— Почему ты думаешь?

— Еще, Николай Львович, когда мы в Мурманске были, дошли до нас вести, что фронт еле держится. Генерал Скобелецын уже тогда в Финляндию отошел со всем отрядом. Мурманск давно уже наш, будьте благонадежны.

— Так. А кто же тебе сообщил все это... про генерала и вообще?..

— Свои люди. Наших везде много, — что песку морского.

— А как ты думаешь, Андрей, выйдем мы из льдов?

— Почему не выйти? Выйдем. Разве только северный опять подует, тогда раздавит нас льдами.

— Ну, ладно. Скажи мне, Андрей, ты вот хотел взорвать судно... Что же, со всеми нами, со всей командой?

— Хорошего же вы обо мне мнения. Я хотел все подготовить к взрыву, конец шнура вывести в кубрик, хорошенько его замаскировав. А поджечь его можно было бы в последний момент, предупредив кого надо. Только бы оружие не попало в руки врагов... Это уж ни за что!

Я потрепал его по плечу и пошел дальше. Мне все больше и больше нравился этот парень — молодой, задорный, прямой и решительный, и я невольно дорожил доверием, которое он оказывал мне с той памятной ночи.

Ветер с юга дул весь день и к вечеру еще усилился.

Ночью мне приснилось, что подул северный ветер и опять ударил мороз.

Встревоженный, я вышел на палубу. Дул все тот же теплый, крепкий ветер с юга.

«До чего развинтились нервы!» — подумал я и прошел с бака на корму. Прислонясь к белой переборке спардека, я долго смотрел на светлеющие в ночи снега у бортов «Св. Анны». Вдруг над спардеком, почти над моей головой, послышалось мне чье-то странное шарканье. Что там могло быть? Спардек — часть верхней палубы, расположенной над каютами около юта, там нет поручней и туда без нужды никто не ходит. Там на шлюпбалках висят четыре шлюпки, закрытые парусиновыми чехлами, и пройти туда можно только по трапу с кормовой части палубы. Я стал прислушиваться. Шорох повторился. Казалось, кто-то тянет поверху мешок с кладью или брезент. Я тихо отошел к борту и заглянул наверх: чернеют силуэты шлюпок, но больше никого не видно. Тогда я опять подошел вплотную к переборке и замер без движения. На этот раз мне показалось, что по наружному борту тянут какой-то сверток. Я быстро наклонился к борту и заглянул за надстройку. К моему величайшему удивлению, я действительно увидел небольшой сверток, опускавшийся по отвесной стене на веревке в расстоянии метра от моего плеча. Сверток с минуту болтался в воздухе, а затем чья-то рука высунулась из иллюминатора и сверток исчез.

«Но ведь это каюта арестованных», — сообразил я.

Шорох на верхней палубе усилился. Я вновь прижался к стене, но не прошло и минуты, как по трапу, стараясь не шуметь, спустилась какая-то фигура. Я немедленно двинулся навстречу.

Таинственные события на палубе «Св. Анны» начинали меня тяготить.

Фигура остановилась.

— Андрей?

— Я.

— Ты к арестованным лазил?

— Я.

— Когда же это все кончится? Ведь я должен тебя арестовать!

— Арестуйте!

— Но я не хочу.

— Так идите, Николай Львович, в каюту и спите!

Голос его звучал решительно и строго.

— Коли в трюм я с динамитом полез, то уж к арестованным товарищам наверное полезу. И вообще скажу вам: «Святая Анна» будет наша. А вы подумайте, с кем будете, когда бой будет. Вот вам мой сказ.

Он повернулся и ушел. Я спустился в каюту, придавленный тяжелыми думами еще больше, чем в ту памятную ночь.

Глава пятая

Теплый ветер дул три дня. Лед потрескался. Снежный покров посерел, налился водою. Кое-где показались проталины и даже полыньи. Снежная масса у бортов «Св. Анны» провалилась, и вокруг судна образовалась узкая полоска темного, грязноватого льда.

К вечеру капитан заявил, что, по его вычислениям, «Св. Анна» вместе со льдами, со всей многоверстной ледяной пробкой, идет в Баренцево море навстречу теплым волнам Гольфстрима.

Радостная весть облетела судно с быстротой молнии. Матросы выбрались на палубу. На баке загремела гармонь, и Санька Кострюковский и Павленко начали петь по очереди северные и украинские песни, при шумном одобрении всех собравшихся.

Кочегары отправились в машинное отделение разводить пары и чистить машину.

Жизнь на «Св. Анне» пошла полным ходом.

10 марта задымила труба, и утром 11-го медленно и глухо застучала машина.

В этот день льды широко расступились перед носом «Св. Анны», и, лавируя и осторожно раздвигая мокрые льдины, судно двинулось на запад. Я отстоял первую вахту и отправился спать. За долгие дни я спал впервые в тепло натопленной каюте спокойно и крепко. Утром на юге потянулись неприветливые берега Мурмана, и льды ушли куда-то на север. Только редкие льдины проплывали мимо нас, гонимые ветром в открытое море. К вечеру прошел на траверзе Териберский маяк, и на другой день должен был показаться Мурманск. Но ночью капитан повернул на север, и, когда возшло солнце, там, где должны были возвышаться мурманские скалы, не оказалось ничего, кроме бесконечного простора спокойного моря.

Не нужно было обладать большой наблюдательностью, чтобы заметить, какое возбуждение охватило команду, когда выяснилось, что «Св. Анна» не идет в Мурманск.

Андрей носился по палубе, спускался к кубрик, в кочегарку, размахивал руками, кричал и что-то втолковывал то одному, то другому матросу.

В 9 часов утра дверь капитанской каюты открылась. Вышел, покручивая усы, унтер-офицер Кашин.

Ни на кого не глядя, он прошел в караулку, и тотчас же пять вооруженных солдат выстроились в полной боевой готовности на палубе.

Затем на мостик вышел сам капитан.

— Шатов, свистать всех наверх!

Через две — три минуты человек 30 матросов, кочегаров и механиков стояли у мостика, задрав головы вверх. Капитан возвышался на мостике, подобно оратору на трибуне городской площади.

— Ребята! — громко начал капитан. — Мы не пойдем в Мурманск!

— Как так?! Куда ж мы к чертовой бабушке двинем?! — закричали матросы.

— Мы пойдем в Норвегию, а оттуда в Гамбург или в Марсель. Куда прикажут нам хозяева.

— Какие хозяева? Даешь Мурманск!

Капитан поднял руку. Все смолкло.

— Что вам дался Мурманск? Кому вы там нужны? В Совдепии четверть фунта хлеба на рыло да осьмушка сахара в месяц! Работы нет! Фрахтов нет, — с большевиками никто торговать не хочет! Вас заберут в Чеку. Докажите, что служили белым поневоле! Пока докажете, наплачетесь по тюрьмам! А в тюрьмах у большевиков не кормят; пачками, не разбирая правых и виноватых, расстреливают! А вот если мы пойдем в Марсель, мы будем иметь работу, жалованье в валюте, жизнь человеческую. А через год падут большевики, домой поедem все вместе.

— Чего год ждать-то? Даешь сейчас по домам! — раздалось несколько голосов.

— Молчать! — закричал капитан. — Я вас, прохвостов, не на митинг собрал. Как решил, так и будет. Кто не хочет, — марш на все четыре стороны в первом порту! А порядок мне на судне не нарушать! Я на вас управу найду! У меня вооруженная команда есть! — Он показал рукой на Кашина.

— Продался рыжий пес! — крикнул кто-то в задних рядах.

Кашин вздрогнул и схватился за кобуру.

— Марш по местам, и запомнить: кто бунтовать будет, тому я найду местечко по чину и за границей, — закричал капитан, повернулся и ушел.

Матросская толпа расходилась медленно. Андрей один из первых скрылся в носовом кубрике.

Мы шли теперь на северо-запад, — «Св. Анна» удалялась от берегов Европы. Капитан обходил район Мурманска, как мышь обходит щель, где хоть раз сверкнули ей навстречу зеленые кошачьи глаза. Теперь ясно мне, почему капитан приказал расковать арестованных, — за границей они и без кандалов не страшны.

Матросские помещения гудели, как пчелиный рой по весне. Там шли горячие споры. Но на палубе было тихо. Вахты сменялись по склянкам, матросы бегали по свистку, кочегары надевали свои засаленные спецовки за 10 минут до начала вахты. Кок скоблил длинным ножом сковороды, громыхал посудой и часами жарился у кафельной плиты. Поваренок чистил картофель и колол дрова. Глазов свирепею начищал капитанские брюки, развесив их на открытой двери каюты; словом, все шло, как идет на любом судне в море.

Только на третий день мы повернули к югу, и уже к вечеру перед нами из пучины вод поднялись далеко видимые черные скалы Скандинавии. Капитан в полдень взял высоту солнца секстантом и определил широту места судна. По его расчетам, ночью мы должны были иметь на траверзе мыс Нордкап, крайнюю северную точку Европы.

Следующее утро, солнечное и ясное, показало нам очистившийся от мглы горизонт. Успокоенное море ласкалось у гранитных обрывистых скал Норвегии. Многочисленные острова и островерхие утесы торчали из воды.

Начинались знаменитые норвежские шхеры — морской путь, равного которому по красоте и дикой величавости, может быть, нет во всем мире.

Грани скал, отшлифованные водой, отражали свет солнца матовым блеском. Волна морская, разбившаяся сотни раз о крепкие башни и волнорезы утесов, катилась здесь зеркальным переливом, подобно речной волне, и судно, лавируя от острова к острову, от берега к берегу фиорда, шло на юг. На волнах лениво качались белые чайки и встречные рыбацьи челноки со стрекочущими крошечными моторами. Иногда на отмелях, где море отступало от подножия тяжелых скал, чернели, готовые покрыться весенней листвой, рощи, и сосны задорно карабкались по склонам, казалось бы неприступных, каменных массивов. Зеленые и красные домики стояли на берегу, встречая стеклами окон вечернее солнце. Наконец, когда уже сгустились сумерки, большой пароход — «Король Гаакон VII» — проследовал на север к Гаммерфесту и Киркенесу.

Это уже была Норвегия. Туманные пустынные берега России остались далеко позади.

Рано утром на другой день «Св. Анна» подошла к деревянным пристаням «северного Парижа» — Тромсе.

Солнце выглянуло из-за скал континента и обладало на нем маленький островок и маленький город, этот идиллический уголок норвежского севера.

В Тромсе я бывал много раз. «Северный Париж» имеет семь тысяч жителей, триста автомобилей, пять или шесть гостиниц, два кино и универсальные магазины в три этажа. В городке живут преимущественно рыбаки и торговцы рыбой.

В домах на каждом столе — норвежский флаг. Страна все еще радуется своей молодой политической свободе, которая, конечно, ни на йоту не изменила обычный уклад жизни норвежского рабочего, крестьянина и рыбака.

По знакомым скрипучим доскам пристани, мимо амбаров, от которых несет густым запахом приготовленной к вывозу вяленой рыбы, мы прошли на пыльную улицу, упирающуюся в ограду высокой готической церкви, единственной в городе. За церковью, за двумя-тремя рядами домов, над зелеными и красными черепицами крыш встает серый, только что освободившийся от снега склон высокого холма. Поперечная улица, на которой помещаются аптека, банк и десяток прекрасных магазинов, привела нас в «Гранд отель» — трехэтажную деревянную гостиницу, которой по чистоте и уюту позавидовали бы многие наши областные города.

Капитан снял большой номер. Рядом поместился старший. Я и Кованько поселились в небольшой комнате с балконом, откуда открывался вид на море. Крошечная бухта была как на ладони. Несколько юрких катеров и моторных лодок создавали картину оживления и даже некоторой суеты. У противоположного берега фиорда, в шхерах, лавировали яхты спортсменов, напоминая белыми парусами больших птиц, слетевших на воду со снежных вершин скандинавского массива.

В Тромсе мы должны были починить паропроводный клапан, погрузить свежий провиант и решить, что делать дальше. По очереди мы несли вахту на судне и вечерами фланировали в городском саду под перекрестными взглядами высоких, здоровых норвежцев, белокурых и розовощеких. Сидели в кино, глядя на игру вездесущих Пикфорд и Де-ла-Марр, а утром на шлюпках уезжали на живописный островок, расположенный прямо против города, на другой стороне фиорда.

Капитан неизменно каждый день отправлялся утром на телеграф, что-то кому-то телеграфировал, от кого-то ждал пост-рестант.

Здесь мы узнали, что две недели назад в Тромсе прибыл «Минин». Пассажиры немедленно покинули перегруженный людьми ледокол и перешли на прекрасные пароходы, обслуживающие линию по фиордам, а сам «Минин» вскоре ушел на юг.

Никаких писем, указаний, распоряжений для нас оставлено не было. Генерал Миллер и его штаб забыли обо всем, что оставили позади.

Теперь «Св. Анна» должна была сама решать свои судьбы. Вернее, их решал единолично наш капитан.

На пятый или шестой день нашего пребывания в Тромсе совершенно неожиданно для нас к борту «Св. Анны» подошли груженные рыбой баркасы и по приказу капитана началась погрузка на судно огромного количества связок и тюков с вяленой рыбой. Принятым грузом был заполнен твиндек, и, кроме того, часть тюков была размещена прямо на палубе. Погрузка началась в мое отсутствие, и, когда я пришел из города, участок деревянной пристани у борта «Св. Анны» кишел портовыми рабочими. Грузили тюки из рогожи, набитые вяленой треской и палтусами, с больших лодок грузили бочонки с сельдями. Гигантские связки рыбы до двух метров длиной ложились одна за другой на палубу. Рыба вялилась на солнце, и толстый шпегат, пропитавшийся рыбьим жиром, словно сросся с жабрами безглазых и крупноголовых рыб. Погрузку производили портовые рабочие и рыбаки. Наши матросы стояли у бортов, поплеывая в воду, и только вахтенные сустились на палубе да дежурный матрос стоял у лебедки, то опуская стрелу за борт так, чтобы в сетку, прикрепленную к концу стрелы, рабочие могли сбросить пять-шесть тюков с рыбой, то вновь поднимая ее вверх. Тяжелые тюки, колыхаясь, проплывали высоко над нашими головами и медленно опускались в широкий зев трюма. Лебедка неистово грохотала и лязгала металлическими частями. Грузчики беспорядочно кричали какие-то интернациональные слова, обозначающие во всех портах слова команды: «вверх», «вниз», «стой!» и т. д.

Прежде чем принять дежурство, я вошел к себе в каюту и переоделся. Я уже снял куртку и выходные сапоги, как в каюту постучались и сейчас же, стараясь не скрипеть дверью, вошел Андрей.

— Простите, Николай Львович, что так, без спросу. Не хотел, чтобы кто видел. Поговорить бы надо. Я сел на койку и предложил сесть и Андрею.

— Что же это, Николай Львович? Рыбкой пулеметы покрываем?

— Почему покрываем? — ответил я. — Нам не приходится скрывать свой груз. Это не так. А рыбу капитан грузит, видимо, чтобы подработать.

— Для кого подработать?

— Для компании. Для того, чтобы было чем жалованье платить.

— На жалованье у него и так хватит. Это нам известно. А вот платить — уже три месяца не платит, все «завтраками» кормит. И теперь не заплатит.

— Теперь, наверное, заплатит.

— Платить надо, Николай Львович. Ребята пообносились. Без табаку сидят. На берег не с чем съехать. Да дело не в этом. Пришел я спросить вас, Николай Львович, не знаете ли, куда теперь пойдем, что с нами делать будут. Держат нас в темноте, как детей несмышленных. Что будет завтра, — не знаем. От России уходим, куда идем, — черт его знает. Наверно, у вас были разговоры промеж себя.

— Нет, Андрей. Капитан с нами своими планами не делится. «Святая Анна» мобилизована для военных нужд, и капитан смотрит на себя, как на военного командира. Может быть, с Чеховским он откровеннее, но при мне ничего о своих намерениях не говорит.

— А сами вы, Николай Львович, не хотите домой, в Россию?

— Видишь ли, дом мой сейчас не в России. Жена и сын в Ревеле, а Ревель — это теперь Эстония, самостоятельная республика. Да мне-то что? Все равно надо служить на каком-нибудь пароходе. Так я могу и на «Святой Анне» остаться.

— Ну, не все так, как вы, Николай Львович. У иных вот как под сердцем горит: домой бы добраться.

— Ну, а что же вы у Мурманска так мирно себя вели? Бузили, бузили, а тут вдруг и сдали, — неожиданно для самого себя спросил я Андрея.

— Смеетесь, Николай Львович? Что ж, не поднялся народ, не почувствовал. Кто и вовсе против нас, а кого и капитан сбил с толку. Хитрый черт: там, дескать, в Совдепии голод — а тут разносолы; там безработица — а тут фрахты с неба сыплются, знай перевози груз в любом количестве. Вот и не вышло. Злобы у них нету. Еще не растормошило. Мало жили, да мало их били.

— А тебя, Андрей, били?

— Меня били. Хватало! А еще больше при мне били. В участках били, на войне били, в строю били. Всех били: дядьку били, брата били, а не били — так в морду харкали, за людей не считали. Не у всех, Николай Львович, дух одинаковый. Иному плюнут, а он утрется и доволен. А у других все это в душе по капелькам накапливается — злоба растет. Думаешь — вот бы по барской морде всей пятерней садануть! А потом умные люди научили меня, что из злобы такой может и толк выйти, могут битые силы власть взять и на настоящее дело ту власть употребить. Стало быть, злоба-то правильная! Не знаю, как вам по-хорошему это все сказать, а вот так я думаю... Народ у нас мягкий, — прибавил он в раздумье. — Все забыли да простили. Вот и теперь. Ведет нас куда-то к черту на рога наш капитан, а мы пальцем ударить не хотим. И голода боимся, и начальства трусим. Ну да все одно, — скоро прочухаются. Капитан еще всем покажет просвещение.

— Ты на что надеешься, Андрей?

— Жулик ваш капитан, вот что! Врет он всем — и нам, и вам. Чувствую я это... А кое-что и знаю. Придет время — и вам скажу. Пока будьте здоровы!

Стоянка наша вТромсе затягивалась. Правда, у меня сохранились кое-какие деньги от жалованья, но будущее было темно. Расходовать последние гроши, хотя бы и в «северном Париже», было бессмысленно. Я оставил гостиницу и переехал на корабль. Вслед за мною перебрались на воду и Кованько и Чеховской. В «Гранд отеле» остался один капитан. Он был, по-видимому, очень доволен этим обстоятельством. К нему ежедневно приходили какие-то тучные, краснолицые норвежцы в тугих черных котелках и тупых, как корма буксира, ботинках. Капитан запирался с ними на час-полтора; вечером они сидели в кафе или в ресторане. А утром капитан опять мчался на телеграф. По-видимому, его не устраивала передача депеш обычным путем через портье гостиницы.

На десятый день нашего пребывания в Тромсе капитан явился внезапно со всеми своими вещами на пароход и заявил, что на рассвете мы уходим на юг. Куда именно, он не сказал никому, даже Чеховскому.

На палубе закипела работа. Тюки с рыбой и ящики, оставшиеся наверху, накрепко привязали тросами к металлическим кнехтам, уткам и обухам, погрузили уголь, приняли на борт запас пресной воды и развели пары. Вечером, когда на черном небе проступили первые тусклые северные звезды, мы собрались в кают-компанию.

— Господа, — сказал капитан. — Мы пойдем на юг фиордами. У нас будут остановки в маленьких портах. Затем мы проведем день или два в Тронгейме и Бергене. Оттуда пойдем в Европу. Куда именно, — мне и самому сейчас не ясно. Как только получу исчерпывающие директивы компании, сейчас же сообщу всем офицерам.

Путь к дальнейшим расспросам был отрезан.

Наутро мы ушли из Тромсе вниз по шхерам.

Дальше на юг фиорды становятся еще живописнее. Еще выше поднимается далекий гребень Скандинавского хребта. В ущельях выются фиорды. На вечернем солнце хрустальными пластинками тускло поблескивают глетчеры, серебрятся струи весенних потоков. Через месяц эти потоки наполнят диким ревом и шумом глубокие, как пропасть, ущелья. Большие черные камни-горы тянутся к берегу. Островерхие утесы и скалы невиданной величины спускаются в воду.

Почти непрерывная цепь островов, идущих вдоль берега, отгородила выходы фиордов от моря; и здесь, на узком пространстве между континентом и цепью прибрежных скал, вьется без конца голубоватосиняя лента спокойной воды.

Вот, кажется, она закончилась. Высокая треугольная скала накрепко замкнула фарватер. Еще несколько ударов винта — и нос парохода врежется в тупой гранит. Но нет. Из-за правой скалы, поднимающейся, подобно изогнутой, зубчатой спине дракона, опять выглядывает узкая струйка спокойной воды, — нос парохода склоняется, скользит вправо, и мы опять — на середине изумрудно-сапфирового озера. Кругом, как стражи, стоят причудливой формы гигантские скалы: вот башня с зубцами, вот замок в руинах, вот сахарная голова, вот изогнутый бивень носорога, и, кажется, вновь нет выхода, но в последний момент сверкнет из-за скалы замкнутое горное озеро, и еще одно из звеньев длинной цепи фиордов принимает нас на свое зеркальное лоно.

Маленькие, редкие, но уютные городки лепятся на береговых террасах у подножий недоступных безлесных скал. Четыре улицы, короткие, гладко вымощенные, кучка четырехэтажных домов вокруг крошечной церковки с готической колокольной. Рыбные склады у берега, крикливые вывески на стенах из гранита «НЕФТЬ» и «МАРГАРИН», десяток барок у пристани, несколько яхт и моторных лодок да одинокая труба лесопильного завода или бумажной фабрики — вот и все. Прибытие парохода — это повод прийти на пристань; и юноши и девушки, когда упадет тень от ближайшей скалы на тихую бетонированную гавань, держась за руки, тихо бредут к воде по коротеньким игрушечным улицам. Солнце бросает косые лучи с медным блеском, и на фоне вечерней зари город напоминает декорацию: на небольшом клочке много-много налеплено людей, домов, стен, окон и каменных и чугунных оград.

В таком крошечном городке Свольвере мы сдали рыбу и погрузили консервы и спички. Все это было проделано быстро, четко, без суеты. Ясно, что между капитаном и его клиентами существовал

предварительный сговор. Капитан побывал на берегу и вернулся только вечером, навеселе. Глазов приволок за ним увесистую корзину с вином и закусками.

На некоторых из принятых к погрузке ящиков стоял адрес фирм из Тронгейма и Бергена. По-видимому, капитан решил не гнушаться мелкими каботажными перевозками от порта к порту. Удивительно, как сумел он отбить грузы у норвежских пароходчиков! Ведь Норвегия обладает самым большим тоннажем на душу населения. Норвежский флаг можно встретить на всех пяти океанах.

Опять фиорды, день и ночь, и еще день и ночь. Ранним утром мы подошли к древней столице норвежских конунгов — Тронгейму. Капитан объявил нам, что здесь мы пробудем два дня. Сам он немедленно съехал на берег, сказав, что отправляется к местному русскому консулу. Если будут новости, он немедленно сообщит нам. Новостей мы так и не узнали, так как консул, по словам капитана, уехал в Стокгольм самоопределяться. Команда бесцельно бродила по веселенькому уютному городу, осматривала памятник Олафу Великому, тонкую, высокую колонну, увенчанную фигурой в рыцарских доспехах, с огромным мечом. Город ничем не напоминает столицу.

Даже знаменитый тронгеймский собор — величайший памятник готической архитектуры в северной Европе — весь в зелени и лесах (он ремонтируется без перерыва), кажется, несмотря на свои действительно поражающие размеры, тихим и скромным остатком старины. Молящихся мало, собор посещается преимущественно туристами. Они осматривают здесь знаменитую мраморную статую Христа, изваянную Торвальдсенем, и любуются с вершины готической башни видом на город, фиорды, горы и море, на серебро свергающихся водопадами горных рек и зеленые квадраты распаханых полей.

Такси помчало нас с Кованько за город к трем расположенным одна за другою по течению горной реки электростанциям. Три раза одна и та же струя встречает на своем пути лопасти турбин. Три раза сдавленное бетонными зажимами русло вскидывается в бешеном скачке, и ослепительно белая пена облаком вздымается над перекинутым через реку висячим мостом, омывая брызгами гранитную глухую стену станции.

Здесь, в Тронгейме, можно читать газету на любой улице, в любой час ночи. Отопление, освещение, прачечная и электрокухня обходятся для семьи, занимающей коттедж в пять комнат, 10 рублей в месяц.

Мы покинули на другой день вечером зеленый лабиринт тронгеймских фиордов, и еще через два дня пути перед нами встал из тумана большой торговый Берген.

Всю дорогу я наблюдал за капитаном. Его торговые операции, таинственность, которой он обладал все свои похождения и планы, невольно стали меня интересовать. Как-никак, моя судьба была связана с этим судном и капитаном, его фактическим хозяином. Я успел заметить, что между ним и Чеховским за последние дни появилась какая-то договоренность. Старший больше не намекал в разговоре с нами на то, что капитан, ни с кем не советуясь, вершит дела судна. Он стал чаще заходить в каюту капитана. Лицо его опять обрело спокойствие и уверенность. Пробор был идеален, и ногти до блеска натерты суконой.

Еще примечательнее были новые отношения капитана с некоторыми лицами из команды. Чаще всего устаивался бесед с капитаном унтер-офицер Кашин. Кроме него, капитан заговаривал с Фоминым и — что всего удивительнее — с Сычевым. Однажды я увидел с командного мостика, как Глазов провел в капитанскую каюту матроса Жигова и младшего техника — пожилого человека — Иванова. Они пробыли в капитанском помещении больше четверти часа. Конечно, они могли быть вызваны и по какому-нибудь судовому делу, но у меня появилась уверенность, что капитан осуществляет определенный план, организует свою партию.

В Бергене же случилось еще одно происшествие, которому суждено было сыграть значительную роль во всех последующих событиях.

Мы сидели в кают-компании и лениво беседовали о Норвегии, о Бергене, о фиордах.

Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — спросил капитан.

— Я — Шатов. К вам, господин капитан.

— Что за экстренность? Ну, в чем дело? Заходи!

Шатов переступил высокий полуаршинный порог кают-компаний, снял шапку и, обращаясь к капитану, сказал:

— Кас пришел. На судно просится.

— Какой Кас? — вскинулся Кованько.

Все переглядывались. Капитан смотрел на Шатова с изумлением.

— Генрих Кас, матрос, который погиб, как в Мурманск шли.

— Погиб, а теперь на судно просится? Голова американская, дубина! Кто же там — призрак, тень или человек?

— Генрих Кас, господин капитан. Живой.

Капитан смотрел на боцмана широко открытыми глазами.

— Неужели живой?.. Давай его сюда!

Через минуту Генрих Кас, высокий, худой, с широкими плечами, но плоской грудью, стоял на пороге. За время отсутствия он исхудал еще больше. Его веснушчатое лицо сморщилось, и кости проступали под натянутой желтоватой кожей черепа. Кас был не брит, но борода росла кустиками, больше на щеках, оставляя плешистый подбородок, и потому лицо матроса выглядело открыто и наивно. Глаза, водянисто-голубые, глядели мужественно и спокойно. Если бы не эти глаза, Кас был бы смешон и жалок. Но, встретившись с его немигающим, прямым взглядом, нельзя было не почувствовать в нем крепкого человека.

Он был плохо одет, правый ботинок треснул у мизинца, и для чистенькой, прибранной Норвегии фигура Каса могла служить образцом нищеты и неряшливости.

— Ты где был? — спросил его в упор капитан.

— В Тромсе, в Бергене. В портах работал. Из Гаммерфеста в Тромсе пешком шел. В море упал во время шторма. К берегу приплыл, — близко было. Кричал — вы не слышали. Потом в город пришел... В Гаммерфест.

Он скупо цедил слово за словом сквозь сжатые зубы.

— Чего в первый день не пришел, когда мы пришли?

— Боялся, господин капитан.

— Кого боялся?

— Вас, господин капитан.

— Что ж, я кусаюсь, что ли? Почему ты боялся?

Отвечай.

Кас молчал.

— А здесь что делаешь?

— В порту работал, а теперь работы нет. Голодаю сильно.

— Голодаешь, а к своим идти боишься. Совесть нечиста. Чего же ты хочешь?

— Возьмите на судно.

Голос его звучал глухо.

— Здесь с голоду помру, а ехать куда — денег нету.

— А может быть, к красным хочешь?

Кас молчал.

— Вот что: хочешь, я тебе денег дам на дорогу? На пароход до Киркенеса, оттуда на лодке в Мурманск попадешь.

Кас смотрел в землю.

— Ну, отвечай. За десять долларов доедешь? Жалованье тебе твое дам.

Голос капитана звучал спокойно, словно речь шла о самом обыкновенном предложении. Даже я сам на минуту поверил, что капитан не шутит.

— Хорошо, давайте, — процедил Кас, не поднимая глаз от пола.

Капитан сразу вскочил на ноги. Он впился всеми десятью пальцами в доску от стола. Глаза его сузились и зажглись злобой.

— Ах, так? Так ты к красным хочешь? А на белое судно просишься? Пошел вон! Мигом! — Он застучал кулаком. — Пока я тебя не поколотил.

— Ну, колотить не будешь. Не Россия... Норвегия здесь, — внешне спокойно сказал Кас. Видно было, что это спокойствие дается ему не легко. Он повернулся и, отодвинув оглушенного капитанским криком боцмана, перешагнул порог.

Капитан рванулся к дверям, высунул голову в коридор и продолжал кричать в темноту:

— Сдохнешь, сукин сын, с голоду! Вшивая сволочь! Чухна проклятый! Попадись только мне, — своими руками задушу. Я тебе покажу, как во время шторма в море падать! Я тебя раскусил, паршивая красногвардейщина!

Он долго не мог успокоиться и, сидя на стуле, ругался, обращаясь ко всем нам по очереди.

— Я сделал глупость, конечно. Погорячился. Нужно было взять его и военным властям выдать.

Мы все молчали. Кажется, эта безобразная сцена не понравилась даже Чеховскому.

Берген встретил нас обычным в этих местах мелким, назойливым дождем. С высоких, покрытых черепицей крыш текли струйки мутной воды, лес мачт мелких рыбачьих судов, сгрудившихся на рейде, в самом сердце города, виднелся в тумане. По гладким камням мостовой, по асфальту панелей в мелких лужицах подпрыгивали капли дождя. Горы, нависшие над городом, тонули в молочной, мокрой глубине неба.

Но на другое утро ветер с моря прогнал последнее, низко плывущее облако. Оно поползло в глубь широкого ущелья, в устье которого расположился город.

Зеленые и коричневые крыши поднимались над гаванью. Дальше, вверх по ущелью, белые домики с зелеными оконницами, все в садах и рощах. Веселенькая готическая церковка на вершине холма и

великолепные, покрытые лесом, нависшие над самым городом и подступившие вплотную к морю обрывистые горы.

Фуникулер за двадцать эре мчит нас вверх, на самую вершину горы, и вот уже под нами и город, и море, врезавшееся в сушу глубоким фиордом, и зеленая долина — дно широкого ущелья, и поезд, извивающийся подобно проворному червяку, и тысячи судов, и игрушечные улицы, и нарядные цветущие садики, парки и цветники. Все ярко, все зелено, омыто дождем, обласкано солнцем и напоено покоем нешумной, мирной страны рыбаков и мореходов. Этот поезд, который я вижу внизу, направляется в один из любопытнейших железнодорожных маршрутов: из низкой долины, от берега моря он взберется на вершину Скандинавских гор, в царство вечных снегов и, миновав сто двадцать тоннелей, кружась и карабкаясь по обрыву над прихотливо выющим глубочайшим фиордом, придет в столицу страны — Осло.

Здесь, в Бергене, собираются корабли со всех концов земли. Отсюда норвежский флаг проходит по всем морям — от Южной Америки до Китая и от Японии до Кейптауна и Гавайских островов.

На второй день после нашего приезда город разукрасился национальными флагами. На этот раз Бергену выпала честь принимать у себя очередной всенорвежский слет певцов. В однообразных маленьких шапочках, напоминающих корпорантские головные уборы немецких студентов, певцы сошлись сюда со всей Норвегии. Желавших послушать певцов собралось несколько десятков тысяч. Население города удвоилось. Даже Америка, где живут три миллиона норвежцев (больше, чем в самой Норвегии), выслала сюда своих представителей. В городском театре должно состояться соревнование на почетное звание лучшего певца страны. Пробраться в театр нечего было и думать. Билеты расписаны заранее за два — три месяца, и все подступы к зданию заняты шумной толпой. На всех перекрестках надрываются громкоговорители. Радио раздвинуло стены театра: молодежь и старики-националисты слушают лучших певцов Норвегии, не отходя от ворот своего дома.

Буржуазная Норвегия все еще переживает весну своей политической свободы.

Но вот и Берген позади. За скалами, теперь уже зелеными, часто лесистыми, за гребнями островков, скрылось широкое ущелье, приютившее порт и город. Теплое море приняло нас на ласковые волны-качели и несет судно к берегам Средней Европы.

Кубрики душные, тесные, пропитанные запахом машинного масла и человеческого пота, заброшены. На юте разложены брезенты и сверху натянут тент. Здесь же на кривоногом табурете стоит бак с кипяченой водой. Днем и ночью валяются здесь, свободные от вахты, кочегары и матросы. Желтые, потрескавшиеся пятки глядят из-под брезента. Бронзовые спины и налитые силой и молодостью плечи подставлены прямым лучам солнца. Закоптелые лица кочегаров выглядывают из-под шапок, надвинутых на глаза. В тени под тентом дуют в карты, всё в того же «козла».

Вечером прохлада превращает палубу в место отдыха. Воздух чист. Пальцем проведешь по палубе — ни пылинки. Небо словно вымыто, как надраенная палуба военного судна перед адмиральским смотром, и звезды — как капельки расплавленного голубого серебра, которыми брызнули в синеву.

Я не знаю многого, что происходит в каюте капитана и в кубрике матросов, но я чувствую, как накаляется атмосфера на судне.

Капитан до сих пор не выплатил жалованья команде.

Команда передала ему через боцмана требование уплатить деньги в Бергене. Капитан наотрез отказался, но пообещал, что деньги будут уплачены в Гамбурге. На Гамбург мы взяли в Бергене кое-какой генеральный груз.

Матросы покидали Берген злыми. На корабле, вопреки запрещению, появился спирт в цинковых бидонах, и пьяные матросы и кочегары то и дело ругались, грозили, причем имя капитана не сходило с уст.

Капитан заперся в своей каюте и, казалось, не обращал внимания на шум и пьяные выкрики.

Спирт был выпит в первый же день, и на судне снова стало спокойно.

Был еще такой случай.

Капитан приказал кормить арестованных только сухарями и супом, не давая им ни мяса, ни зелени. Несчастливым грозила цинга.

Андрей вслух на палубе заявил матросам, что они не должны допустить такого издевательства над людьми.

— У меня нет для них денег! — закричал вышедший на шум капитан.

— Мы сами будем их кормить, — заявил Андрей. — Верно, братва?

— Коли он такой бедный, что ж! Мы из своего пайка уделим! — закричали матросы.

Капитан хлопнул дверью и ушел. Кок получил распоряжение выдавать арестованным полный паек.

В тот же вечер ко мне пришел Кованько.

— Николай Львович, когда же кончится это издевательство над людьми? Куда мы их везем? Кому они теперь нужны?

— Не понимаю, Сергей Иванович. Высадить бы их в Норвегии, в первом же порту. Выпустить на волю или сдать властям. Не понимаю капитана.

Мы решили поговорить со старшим.

— Никто их не берет, — заявил Чеховской. — Норвежцы, я знаю, отказались. Они считают себя нейтральными и вмешиваться в это дело не хотят. Предлагают выдать арестантов русским военным властям или союзникам. В Тронгейме портовые власти потребовали улучшения санитарного состояния помещения, в котором находятся арестованные. Вот и всё. Капитан пообещал, но ничего не сделал.

— Куда же мы теперь идем?

— Сейчас в Гамбург. Там получим груз и двинемся дальше.

— Куда?

— И сам не знаю. Куда предпишет контора.

Мы с Кованько вновь поднялись на палубу.

— Николай Львович, а что вы думаете о дальнейшем? Ну, о настроениях команды, о капитане?

— Думаю, что будет драка. Рано или поздно...

— Ну, а мы как?

— Не знаю, дорогой. Видно будет... Что ж сейчас гадать? Не нравится мне все это, но сейчас мы бессильны изменить обстоятельства. Придем в Марсель, можно будет перебраться на другой пароход.

— А вы думаете, — на других пароходах лучше? Очевидно, всюду творится то же самое. Офицеры тянут в одну сторону, команда — в другую.

— Тогда уедем.

— Куда?

— Я в Ревель, к своим.

— А я куда?..

Мне нечего было сказать бедняге. Один во всем мире, он и здесь мотался между кают-компанией и кубриком, не зная, на что решиться.

— А знаете что, Николай Львович, я, если что случится, с матросами пойду. Не могу я стоять за этого прохвоста, рыжего кобеля. Продувная бестия! Всех обжуливает. Я ничего в его торговле не понимаю, но вижу, что он все в свой карман норовит.

К ночи «Св. Анна» уже выходила на международные пути, пересекающие Северное море. Огни судов то и дело вставали из тьмы то за кормой, то впереди, то по борту. Приближались берега Европы.

Утром показался высокий плоский остров-камень — Гельголанд, а днем мы пошли по тихим волнам Эльбы, и к вечеру буксир подвел «Св. Анну» к одной из бесчисленных стенок гамбургского порта.

Когда-то шумный, переполненный кораблями Гамбург затих после войны. Лениво жмурились на солнце слепые, наглухо закрытые бетонные склады. Перед ними неподвижно, как солдаты, выстроились нумерованные подъемные краны.

Только в первом ряду бетонных пристаней сгрудились пароходы под флагами всех наций, начиная от датского креста и кончая желтым восходящим солнцем. Грязные «ферри» бороздили волны, сплошь покрытые тяжелыми кольцами нефтяных пятен. Полицейские катера выходили один за другим в русло реки встречать океанские пароходы. Вот отходит в Америку огромный трехтрубный лайнер. Два оркестра гремят на корме и на носу. На ослепительно белых палубах у бортов выстроились туристы. Зеркальные окна блещут на солнце, черный борт гиганта-купца высится над мелкими судами, и высокие трубы вздымаются в уровень с крышами многоэтажных домов города.

Мы стали у крана за номером сто двадцать третьим, и над нашей кормой навис башнеподобный величественный нос тридцатитысячетонного гиганта. На черном фоне накладным золотом выложены буквы: «Германия». Впереди нас стало голландское судно — неуклюжий купец. Между этими рослыми соседями утонула, стала совсем маленькой наша скромная «Св. Анна».

Капитан не терял времени. Мастер с верфи уже вечером осмотрел машину. Портовый катер тем временем накачивал пресную воду. С барж грузили уголь. Заработал кран. Он поднимал сразу по пяти-шести больших ящиков. Расторопный шипчандлер уже взобрался на борт с корзинами и ящиками, наполненными дешевыми консервами, сигаретами, бумагой, шоколадом и бутылками с коньяком, ромом, виски и спиртом. На только что пришедшем судне — всегда пожива шипчандлеру. Но наши ребята угрюмо ходили мимо соблазнительных корзин. В кармане не было ни гроша, а капитан и не думал выплачивать жалованье. Только кок подошел и закупил для кают-компания шоколад, какао, консервированное молоко и мясные консервы да Глазов унес корзину в каюту капитана. Сморщив нос, набитый до отказа нюхательным табаком, шипчандлер презрительным взглядом окинул судно, велел подручному собирать ящики и корзины и спустился в собственную моторную лодку. Он что-то бормотал себе под нос. «Св. Анна» не внушала ему ни уважения, ни доверия.

Капитан пропадал на берегу два дня. На второй день к вечеру он вернулся пьяный в лоск.

Едва он появился на судне, к нему стеной подступили матросы.

— Когда жалованье, господин капитан?

Капитан раздвигал толпу огромными руками и шел, не отвечая ни слова, вперед к своей каюте.

— Жрать нечего! — выкрикнул кто-то. — Надоели солонина и сухари!

— Что мы, собаки, что ли? — поддержал другой голос.

— Сам коньяк трескаешь, а нам фигу с маслом!

— Наторговал небось?

Кто-то резко свистнул. Шум возростал.

— Молчать, чертовы бунтари! Полицию вызову! — рассвирепел капитан, но тут же обмяк и лениво бросил:

— Завтра плачу, черт бы вас побрал!

— Не заплатишь — не уйдем из Гамбурга! — крикнул ему вслед Андрей.

Капитан еще раз обернулся.

— А ты у меня попляшешь, молодчик, — злобно процедил он сквозь зубы.

Глазов услужливо распахнул перед ним дверь. Шатаясь и держась за стены каюты, капитан ушел к себе.

Возбуждение на судне не стихало, и боцману долго пришлось уговаривать ребят, пока они разбрелись по своим местам.

Плотный шутман в серо-зеленой форме, в лакированном кепи на бритой голове ходил по набережной, не спуская неодобрительного взгляда с беспокойного судна под русским флагом.

На следующее утро капитан съехал на берег, заявив команде, что младший штурман Кованько получил от него деньги для раздачи жалованья.

Действительно, на маленьком столике в кают-компании были разложены ведомости, лежали счета, стояла чернильница в медной оправе с крышкой-куполом, и под рукою Кованько лежало несколько пачек германских кредиток. Команда выстроилась длинным хвостом по коридору и на палубе. Повеселевшие матросы балагурили, смеялись, что потопают сейчас в город за всяким добром, выпьют и заночуют в каком-нибудь кабачке. Но Кованько заявил, что выдает только аванс по 50 марок на брата, — таково распоряжение капитана. Вместо жалованья за 3 месяца полностью какие-то гроши! Поднялся крик. Ругань висела в воздухе. Имя капитана упоминали с проклятьями.

— Какой такой аванс? — кричал один. — Три месяца, сука, ничего не платил и вдруг — аванс!

— Не брать, ребята, ничего! Пусть заткнется своими марками.

— Жаловаться!

— Кому жаловаться-то?

— В контору.

— Поди ты под хвост со своей конторой. Где она, эта контора?

— А кому жаловаться? Немцам?

— Плевать на тебя немцы хотели.

— Вот сволочь рыжая, чертова паскуда!

— Ребята! — кричал Кованько. — Чего дурака валяете? Бери, сколько есть. А потом спорить будете. Что я тут, до вечера сидеть буду?

Отплевываясь и ругаясь последними словами, матросы начали выводить каракули в графе «причитается к выдаче», а Кованько, неловко, слюня пальцы, отсчитывал новенькие бумажки с изображением пожилой толстой женщины в старонемецком наряде.

Получив деньги, большинство матросов повалило в город. К вечеру аванс был пропит в крошечном прокуренном кабачке. Кабачок этот держал расторопный русский эмигрант. Его две дочери — Стеша и Марфинька — пели под гитару заунывные русские романсы — «Утро туманное», «Пара гнедых» и даже «Коробейников» и «Дубинушку». Здесь «пахло русским духом», говорили по-русски, варили борщ и кашу. Матросы русских судов предпочитали незатейливый кабачок чистым немецким пивным, куда, ходят семейными парами небогатые бюргеры, и шумным портовым притонам, где кричат и бранятся матросы на всех языках мира.

К ночи стали прибывать на судно первые партии «трупов».

Товарищи, не столь охмелевшие, складывали их под тентом и в кубриках на койки, подобно бревнам. На другое утро, выспавшись и выпив по бутылке пива на последние гроши, они опять начали требовать денег у капитана.

Капитан как ни в чем не бывало вышел к команде и заявил, что ему уже ранее было известно, куда уйдут деньги — на пропой, и что потому, дескать, он выдал только аванс.

— Сколько вам ни дай здесь, — всё пропнете. Больше в Гамбурге не получите ни пфеннига!.. Подождите, подождите! — поднял он руку, чтобы прекратить поднявшийся шум. — Я обещаю выдать вам деньги в море за день до входа в гавань... В первый французский порт. Сегодня ночью мы уходим, и вам здесь деньги больше не нужны. Зато, когда вы попадете в Марсель, у вас будут сбережения. Там вы, может быть, захотите покинуть судно или перейти на другое. Мало ли что может случиться? А растратжирить всегда успеете. Вот и все.

Он повернулся и ушел.

Шум голосов утих не сразу, но возбуждение спало.

Все дни, пока мы стояли в Гамбурге, производилась погрузка генерального груза на «Св. Анну». Ящиками и свертками был заполнен весь свободный твиндек; кроме того, большие ящики с частями машин заняли добрую половину верхней палубы. Днем я и Кованько съездили в город за покупками, посидели в плавучем кафе на роскошном «Альстере». По поверхности огромного бассейна взад и вперед, круто заворачивая у гранитных берегов, носились крошечные двухместные яхточки, по эспланадам вереницей неслись блестящие автомобили. Вечером, когда первые огни зажглись над водой, мы покинули кафе и вернулись на судно. Через час мы уже двинулись по волнам Эльбы на буксире у крошечного, но мощного пароходика.

Ночью прошел мимо Гельголандский маяк, и медленно, экономическим ходом, пошли мы по одной из оживленнейших морских дорог — из Гамбурга и Кильского канала к берегам Англии, Голландии и Франции. Впереди, позади и с боков дымили трубы других пароходов. Колыхались на волнах большие парусники. Чем ближе к Ла-Маншу, тем гуще клубились туманы. Море вспухло тяжелыми перекатывающимися волнами, пароходы закивали носом и едва волочили по волнам тяжелую, низко сидящую корму.

Поздней ночью вызвал меня на палубу из кают-компании Кованько.

— Николай Львович, а нам тоже платить не будут? Что ж, нам деньги не нужны?

— Не знаю, что и думать, Сергей Иванович! — ответил я. — Раньше я как-то спокойно смотрел на все это. Думал — пусть копится. Но сейчас мне это не нравится. Будь у меня деньги, я, может быть, из Гамбурга или из Марселя поехал бы в Ревель. Ну, а без гроша в кармане куда же денешься?

— Черт знает что такое! — возмущался Кованько. — Сам делает, что хочет. Никому ничего не говорит. И потом, знаете что? Меня очень удивила одна вещь.

— Какая вещь?

— Вы обратили внимание на адреса нашего груза?

— Нет.

— Пойдемте, я вам покажу кое-что любопытное. Пойдемте, не ленитесь. — Он тянул меня за рукав.

— Да иду, иду, что вы теребите мою куртку? — смеясь, говорил я взволнованному юноше.

Мы прошли на бак. Здесь хитрыми морскими узлами были привязаны к обухам и рамам громоздкие ящики с машинными частями. Кованько подвел меня к одному из них, приподнял брезент и показал на ряд мелких черных букв на неотесанной доске ящика. Я прочитал:

«Valparaiso».

«Так, так, — подумал я. — Вальпараисо. Значит, Чили, Южная Америка!»

На другом ящике, рядом с названием фирмы, стояло:

«Montevideo».

Дальше на ящике — еще раз «Вальпараисо».

— Поняли? — спросил Кованько.

— А кто принимал груз? — ответил я вопросом.

— Старший.

— Значит, он знал, куда идет груз? Он ведь записывал адреса в судовую книгу.

— Значит, знал.

— А нам ни слова?

Кованько подошел ко мне вплотную и взял меня за руку.

— Николай Львович, дорогой. Эти сволочи делают с нами, что хотят. У меня к ним не осталось никакого доверия. Вообще, после бегства Миллера, этого предательства, этого постыдного бегства штаба, бросающего на произвол судьбы фронт, я уже ничему не верю. Ну, может быть, один предатель, один случайный изменник, но когда все таковы, этот лагерь надо бросить.

— Давно пора! — прозвучал около нас уверенный, с горячими нотками, голос.

Мы вздрогнули, но удивление наше мгновенно рассеялось, — это был Андрей.

— Давно пора, говорю я вам, Николай Львович. Я еще до Архангельска говорил вам. Капитан наш прохвост. Но скажите, товарищи, что вы здесь такое вычитали?

Слово «товарищ» я слышал впервые за два года. Это запретное слово всюду, где хозяйничала белая власть, говорили только на ухо, оглядываясь. Для «товарища» место было в тюрьме, на Иоканке.

Мы рассказали Андрею об американских адресах наших грузов.

— Тю-тю-тю! — засвистал Андрей. — Вот что! Это крепче, чем я сам думал. Это мне невдомек. Я думал, ближе. Вот черт атлантический, вот холера рыжая! Ну, мы его на этом поймаем. В Америку? А жалованье перед первым французским портом обещал, сукин сын! Жди этого французского порта до второго пришествия. Ну, посмотрим, что он запоем, когда мы в Бискайю попадем. Скотина!

— Дда, нехорошо! — вырвалось у меня против воли.

Я уже давно чувствовал, что капитан что-то затевает, но что именно, я не знал и ждал развития событий. Груз, адресованный в Америку, сбил меня с толку. Поездка через Атлантический океан мне не улыбалась, а тем более в Вальпараисо, гавань на Тихом океане.

— Странно! Уж не в Сибирь ли он пробирается? — подумал я вслух.

— Эх, Николай Львович! — с досадой подхватил Андрей. — Все-то вам странно. Все-то вы раздумываете.

Вам хоть на голову сядь, а вы все будете думать: а может, это не всерьез? Ничего нет странного. Дурачит нас капитан. Всех — и вас, и нас. А вы все хотите знать, что он думает, каким манером полагает вас за нос провести. Надо действовать. Опытный вы человек, а словно невдомек вам, что в Сибири теперь красные, а если уж к красным идти, так в Питер ближе. Незачем по океанам кружить. А грузы из Гамбурга в Южную Америку можно и без перегрузки послать. Из Гамбурга хоть на луну — без пересадки... Чего тут думать?

Конечно, Андрей был прав. Его практический ум не блуждал между трех сосен. Но я все еще не мог поверить тому, что капитан — человек с положением, образованный, благородный — на деле самый обыкновенный мошенник.

— Я вам скажу, — продолжал Андрей, — в чем дело. Капитану «Святая Анна» улыбается. Хочет он ее у компании сцапать. Заведет судно в Америку, нас разгонит, пароход продаст, а денежки себе в карман. Попомните мое слово, Николай Львович!

— Ну, ты нагородил, Андрей, — вмешался Кованько. — Как это так — денежки в карман? Компания не допустит. Что «Святая Анна» — щепка, что ли, да еще с командой? Ерунда!

— А я вам говорю, — не ерунда. Иначе, чего ему хлопотать? Хочет рыжий черт на революции капитал нажить.

— Но как же это сделать? Голова твоя с мозгами? — горячился Кованько.

— Как, не знаю. Вот будем шляпами сидеть, так нас научат, как это делается.

Сам я не знал, что и думать. Мысль Андрея не показалась мне нелепой. Во всяком случае, если это так, если принять на веру, что капитан покушается на «Св. Анну», то тогда легко объяснить все его поведение. Про себя я твердо решил переговорить с капитаном и предложил Кованько переговорить вместе. Кованько согласился без колебаний.

— Нельзя дольше держать команду в темноте. Хватит! Так можно черт знает до чего доиграться.

— Поговорите, поговорите! — сказал Андрей, хитро улыбаясь.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Глава шестая

Поздним утром в легком тумане прошли мимо маяки, сторожившие пути на Зюдерзее и Амстердам, а затем на севере показались обрывистые меловые берега Англии.

Блеснуло на минуту солнце, и Дувр, маленький, как игрушка, с белыми домиками и с разбросанными по берегу коттеджами, показался в просвете тумана. Кале дремало на противоположном берегу, невидимое за густой серой завесой. Но вот с юга нахлынули новые облака, и молочно-белый мокрый туман пополз на английский берег и скрыл его с глаз.

У острова Уайта туман несколько разрядился, но Английский канал, этот шумный морской тракт, оказался тихим и пустынным. Не слышно пронзительных морских сирен. Лишь небольшой почтовый пароход перед самым носом «Св. Анны» пересек канал, направляясь, по-видимому, в Шербур.

Барометр резко падал.

— Что это так пустынно? — спросил меня Кованько. — Ведь обыкновенно тут каша из судов. Неужели из-за тумана?

— Разумеется, нет, — ответил я. — Я думаю, что во всех портах выброшены сейчас штормовые сигналы. Вот все и попрятались.

— А кто это дымит позади?

Я посмотрел в бинокль. Какой-то большой пароход, быстро нагоняя нас, шел на запад.

— Слушайте, Николай Львович. Если в океане сейчас шторм, так неужели мы не зайдем в Плимут или Саутгемптон?

— Саутгемптон мы уже оставили позади. Обычно, если в Атлантике буря, суда отстаиваются в Плимуте. Ведь Бискайя не шутит. Сунься туда в шторм, — пожалуй, покормишь рыб. Но что думает наш капитан, не знаю.

Мы зашли вместе с Кованько в рубку радиотелеграфиста.

— Ну что, Николай Андреевич, о чем воздух кричит?

— Буря, Николай Львович! — ответил радиотелеграфист, поворачивая к нам голову в шлеме с наушниками. — Да вы, наверное, и сами об этом догадались.

— А что, большая буря?

— Карнарвон всю ночь передает по всему западному побережью о приближающемся шторме. И французы кричат.

— А мы кому-нибудь что-нибудь передавали?

— Простите, Николай Львович. Капитан строжайше приказал никому ничего не передавать из его телеграмм. Я бы и рад, да знаете... — Он развел руками, виновато улыбнулся и углубился в чтение телеграмм.

— Вот дьявол! — обозлился Кованько. — Третирует нас, как мальчишек. На военном судне и то нет таких порядков. Там офицеры знают, куда идут и где опасность.

Тем временем ветер усилился, разогнав редкие туманные облака. Перед нами пенились волны Английского канала. «Св. Анну» сильно покачивало. Начал накрапывать мелкий дождь. Позади наседали черные трехтрубный гигант.

— Вот этому хоть бы что, — сказал Кованько. — Прет в океан и плюет на Бискайку с ее бурями.

Я навел бинокль на идущий мимо лайнер. Высокий корпус морского гиганта был выкрашен в черную краску, а кольца палуб над корпусом, похожие на пчелиные соты — в белую. Грузное судно покачивалось на волнах; на палубе было пусто. Обтянутые серыми парусиновыми чехлами, вытянулись в две линии спасательные шлюпки. Трубы были слегка наклонены назад. Бесчисленные ряды иллюминаторов на черном борту и на белом фоне палуб тускло блестели. Казалось, огромная стена многоэтажного дома плывет по взволнованному морю. На носу можно было прочесть в бинокль выведенное крупными белыми буквами слово «Америка».

Работая могучими, невидимыми винтами, лайнер прошел мимо, быстро обгоняя «Св. Анну». Чтобы полюбоваться на гордый ход морского гиганта, на палубу высыпала чуть ли не вся команда нашего парохода. Даже кок покинул камбуз, и вахтенный механик Гвоздев, высокий, словно высохший, мужчина, лет тридцати, подошел к борту, вытирая вспотевшее в накаленной атмосфере кочегарки лицо. Но на палубе гиганта было по-прежнему пустынно. Никто не обратил внимания на небольшое суденышко под российским флагом. Только на юте в одном из этажей кормовой пристройки открылась дверь на легкий круговой балкончик, и оттуда выглянул кок в белой плоской кокетливой шапочке. Наш кок замахал ему полотенцем. Американец повернулся и скрылся за дверью.

Ветер крепчал. Он то наносил новые волны густого тумана, то разрывал в клочья белесоватые, нависшие от капельной тяжести над самым морем облака. Но где-то наверху все так же прочно сгустилась облачная завеса и, кроме серой убегающей дали, тяжелого неба и темных, бурно перекатывающихся волн, ничего не было видно.

Английский канал превратился в пустыню.

Но нет. Вот впереди загудела, завывала сирена. Сирена «Св. Анны» ответила пронзительным гулом. Затем другая, третья... Раздирающий вой понесся над волнами.

Серый низкий корпус с тяжелыми массивами пушечных башен показался впереди по левому борту. Шторм свирепым порывом сорвал пелену тумана с косматых волн, и перед нами выросла небольшая эскадра военных судов. Впереди — дредноут, дальше, в кильватерной колонне, четыре крупных эскадренных миноносца и транспорт. Кованько, стоявший на вахте, свистнул, и вахтенный матрос помчался на ют, чтобы приспустить флаг в знак приветствия. Купец, по традиции, первый козыряет военному судну. Почти одновременно цветистый флаг на гафеле адмиральского судна поплыл книзу, затем вновь поднялся на свое место.

Международная вежливость была соблюдена.

К вечеру мы вступили в самое широкое место канала, все время придерживаясь английского берега.

Похоже было на то, что мы идем в Плимут.

Волны разгулялись вовсю. Матросы крепко задраили люки, пересмотрели двойные железные шипы, стягивавшие брезенты на люках трюмов. Убрали с палубы все лишние предметы. Проверили крепления якорей, палубного груза, шлюпок и стрел.

Сычев накрепко затягивал замысловатые морские узлы на тросах, которыми были привязаны на палубе не поместившиеся в трюме ящики, поглядывая на них с тоской: все равно-де, если будет буря, гулять вам по морю!

Приближалась Бискайя — бурное море, о котором сложено столько легенд. Бискайя — гроза моряков, коварное море, где от берегов Лякоруньи до острова Ушант волны поднимаются, как горы, даже тогда, когда нет ветра и небо тихо и приветливо. Волны Бискайи — это эхо всех бурь, какие прошли из конца в конец по Атлантике. Прибежит вал из просторов океана, ударит в треугольник берегов Испании и Бретании и отоляется вновь в глубину залива. Здесь сшибаются в неистовой бессильной злобе, с последней утихающей и уже сокрушенной силой, все волны Атлантики — и не понять, откуда и куда идут они, но треплют они корабль не величественной килевой качкой, а «болтовней», изнуряющей и противной.

А когда мчится буря над самой Бискайей, тогда корабли здесь гибнут пачками, и Плимут, Брест, Бордо, Лиссабон и Гибралтар составляют синодики ожидавшихся, но не пришедших кораблей.

Ветер спрятал в тучах английский берег. Маяки отступили на север и перестали мигать. Ветер показывал 10 баллов. Палубу омывала теперь высокая океанская волна. По ровному накату убранной палубы — от носа к корме — перекатывались волны озверевшего моря. Они разбивались о люки, о мачту,

о спардек, о борта, шумным потоком бежали по ватервейсам. Порой казалось, что по морю идут только труба да верхушки мачт. Матросы, несмотря на многолетний опыт, опасливо пробегали по палубе, держась за штормовые леера ближе к середине корабля. Нельзя было подняться по трапу на мостик, не рискуя упасть в море, и без нужды никто не выходил из кубриков на палубу. Я пошел на вахту, закутавшись в подбитый фланелью теплый непромокаемый плащ. Забившись в самый угол, я думал про себя: какого черта несет капитана в Бискайю, когда еще час назад можно было зайти в английский или французский порт?

В полночь капитан поднялся на мостик и отдал приказ идти на SSW. Я понял, что курс взят на крайнюю западную точку французского побережья — остров Ушант.

Итак, значит, в Бискайю!

К концу вахты на мостик с большим трудом взошли две плотно закутанные фигуры.

— Кто здесь? — спросил я невольно.

— Мы с Загурняком, Николай Львович.

Я узнал голос Андрея.

— А что такое? Чего не спите?

— А вот не верит этот самый тюлень, Николай Львович.

— Во что не верит?

— А вот скажите: какой маяк это там мигает?

Я посмотрел вперед по борту. Едва заметной точкой вспыхивал в ночи крошечный огонек.

— Ушант, я думаю.

— Я ж тебе говорил, дурила! Ушан, а ты не верил. Пойдем в кубрик!

И оба удалились.

Я понял, что в матросском кубрике идет словесный бой. Андрей, неугомонный агитатор, все хочет склонить матросскую братву на выступление против капитана. Он доказывает, что мы идем в Америку, но ему не верят.

Маяк острова Уэссан прошел мимо нас в трех — четырех милях; я сдал вахту и отправился спать.

Но отдохнуть не удалось.

Едва я задремал, как снова проснулся. Удары волн в борта усилились и стали походить на выстрелы из пушек. Судно трепало и бросало во все стороны. Мой маленький будильник, уже однажды пострадавший во время шторма, упал мне на голову. На полу валялись карточки и книги. Их не удержали высокие бортики стола, поднятые по случаю качки.

Было ясно, что мы попали в ураган.

Одевшись, я попытался выйти на палубу.

Но это оказалось делом не легким. Двери прохода под спардеком, куда выходила моя каюта, были сорваны, и по всему коридору бушевала залетевшая с бака волна. Она, как таран, мягкий, извивающийся, но упругий, била в другую дверь, которая вела на ют. Два матроса пытались исправить поломку, но безуспешно.

Я сразу попал в воду. Волна обдала меня до пояса, но я все же решил выйти на ют. Однако и здесь открыть дверь удалось не сразу. Перевалившаяся через борт волна многопудовой тяжестью придавила дверь, и только тогда, когда ют пошел кверху, дверь открылась. Я вышел на палубу, но волна ветра сейчас же с несокрушимой силой приковала меня к переборке спардека. Только вливаясь руками в леера и поручни трапа, останавливаясь каждую минуту, чтобы отдохнуть от напряженных усилий, я медленно, но упорно продвигался к мостику.

Когда я очутился наверху под прикрытием рулевой будки, передо мной предстала знакомая картина вконец разбушевавшегося моря. Кругом танцевали, ходили, нарастали и опрокидывались покрытые облаками пены, широко разбежавшиеся и поднимавшиеся к самому небу волны. Нос судна то глубоко зарывался в борта этих волн, то взлетал над черной пропастью, дна которой не было видно. Гребень волны скатывался на палубу судна, грохотал и лязгал железом, перекачивался через спардек и рассыпался на юте, сбегая в разные стороны каскадами пенной воды. Иногда сбоку подбиралась высокая, неожиданно набухающая волна. Тогда черная труба парохода, словно рука утопающего, высывалась из волн, наклонялась и казалось, судно вот-вот перевернется. Рулевой озверело крутил штурвал. Буря рвала и свирепствовала, не давала вздохнуть ни на секунду ни рулевому, ни вахтенному. Низкое зловещее небо дымилось. Клубилось и набухало горами пены море, и казалось, нет конца, нет края этой взбунтовавшейся стихии и никогда не кончится этот ад, никогда не уйти из этого круга бури, никогда и нигде больше не будет покоя, ясного неба, спокойной воды.

Это чувство знакомо только моряку. В эти часы самые крепкие морские волки клянут море, дают зарок не возвращаться больше в океан. Несбыточным сном кажутся уютный дом на суше и тихая, некачающаяся постель.

Гляжу на новый вал, встающий перед носом «Св. Анны». Он выше шестиэтажного дома. Его бока лоснятся, гребень бурлит. Приближаясь, он растет с угрожающей быстротой. Нос судна кажется перед ним жалкой игрушкой. Он упадет на палубу и сокрушит эти жалкие хрупкие доски, эти тонкие борта...

Вал прогрохотал, перекатился, рассыпался и ушел. Но за ним встает другой, еще выше. Может быть, это девятый? Но за девятым встанет новая волна, ему на смену, и так без конца. Часы идут, минуты, секунды тонут в напряженном ожидании исхода, но исхода нет. Кажется всем нам на судне, что его и не будет... Разве гибель...

Мозг соображает. Выдержит машина — будем целы, нет — погибнем. И в памяти встает вечное ворчанье старшего механика, который все говорит, что «машина дышит на ладан». Старший механик кажется теперь мудрейшим человеком.

Буря разорвала связь между отдельными частями парохода. Нужны нечеловеческие усилия, незаурядная смелость, чтобы пройти на бак или из машинного кубрика пробраться на шканцы. Кочегары идут в машинное отделение на вахту, ежеминутно хватаясь за леера, когда вал налетает на палубу, стараясь проскочить, когда отхлынет обратно в море пенный поток. Кок прекратил варку пищи, — камбуз так летает, что не держатся на плите сковороды, нельзя развести огонь. Хлеб и консервы заменили горячую пищу.

На мостике качает меньше, — здесь ближе к середине корабля. Но ветер проносится здесь с такой силой, что нельзя выставить лицо навстречу воздушной волне. Сырой воздух хлещет, бьет, сечет, словно чья-то широко размахнувшаяся рука. Водяные брызги залетают сюда каждый раз, когда встает и разбивается особенно высокая волна. Только в самой рубке у руля, под защитой стекла и стен, можно кое-как работать. Сюда с начала бури забрался капитан и не уходит вниз. Всякий, кто попадает сюда, предпочитает остаться на мостике, как ни тяжело коротать часы на ногах. Пугает обратный путь по трапу, по палубе, под ударами волн, под диким напором свистящего ветра.

К вечеру буря еще усилилась. Стонало, дрожало, летая с волны на волну, судно. О курсе, о том, куда мы идем, никто больше не думал. Не все ли равно?! Главное, нужно было держаться против волны. Пока руль в порядке и машина в действии, можно надеяться, что корабль устоит. Станет машина, ослабнет действие руля — и корабль, став бортом к многосажженной волне, перевернется и погибнет. Но машина пока работает без перебоев. Ветер все время с юга, и, следовательно, идя навстречу ему, мы продвигаемся куда-то в океан, но, куда именно, никто не знает, да и всем было не до этого. Глазов с большим трудом принес капитану термос с горячим кофе и коньяком, налитый еще вчера. Капитан так к не спустился вниз до ночи.

В мою каюту хлынула гулявшая по коридору волна, залила пол, замочила койку. Неприятно было вспомнить о разгромленной, неуютной, крошечной каморке. Волна забралась и в каюту старшего, и в помещение механиков. Кованько, который занимал каюту в другом, параллельно идущем коридоре, рядом с помещением арестованных и караула, избег этой участи.

Буря, не ослабевая, продолжалась и на другой день. Море несло вдоль бортов, изрытое и взволнованное, низкие облака наклонялись к вершинам волн, все вокруг нас неистовствовало и бушевало, а мы жалкой щепкой носились по волнам и ждали гибели.

Барометр падал.

Еще день и еще ночь бушевала буря.

На четвертый день сломалась грот-мачта. Она с треском рухнула на командный мостик, ударила в крышу спардека и накренилась за борт. Вахтенные топорами обрубили ванты и бакштаги, и длинное крашеное бревно сорвалось за борт и мгновенно исчезло из виду. К вечеру ударом волны сорвало шлюпку. Дверь в коридор, починенная плотниками, опять была сорвана с петель и выброшена за борт. Теперь все каюты, выходившие в этот коридор, в том числе и моя, окончательно стали необитаемыми. Зная по опыту, что самое спокойное место на корабле в бурю — это машинное отделение, я взял одеяло и подушку и отправился вниз.

Сюда еще не залетала волна. Здесь на решетках над машиной уже приютилось несколько человек. Здесь меньше качало, и стук машины, огромного медного чудовища, методически перебиравшего поршнями и коленами валов, позволял на время забыть о свирепствовавшем наверху урагане. Шум машины заглушал вой, свист и визг воздушных струй, игравших, как на струнах, на тугих тросах и задувавших во все щели и углубления.

Идя на вахту и покидая теплый угол, люди прощались с соседями. Перейти каких-нибудь тридцать метров от кормы на бак было труднее, чем перейти вброд разлившуюся горную реку.

Поднявшись на мостик, штурманы и рулевые не уходили до тех пор, пока рубка не набивалась людьми до отказа, и капитан кричал, стараясь заглушить вой бури:

— Какого черта собрались все? Видите, — места нет. Идите в каюты.

— В каюты, — ворчал Кованько, — попробуйте-ка!

— Ну, куда угодно, хоть к черту в ад.

— Уже, кажется, приехали, — попробовал шутить старший.

А барометр все не поднимался. Буря, казалось, еще усиливалась, а люди и судно уже изнемогали в борьбе.

На шестой день залило и каюту Кованько. Очевидно, мачта, падая, повредила спардек и пробила щель в подволоке каюты. С одеялом и подушкой в руках Кованько стоял рядом со мной. Пострадал и машинный кубрик. Волна разбила выходную дверь и залила койки и пол, — кочегары и механики перебрались на решетки. На палубе теперь свободно гуляли волны; небо и море слились в один беснующийся клубок. Это было так страшно, что людей обуял ужас. Кок сидел на решетке в углу и выл, ворочая остекляненными глазами. На просьбы, крики и ругательства соседей он отвечал еще более жалобным воем. Фомин молился, стуча грязным лбом о железо решетки. Матросы лежали, уткнув в подушки желтые лица. Ни сухарей, ни консервов никто не ел. Никто больше не играл в карты, никто не шутил, не острил. И если в первые дни шторма многие еще храбрились, вспоминая пережитые бури, то на шестой день уже никто ни одним словом не заикнулся об урагане, как будто самое имя грозного чудовища было «табу».

Но буря не окончилась и на седьмой день. Она унесла еще одну шлюпку. Она, словно шутя, слизнула один из больших ящиков на баке. Она сорвала с петель вторую дверь в коридоре, и теперь волна гуляла под спардеком, перекачиваясь без задержки с бака на ют, а на восьмой день Оська Слепнев, матрос второй категории, «сказочник», был снесен волной за борт на глазах у товарищей, когда он нес консервы из кладовой в машинное отделение. Волна сбила его с ног, но он не бросил ношу и не схватился за леера. Волна вспухла на палубе высоко поднявшимся валом и швырнула Оську за борт.

Никто не кричал «человек за бортом!», никто не бросился к шлюпкам, никто не завопил «полундра!» Человек погибал, а товарищи его угрюмо лежали на койках. Люди были бессильны ему помочь.

Матросский кубрик еще держался. Высокие борта на баке защищали его от волн. Волны перелетали через него, падая тяжелыми грузами воды на доски палубы, и бешено неслись к спардеку. Но зато из кубрика нельзя было выйти на палубу. Если вышедший не успевал между двумя наскоками моря добежать до спардека, волна обрушивалась на него и сбивала с ног. Трудно было не очутиться за бортом, когда по всему судну шел бешеным галопом темный, крутящийся вал.

Мало-помалу матросы также перекочевали в машинное. Отсюда коридором ходили на мостик на вахту, отсюда по очереди шли в кладовую за сухарями. Здесь, на решетках, кают-компания смешалась с кубриком.

Капитан не сходил с мостика. Он спал в углу, опустившись на пол, сидя, так как лечь было негде, пил коньяк из фляжки и кричал то на рулевого, то на Глазова.

Однажды, когда я стоял на вахте, я увидел Андрея. Он пробирался в матросский кубрик. Он падал на колени, прижимаясь к леерам, когда налетал очередной, вставший из моря вал; поднимался и бежал тяжелыми, неуклюжими шагами, когда нос вздымался над водяной ямой. Ветер рвал на нем одежду. Андрей задыхался. Вот он почти добежал до кубрика, но здесь его встретила новая волна. Андрей упал перед входом, держась обеими руками за высокий порог. На мгновение вода скрыла его из виду, но потом он вновь поднялся на ноги и исчез в проходе, ведущем вниз. Под мышкой он держал небольшой сверток. Я уже раньше заметил, что такие рискованные походы он затевал почти каждый день. Но теперь за Андреем следил и капитан. Его маленькие, заплывшие глаза загорелись.

— Куда это его носит? Ведь там никого нет, — пробормотал он почти про себя. — Свалится в море, подлец.

— А вам жалко? — буркнул старший.

— Не жалко, а любопытно, зачем он это делает. Эй ты, — крикнул он вахтенному матросу, который сидел на мостике, забившись в угол и закрываясь от ветра бортами. — Зови боцмана!

Через четверть часа на мостике появился мокрый, взъерошенный Шатов.

— Шатов, сходи в матросский кубрик и доложи мне точно, кто там есть и что делает Быстров. Живо!

— Есть, капитан!

Опять наблюдаю я борьбу человека с волной. Опытный моряк, выдавший даже и не такие бури, как этот дикий ураган, Шатов ловко скользит по подветренной стороне судна. Он встречает волну с наклоненной вперед головой, стоя боком и держась железной хваткой за леера. Одна волна пронеслась над ним, вылилась за борт, — и вот он уже в кубрике. Обратно он скатывается по палубе сидя, как на салазках, и спешит на мостик.

— Ну что?

— Виноват, господин капитан!

— В чем дело?

— Виноват, не доглядел.

— Да в чем дело? Что там такое? Говори, голова бестолковая!

— Там Кас.

— Что? Какой Кас? Наш матрос?

— Он самый.

— Ах, сукин сын! Это Быстров его пристроил. И все, сволочи, молчали. Так этот бунтовщик здесь? Да я его за борт вышвырну.

Капитан даже выскочил из рубки. Но он не рассчитал, — по баку шла высокая серо-зеленая волна, и порыв ветра, кружившийся над белым гребнем, швырнул капитана обратно. Соленые брызги обдали сухой капитанский плащ с ног до головы.

— Ну, ладно! — проскрипел он, сжимая зубы. — А ты, Шатов, скажи Быстрову и Касу, что на первой земле — будь то хоть Святая Елена — обоих вон с судна. И пусть еще благодарят, что не выдал военным властям.

Он опять сел на пол в углу рубки и, подняв воротник, засопел и стал приманиваться, чтобы заснуть.

Боцман в точности передал слова капитана Андрею, и в этот вечер в машинном отделении впервые на некоторое время забыли о буре и говорили только о судьбе Каса и Андрея. Но судно так трещало и звенело под ударами волн, так неистово размахивалось море, швыряя наш корабль с гребня на гребень, что никто ни о чем всерьез не думал, кроме как об опасности.

Ураган бушевал еще целых три дня. Люди лежали пластом, изредка бродили, как тени. Исчезли последние признаки аппетита. Только у машины и на мостике в вахтенные часы пробуждались некоторые проблески энергии. Но, отработав положенное, матросы и кочегары опять валились на чугунный пол, где спали все вповалку, подостлав кое-какую одежду, и затихали. Во сне стонали, бредили, кричали. Но никто не обращал внимания на чужие всхлипывания и задущенные крики. Лица матросов обросли бородами. Немытые, нечесанные, в грязном белье, люди походили на обитателей заброшенной ночлежки. Но на вахту шли безропотно. Знали, что исправность машины и руля — это последняя надежда, с которой никак нельзя было расстаться.

На одиннадцатый день в дальнем углу машинного раздался выстрел. Это было так неожиданно, что все мы подняли головы. В самом углу, с воспаленными глазами, с обгорелыми, растрескавшимися губами, сидел матрос Вороненко. Он держал в руке маленький браунинг, купленный еще в Гамбурге. По виску текла кровь. Лежавший рядом с ним Сычев, не поднимаясь, одним рывком руки отнял у него блестящую игрушку. Тогда Вороненко упал головой на голую закопченную решетку и скорбно, тоненьким голоском, по-собачьи завыл. Бедняга хотел застрелиться, но только оцарапал себе висок.

На двенадцатый день сошел с ума судовой кочегар, молодой парень Фома Юшков. Его пришлось связать и уложить на полу, тут же в машинном.

В этот день судно, как бешеное, плясало по волнам. Оно ложилось на бок, так что мы то и дело катились друг на друга, вздымалось носом вверх, ныряло в глубину, и море гигантскими тяжелыми тряпками хлестало по бортам и по палубе «Св. Анны».

Но этот неистовый день был последним днем бури...

Глава седьмая

На двенадцатую ночь ушла на восток последняя косматая низкая туча и на западе сверкнули чистые бриллианты звезд. Ветер утих. Море все еще волновалось, высоко поднимая белые гребни, но уже не было страсти в этом волнении. Судно по-прежнему летало с горы на гору по словно отлитым из темной стали бортам волн, но теперь уже казалось, что это добродушные водяные великаны ласково играют судном, перебрасывая его с одной мохнатой пенной ладони на другую.

Машина и руль выдержали.

На следующий день утром край тучи растаял. Солнце блеснуло лучами, в которых было так много чистого серебра, и люди, встречая первый приветливый рассвет, выползали на палубу. Здесь царил беспорядок. Осколок мачты, подобно гигантскому рыбьему зубу, торчал посреди палубы. Леера во многих местах были погнуты, на стенках спардека налипла грязь. Двери в одном из коридоров под шканцами были снесены, и ржавые петли, с остатками дерева, торчали на виду. Не ожидая команды, матросы принялись за уборку судна. Казалось, они еще не верили в спасение, и в работе, в ударах топора и взмахах швабры и кисти искали подтверждения того, что буря миновала и настали дни, когда море больше не грозит гибелью судну и ясное небо сулит спокойный путь под жарким солнцем, под ночными кормчими звездами.

В полдень капитан вышел из своей каюты с секстантом. Он широко, по-морски расставил толстые ноги и начал ловить солнце. Проделав все необходимые вычисления, он буркнул собравшимся вокруг него:

— Двадцать два градуса и семь минут северной широты, двадцать семь градусов и девять минут западной долготы.

«Так, — соображал я. — Значит, мы чуть ли не в центре Атлантики. Это черт знает как далеко от Европы. Ведь это где-то за Мадейрой. Так. Дней пять — шесть пути до Гибралтара. Хватит ли угля?»

Капитан отправился прокладывать курс корабля по карте, а я пошел к угольным ямам. За двенадцать дней бури мы сожгли очень много угля, несмотря на то, что поддерживали тихий ход — лишь бы держаться против волны. На глаз у нас оставалось угля еще дня на три. Сейчас же мы были в шести днях от Европы, в семи — восьми от Рио-де-Жанейро и Пара. Куда-то пойдет теперь «Св. Анна»?

Я вышел на палубу в момент, когда за кормой обозначилась широкая, кривая дорога.

«Поворачиваем, — подумал я.

Солнце стояло высоко, почти в зените, но все же не трудно было заметить, что мы идем на юг, может быть, на юго-восток.

Значит, — в Америку? Что-то будет?

События не заставили себя ждать.

Матросы, стоявшие на палубе, тоже смотрели на солнце, заслоняя глаза рукой и бросив на время топоры, швабры, брандспойты. Затем они стали собираться в группы и сначала шепотом, а потом и громче, обсуждали смысл поворота на юг. Все понимали, что идти надо на север, в какую-нибудь ближайшую европейскую гавань, чтобы чиниться, грузить уголь и идти в Марсель, где хозяева, где можно сообразить, что делать дальше.

Я прошел на ют.

Здесь было пустынно, но через несколько минут показался Кованько. Он быстро подошел ко мне, взял меня под руку и стал взволнованно говорить:

— Николай Львович, матросы возбуждены. Теперь подымается такая буча, что влетит и правому и виноватому. Буря помешала нам говорить с капитаном. Надо это сделать теперь. Надо заставить рыжего черта бросить свои фокусы и идти в Европу. Пойдем сейчас! — Он потащил меня к шканцам, не спрашивая даже ответа.

Я молча двинулся за ним.

Уже под спардеком, подходя к другому концу коридора, мы слышали густую ругань и гул матросских голосов.

Кованько распахнул дверь на бак, и перед нами встали несколько фигур с лицами, устремленными куда-то вверх, и с поднятыми в возбуждении руками.

Кованько выставил голову наружу, но сейчас же отпрянул назад.

— Кажется, опоздали мы с вами, Николай Львович, — сказал он не то с досадой, не то с иронией. — Полюбуйтесь!

Почему-то порог показался мне неприступным, неодолимым препятствием, и я только выставил голову наружу.

На палубе, у передней мачты, столпились матросы. Впереди стоял Андрей. Он что-то кричал наверх, туда, где на командном мостике должны были находиться капитан и несший вахту старший помощник. Я заметил, что здесь собрались почти все матросы и кочегары «Св. Анны». Задние напирали на передних, обнимая широкие плечи товарищей крепкими закорюзлыми, потрескавшимися руками. Глаза смотрели в одну точку. Никто не курил. Это свидетельствовало о высшей степени возбуждения. Но вокруг Андрея сгрудилась только часть команды. Одинокие фигуры стояли в стороне, опершись на леера, другие сидели на скамейке под колоколом или на обтянутых брезентами выходах из трюмов.

Юнга Васильев, мальчишка лет шестнадцати, взобрался на ванты, продел ноги сквозь веревочные ступени и колыхался, как птица, высоко над палубой, в такт покачиванию корабля.

Вся эта толпа притихла, и только голос Андрея звенел в тишине на высоких нотах.

— Требуем повернуть корабль на север и сказать всем, куда идем! — Он обернулся к матросам, — Так я говорю, братва?

— Верно! — загремели голоса. — Дело! К черту Америку!

— Ну, а если я не поверну, так что будет? — раздался спокойный, насмешливый голос капитана.

— Сами повернем, вот что, — выпалил Андрей. — Тебя не спросим.

— Тебе по феске! — завопил кто-то сзади. — За борт!

— Дураки вы, вот что, — еще спокойнее заявил капитан. — Где север, где юг, не знаете, а туда же лезете кораблем управлять. Да вы и карту-то читать не умеете. Ну, да ладно, — переменял он вдруг тон и, словно бросив дурачиться, заговорил серьезно. — Кто вам сказал, что мы идем в Америку? Сюда нас занесла буря. А теперь нам нужно идти в порт Сан-Винцент на островах Зеленого Мыса, потому что угля не больше, как на три дня, а это ближайший к нам порт. Погрузим уголь и решим, куда идти дальше. В Марсель — так в Марсель. Но сейчас идти в Марсель не можем. До Гибралтара семь — восемь суток, а угля на три — четыре. Поняли?

Матросы молчали, видимо, смущенные.

— А вы уже и разорались, — продолжал капитан. — Ни уха ни рыла не понимаете, а туда же...

Теперь все матросы смотрели на Андрея, но он тоже был смущен объяснениями капитана.

— Если кто хочет, я на карте покажу, чтобы поняли, что на север идти не приходится. Идти надо туда, где уголь. Без угля — гибель. — Капитан уже явно глумился над командой.

— А грузы в Америку зачем брал? — спохватился вдруг Андрей.

— Какие грузы? Грузы все на Марсель. Там компания перегрузит на другие пароходы или пошлет в Америку «Святую Анну». Но тогда на ней пойдут только те, кто хочет. Кому не по вкусу будет путешествие, может убираться к черту. Сухопутных моряков нам не надо.

— Вот врет-то, вот врет! — прошипел мне на ухо) Кованько. — И не заикнется. Ах, прохвост патентованный!

— Все он врет, ребята, все заливает, а вы уши развесили, — кипятился Андрей.

— А что врет-то? Ты скажи, если ты такой умный. — По голосу я узнал Фомина.

— Да все врет, все, — продолжал горячиться Андрей. Он закусил теперь удила и сыпал ругательствами без смысла. Матросы в смущении молчали.

— Вот что, ребята! — пользуясь удобным моментом, закричал опять капитан. — Ведь вы за границей пропадете ни за понюшку табаку. С голоду подохнете. Я о вас же забочусь. А вас против меня этот большевик натравливает. Довольно! Хватит! — Голос его поднялся до высоких нот и задрожал. — Вы уже видели, как он вас обманывает. Он хочет повернуть судно в океан, в водяную пустыню. Но ведь на юге в трех — четырех днях пути — большой порт, угольная станция. Такая работа до добра не доведет, ребята! Все люди как люди, а этот прохвост так и норовит бучу на корабле устроить. Я его арестую, а в Марселе отдам под суд. Под суд! — закричал он, стуча кулаками. — И всех, кто станет его защищать, тоже под суд. Поняли? Кашин, сюда! — закричал он. — Двоих часовых! Арестовать Быстрова и — к прочим арестованным. — Голос его несколько спал. — И пусть утешают друг друга!

— Слушаю, господин капитан! — послышался откуда-то голос Кашина.

Матросы растерянно молчали. Андрей смотрел на братву и говорил вполголоса:

— Что же это, братцы? Как же так?

В толпе произошло движение.

— Стой, ни с места! — загремел опять капитан. — Теперь я шутки бросил. Кто двинется, пулю в лоб! Слышали? Лучше миром, ребята! — закричал он опять после паузы. — Суд разберет, кто в чем виноват.

— Ах, сукин сын! — на этот раз громко прокричал Кованько. — Не могу я, Николай Львович, не могу!

Его лицо горело, волосы рассыпались по лбу. Отпустив мой рукав, он выпрыгнул на палубу и закричал громко, словно хотел, чтобы даже волны слышали его:

— Врет он, ребята, все врет!

Матросы все еще стояли в недоумении, но Андрей сразу метнулся к нему.

— Знаю ведь, знаю, что врет. Да как доказать? Расскажите толком, что знаете! — кричал он ему в лицо, схватив обеими руками за плечи.

— Младший штурман Кованько, молчать! Потрудитесь убраться в вашу каюту!

Но Кованько уже овладел собой.

— Нет, не потружусь, господин капитан!

Он повернулся к команде.

— Капитан ведет вас в Америку. Он хочет там продать судно, а вас бросить на произвол судьбы. Он обманывает не только вас, но и компанию. Поэтому он набрал грузов в Чили и Уругвай.

— Врет он все. Говорю вам, что пойдём в Марсель, а сейчас идем только за углем, — надрывался капитан, но теперь его уже никто не слушал.

— А если идти за углем, — все спокойнее и увереннее говорил Кованько, — то зачем идти в Сен-Винцент, когда в трех днях пути к северу Мадейра, на полпути к Гибралтару?

— Ах я дурень, дурень! — хлопнул себя по голове Андрей. — Я ведь думал, что есть какой-то порт к северу, да забыл про Мадейру.

— Я не знаю наверное, — кричал Кованько, — что затеял капитан! Может быть, я и ошибаюсь, но если я не прав, то пусть капитан немедленно повернет на север.

— Верно! — дружным хором орал матросы. — Пусть повернет!

Я тоже вышел на палубу вслед за Кованько. Теперь мне был виден командный мостик. В правом углу маячило злое лицо старшего, посредине возвышалась массивная фигура капитана. Он был без фуражки. Воротник рубахи был расстегнут. Лицо было покрыто крупными каплями пота, глаза сузились и глядели зло, как у дикого кабана, затравленного борзыми.

Андрей опять вышел вперед и громко крикнул:

— Ну, что ж? Будете отвечать, господин капитан?

— Буду, — заорал капитан, — только не так, как ты думал. Кашин, командуй — ружья к плечу! Ну, живо!

Звякнули рассыпанной дробью затворы пяти винтовок.

Капитан выбросил обе руки вперед, — в каждой из них блеснул браунинг.

— Ну, марш по местам, живо, иначе — стреляю!

— Ребята, не расходись! — кричал Андрей. — Неужели стрелять будешь, сволочь?! — обернулся он к Кашину.

— Разойдись! — кричал капитан. — Не допущу бунта!

Беспомощной скорлупой болталась на волнах истрепанная бурей «Св. Анна». С погнутыми леерами, разбитыми стеклами окон, с обрывками такелажа и вантов, с обломком расколотой в щепы передней мачты судно напоминало скорее брошенную людьми барку, нежели морской пароход. Под угрозой обстрела сверху сгрудились на баке матросы. Команда Кашина с ружьями наизготовку выстроилась у правого борта. У левого стояли цепочкой сторонники капитана: Сычев, Фомин, Шатов, механик Сергеев, Глазов. Они держали правые руки в карманах.

«Всех успел вооружить. Перестреляют ребят!» — подумал я и, уже не рассуждая, бросился в гущу людей.

— Сергей Иванович, милый, успокойтесь! Андрей, не доводи дело до драки, — умолял я то одного, то другого. — Смотрите, ведь они окружили вас. Черт знает что будет!

Андрей и Кованько огляделись.

— Что, сволочи, поняли, в чем дело? Мигом по местам! А штурман Кованько в свою каюту под арест. Скажите спасибо, что не перестреляли половину. — Голос капитана звучал теперь нескрываемым торжеством.

Андрей стоял, как в столбняке. Кулаки сжаты, скулы побелели от напряжения. Он понимал, что победа на стороне капитана, и с ненавистью глядел вверх, на блестящие браунинги, зажатые в кулачищах рыжего великана.

Наконец Андрея прорвало.

— Ну, мы еще посчитаемся с тобой! — крикнул он и резко повернулся спиной к мостику.

— Пошли, братва, в кубрик!

Один за другим, стуча каблуками по кованым ступенькам, угрюмые и растерянные, спускались вниз матросы. Андрей стоял у входа и рукой касался плеча каждого, нагибавшегося на пороге, как будто подсчитывал силы своей партии. Капитан словно забыл об Андрее. По-видимому, он боялся разжечь страсти команды арестом Андрея Быстрова.

— Сергей Иванович, Николай Львович, айда к нам! — сказал Андрей. — Там потолкуем. С ними вам больше нечего делать, — указал он на мостик.

Мы оба, словно подчиняясь команде, двинулись ко входу в кубрик.

Действительно, с капитанской каютой и с кают-компанией у нас были покончены счеты.

На пороге я оглянулся назад. На опустевшей палубе оставались только солдаты Кашина и еще несколько человек, сторонников капитана. Оба враждебных лагеря на «Св. Анне» определились до конца.

В кубрике заговорили все сразу. Ругательства сыпались щедрым потоком. Бранили капитана, друг друга, Андрея. Сидели на койках, на длинных скамьях с широко растопыренными ножками, на столе. Все сейчас же закурили, и облака дыма наполнили низкий и тесный кубрик. Здесь собрались не только палубные матросы, но и большинство кочегаров и младших механиков.

Андрей в углу тихо разговаривал с высоким механиком Яковчуком. Кас тут же сосал трубку. Затем Яковчук подошел к столу, забарабанил кулаками по верхней доске, призывая к молчанию, и, когда шум несколько утих, заговорил громко и настойчиво:

— Ну, братва, видали? Теперь кто, выходит, прав? Обвернул вас рыжий вокруг мачты. Давно нужно было его, гада, за борт.

— Говори дело, не лайся, — пробурчал недовольно Жигов.

— Теперь тебе дело говори, — вскипел Андрей. — А кто, как не ты, Степан, говорил, что я балясы точу, что пугаю, что хочу вас на бузу поднять для ради собственного удовольствия? Теперь видел?

— Да ну вас! — отозвался Яковчук. — Наспорились уже, хватит. Капитан всех переспорил. Давай вправду дело, Андрей.

— Дело, дело, черт бы вас побрал! — не успокаивался Андрей. — А где раньше было дело, головы свинцовые, ломовики чертовы? Все не верили, все отмахивались, а теперь давай им дело, когда стукнули по заправке. Дело вот в чем. Все поняли, что без драки дело не обойдется, или еще не все?

— Да все, все, — загудели со всех углов. — Дураков нету!

— Всё суда боялись? Да где он, суд-то этот? В Марселе? Так мы хвостом махнули, да и прощевайте. Нашли чего бояться.

— Ну, ладно, ладно, валяй дальше.

— Так вот, ребята, надо действовать. Галдеж делу не подмога. Давай, ребята, изберем трех человек, да пусть они и подумают обо всем, а что решат, — тому и повиноваться.

— А какая там еще троица?! Вали при всех! — закричал кто-то с верхней койки.

— Нет, ребята. Много ушей — много шума. Давай уж по-организованному, — настаивал Андрей.

— Нельзя иначе. Надо выбирать, — медленно, слово за словом, уронил Кас. Его мрачный голос и уверенный тон произвели впечатление.

— Давай, давай, ребята! — поддержал старый механик. — Выбирать так выбирать.

— Все согласны? — переспросил Андрей. — Чтоб потом отказу не было.

— Согласны, не тяни кота за хвост! — закричали по углам.

— Так еще раз, ребята, предупреждаю: смотри, никому из тех, — он показал на дверь, — ни слова, и что скажут выборные, то и делать.

— Ладно, ладно. Еще одно начальство. Старого не хватает.

— А как величать-то будем выбранных?!

— Довольно, ребята! Не до шуток. Называй, кого будем выбирать. Нет, сначала сколько — трех или пять?

— Три! Пять! Три! — посыпались частые выкрики.

— Так три или пять? — переспросил Андрей.

— Три!.. Пять!.. — поднялся новый взрыв криков, но «три» кричало большинство.

— Так трех? За трех — большинство. Ну, теперь — кого?

— Быстрова, Каса, Быстрова, Яковчука, Жигова, Каса! — Имена сыпались со всех сторон, но все это были имена Каса, Андрея и Яковчука, по-видимому, уже признанных лидеров большинства.

— Еще кого? — вошел в роль Андрей.

— Хватит, хватит!

— Значит, Быстров, Кас и Яковчук. Так, братва?

— Верно, правильно!

— А Сергея Ивановича? — подхватил внезапно матрос Косюра.

— Верно! — загудел весь кубрик. — Правильно!

Кованько поднял руку.

— Нет, братва. Мне кажется, это не нужно. Спасибо за доверие. Я теперь с вами. — Он произнес эту фразу с возрастающим волнением. — Но троих достаточно. Тройка может привлечь к делу кого найдет нужным.

Ну, и меня тоже, и Николая Львовича. Понадобимся — пожалуйста!

— Ну, ладно. Все одно — давай тройку!

— Теперь, ребята, тихо. Давай по местам. Тихо сидеть, а мы посоветуемся. Ты, Загурняк, садись у выхода да следи за тем, что делается на палубе. Да, вот что, чуть не позабыл! Ребята, у кого есть оружие?

— У меня, — сказал старый механик Кириллов, — есть небольшой браунинг. Неважная штука...

— Все равно. Гони его Загурняку. Кто дежурит, тому и передавай, — скомандовал Андрей. — Еще у кого, ребята?

Все молчали.

— Слабо, братва. Эх ты, дьявол. А у вас, Сергей Иванович, Николай Львович?

Увы, наше оружие осталось в каютах.

Быстров, Кас, Яковчук наклонились над столом и что-то зашептали друг другу. Похоже было на то, что Андрей предлагает какой-то план, а остальные только покачивают головами в знак согласия. Когда Андрей кончил, Яковчук с маху шлепнул его широкой ладонью по плечу и сказал:

— Ай, золотая у тебя голова, Андрюшка! Тебе бы земским быть.

Андрей улыбнулся.

— Только бы вышло. Тогда держись, рыжий!

— Слушай, ребята! — вдруг закричал Андрей. — А кто же остался там, а?

— Да, верно. Давай врагов-то сообразим, — согласился Яковчук. — Напоминайте, ребята, — начал он, откладывая по пальцам. — Из матросов — Сычев, Фомин и Глазов, а у нас из машинного — механик Сергеев да два кочегара: Степанов и Ионин. Ну, старших механиков, к думаю, считать не надо. Они действовать против нас не будут. Да я полагаю, что и кочегары там застряли зря. Стояли вахту — там и остались, сюда их не пустили. Я их в капитанской компании не видал! Парни не плохие.

— А кока забыли!

— Да, кок. А может, и он только перебраться не успел? Как теперь узнаешь?

— А кто же при машине там, кто же на вахте? Ведь машина-то стучит, — сказал Загурняк.

— Да, наверное, Степанов да Ионин всё, — сказал Андрей. — Капитан и старших, наверное, приструнил, а то, может быть, и кока от плиты к топке перевел.

— А рулит-то кто?

— Кто? Сычев, конечно!

— Ну, а как же смена?

— А за сменой к нам придут.

— Поклонятся!

— Не ходить, ребята, — твердо сказал Андрей. — Пусть покрутятся, а завтра мы с ними поговорим иначе.

Долгое время никакой связи между кубриком и палубой не было, но, когда стемнело, в кубрик вошел Шатов.

Кубрик встретил его недружественным молчанием.

Шатов постоял у двери, подошел к столу, провел пальцем по цинковому бортику и посмотрел на палец. Затем вытер его о серую грязную штанину и осмотрел хозяйским взглядом кубрик. Матросы молчали.

— Что же, ребята, а вахта-то как? Чего порядок забыли? Не на берегу ведь.

— А что, и без нас, поди, справятся, — ядовито, себе под нос, пробурчал Загурняк.

— Коли в Америку, так нас нет, — поддержал Вороненко.

— Нам не платили ведь, — добавил Санька Кострюковский.

— А мне платили? — вспыхнул Шатов.

— А то нет? — закричал Яковчук. — Иначе чего же ты стараешься?

— Молод ты, сукин сын, мне такие вещи говорить, — рассердился старик. — Шел бы лучше в свой кубрик.

— А ты стар, да удал, боцман, — выступил вперед Андрей. — Не за страх, а за совесть работаешь. Так заруби себе на носу — на вахту мы не пойдем. Пусть повернет капитан на север да все оружие нам сдаст, тогда поговорим.

— Ишь ты, какой выискался, Аника-воин, — прошипел боцман. — Тебе и оружие сдай, тогда только ты говорить станешь. Вишь, как тебя расперло. Вождь! Сукин сын!

— Ты не ругайся, Шатов, — сказал Андрей. — Не за добром пришел, так проваливай, а то вылетишь рваным пыжом.

— Да что это? — сжал кулаки Шатов. — Да ты грозить? Ах ты, стервец задрипанный!

— Гони его в шею, Андрей! — закричал кто-то в глубине кубрика.

— Вон к черту! В загривок старца! Продажная душа! Подлюга!

Шатов побелел от злости и шагнул к дверям. Андрей за ним.

— Бунтари! — крикнул с нижней ступеньки Шатов. — Висельники! — и выбежал из кубрика.

Матросы долго молчали.

— Ну вот, война объявлена, — сказал, наконец, отдельно и задумчиво Кас.

— Да, — протянул Яковчук. — Погнали мы боцмана здорово. Теперь миру не бывать.

— А вот и манифест услышим! — крикнул Загурняк. — Сам капитан прет.

Глаза матросов поднялись к верхним ступеням лестницы, ведущей в кубрик. Грузная фигура капитана закрыла просвет. Тень от широких плеч легла на пол кубрика. Капитан дошел почти до низу лестницы и стал на одной из последних ступенек. Он нагнулся, подался вперед и просунул голову в кубрик. Во всей его фигуре, громоздкой и неуклюжей, несмотря на высокий рост, чувствовалась необычная настороженность. Прежняя уверенность и презрительное спокойствие оставили его.

Матросы поднялись и встали перед ним, но это не был знак внимания или повиновения. Это было то движение наизготовку, когда напрягаются мышцы и настораживаются нервы. Андрей стоял впереди.

— Слушайте мое последнее слово, — отчеканил капитан. — Мы пойдем туда, куда поведу я. Я один знаю все, что нужно знать человеку, которому доверено судно. Я согласен выбрать комитет из трех человек, с которыми я буду иметь дело. В этот комитет войдут Сычев, Фомин и Шатов. Вы все немедленно выйдете на работу. Андрей, Кас и оба штурмана пойдут под арест. Если же вы не согласны, то подохнете здесь с голоду. Я не выпущу из кубрика ни одного человека. Буду стрелять во всякого, кто высунет нос, а во Французской Гвиане выдам вас властям как бунтовщиков и большевиков. Там вы познакомитесь с работой на ртутных приисках.

Небось, когда кожа будет отходить от костей, «Святая Анна» вспомнится раем. Так вот, выбирайте!

Андрей схватил со стола тяжелую медную кружку и с перекошенным лицом ринулся вперед.

— Так ты еще издеваться, сукин сын! — и он запустил кружкой в капитана. Кружка со звоном пролетела через переднюю часть кубрика и ударила капитана в колено. Капитан выхватил руку из кармана, и сейчас же прогремел выстрел. Пуля впиалась в доски пола, и дверь наверху с треском захлопнулась.

Все эти события прошли с такой быстротой, что мы с Кованько могли быть только молчаливыми свидетелями. Драма на «Св. Анне» перешла в стадию быстрых и решительных действий, к которым мы все же не были подготовлены. Впрочем, Кованько справился со смущением легче. Он встал, вышел на середину кубрика и громко сказал:

— Ребята, я заявляю, что мы, то есть я и Николай Львович, окончательно присоединяемся к вам. Если будет борьба, если понадобится вступить в бой, мы оба будем на вашей стороне. Пусть это знают все.

На минуту мне показалось, что сейчас, в ответ на торжественные слова Кованько, раздадутся приветственные крики, но кубрик принял нашу декларацию молчаливо, как нечто должное и неизбежное. Да и в самом деле: уже одно наше присутствие здесь в такой момент говорило за себя. Ни капитан, ни белые власти никогда не простили бы нам присоединения к восставшей команде.

Андрей подошел к Кованько и положил ему руку на рукав.

— Не пугайтесь, товарищи. Мы вас не выдадим! — И потом, заметив смущение Кованько, прибавил: — Нас все-таки сила, и вы нам тоже здорово поможете... Вы народ образованный... С вами нам легче.

Я не знаю, что думал в эту минуту Кованько, но причина его смущения мне казалась понятной. Он собирался снизойти к массе, а эта матросская масса ответила ему предложением своего покровительства. Я же сам почувствовал от этого некоторый прилив бодрости. Я никогда не мнил себя героем, хотя в трусости меня никто не смог бы упрекнуть. Но теперь поддержка этих крепких, сильных духом ребят была для меня приятной.

После совещания Андрей и его товарищи решили произвести разведку. Они постановили с наступлением сумерек распахнуть дверь на палубу и выставить самодельное чучело матроса. Если стрельбы не последует, то Андрей и Загурняк пойдут ночью через бак к коку за порциями. Вопрос о пище очень беспокоил всех в кубрике. На проверку оказалось, что ни у кого никаких запасов еды нет, нет даже сухарей и пресная вода на исходе.

Санька Кострюковский с прибаутками принялся мастерить из тряпок и старой матросской куртки чучело. На белой тряпочке он намалевал глаза, нос, рот и всячески старался придать своему чучелу вид человеческого лица. Для этого он, высунув язык, подрисовал ему брови, вывел на лбу морщины и напялил на затылок чучела матросскую фуражку. Когда фигура была готова, матросы достали короткую палку и насадили на нее тряпичную куклу, втиснутую в форменную матросскую куртку. Затем Загурняк с шумом распахнул дверь, и тотчас же луч прожекторного фонаря ударил в кубрик. Но Санька Кострюковский уже лежал на ступеньках, спрятав голову за высоким окованным порогом, и немедленно выставил чучело наружу.

Немедленно один за другим раздалось два выстрела с высоты командного мостика, и пуля со свистом врезалась в карниз двери. Санька отдернул чучело назад, и дверь, к ручке которой Загурняк заблаговременно привязал шнурок, захлопнулась.

Мы убедились в том, что нас сторожат и днем и ночью и что выход на палубу грозит смертью.

После этого все решили лечь спать. Только Загурняк остался на ступеньках с браунингом в руке, на случай какого-либо трюка со стороны капитана. Мне уступил свою койку один из матросов. Механики и кочегары устроились на полу. Я очень устал, но заснуть не мог. В кубрике было душно, и, кажется, никто не отдохнул в эту первую ночь восстания. Матросы то и дело вставали и тянулись к баку с водой. Все пили понемногу, чтобы только прополоскать горло, и опять ложились на скрипучие двухъярусные койки, утонувшие в облаках табачного дыма и человеческих испарений.

Утро не принесло изменений. Кубрик продолжал оставаться осажденной крепостью. Просыпаясь, матросы громко жаловались на то, что нет воды помыться, и продолжали лежать на койках, не зная, куда девать свободное время. Затем начались жалобы на тесноту и голод. То один, то другой подползали по ступенькам к высокому порогу и смотрели на мостик, где по-прежнему возвышались фигуры капитана и старшего.

Я и Кованько чувствовали себя плохо: мы ничем не могли помочь восставшим. Мы занимали в кубрике две койки, пили воду, съели два крошечных пайка сухарей, собранных из всех мешков и узелков.

К середине дня солнце накалило палубу судна, служившую потолком кубрику. Время тянулось мучительно медленно. Мы изнемогали от духоты, табачного дыма и жажды. Казалось, все преимущества были на стороне капитана, и дело должно было кончиться сдачей бунтовщиков французским или английским властям. Матросы лежали на койках, обернувшись лицом к стене, и дремали. Андрей, Яковчук и Кас о чем-то беседовали на койке Каса в дальнем углу кубрика, но потом разошлись.

— Табак дело, — сказал Андрей, подходя ко мне. — Еще день-два голода, и ребята сдадут. Надулись, как сычи. А то, может быть, еще и двое — трое суток продержатся.

— Ты что, боишься, что они перейдут на сторону капитана? — спросил я Андрея.

— Нет! Это уж нет. Плохо вы нашего брата знаете. Теперь они уже определились. Но что делать-то дальше? Теперь ребята захотят пойти напролом, на штурм, да боюсь, много жертв будет, а толку никакого. Пожалуй, нам сейчас выгоднее терпеть и выжидать. Ведь им тоже не легко. Пароход идет еле-еле. Должно быть, некому уголь подбрасывать. Ну пока вот терпим, — а потом видно будет, а может быть, и еще что придумаем. — При этом в глазах его неожиданно сверкнул прежний бодрый огонек.

— Я вижу, ты уже придумал. Если есть что, так выкладывай!

Андрей сел на койку и зашептал:

— Ладно. Открою вам, Николай Львович. Задумал я ночью возобновить свой поход на трюм, благо практика была. Только теперь на передний.

— Что такое? Что это значит? Ты опять хочешь взрыв устроить?!

— Нет, Николай Львович, нет. Хочу в темноте к трюму пробраться, брезент отогнуть, доски приподнять да оттуда винтовок достать с патронами. Поняли?

Я смотрел и все не мог сообразить, шутит ли он или говорит серьезно. Задумал ли он выполнимое дело или это просто решение отчаявшегося человека?

Словно угадав мои мысли, он сказал:

— Думаете, не выйдет? А я думаю, что выйдет. С вечера дверь откроем, а как луч фонаря загаснет или отклонится в сторону, — я и шмыгну ползком по палубе к трюму, сниму шины и потихоньку сдвину доски в сторону. В тени за лебедкой, за мачтой, меня не увидят, я и шмыгну вниз. Обратно уже будет проще.

Этот план сразу привел в восторг Кованько.

— Да ведь это замечательно! Ну и обстрел же мы закатым отсюда! Прямо бой в окопах. Здорово!

— Что это вы обрадовались, словно мешок с хлебом нашли? — спросил Загурняк.

— Какой там мешок! Нашли, как капитану по загривку нашлапать.

Матросы, лежавшие на койках, как трупы, свесили вниз босые желтые ноги.

По команде Андрея весь кубрик запел песню.

— Пусть господа подумают, по какому такому случаю мы здесь горло дерем! — кричал Андрей.

План Андрея не казался мне легко выполнимым. Я знал, что капитана не так-то просто перехитрить. Но отговаривать Андрея я не стал.

Когда стемнело, Андрей засел на ступеньках трапа и приготовился ползти на палубу. Но луч прожекторного фонаря смотрел прямо в отверстие двери. Казалось, что световое пятно срослось с дверью и куском палубы у порога.

Только перед утром, отчаявшись, Андрей сполз со ступеней в кубрик, где ждали его товарищи. План не был выполнен, и люди сидели насупившись. Едва Андрей успел растянуться на койке, как вдруг в кубрик через дверь влетел какой-то серый предмет. Все вздрогнули. На полу при свете тусклой лампы мы увидели небольшой круглый сверток.

Яковчук, сидевший у стола, нагнулся и поднял сверток.

Это был смятый и замусленный кусок оберточной бумаги. Яковчук развернул его над самым столом, и тогда маленький, аккуратно свернутый кусочек белой бумаги выпал на серые доски. Яковчук бережно развернул его и прочел:

«Еще неделю назад радиотелеграфист, по приказу капитана, отдал радио, что мы тонем. Все думают, что нас нет. Не сдавайтесь. Потерпите. Друг».

Я подошел и взглянул на бумажку. На крошечном засаленном клочке блокнота была выведена надпись в несколько рядов корявыми печатными буквами.

— Кто бы это мог быть? Ведь это оттуда, — сказал я.

— Глазов, верно, — сказал Кострюковский.

— Холуй? Что ты!.. Нет, быть не может, — возразил Кас.

— Что же, по-твоему — Фомин?

— А не Сычев ли, ребята? — сказал Загурняк.

— Не думаю, — возразил Андрей. — Темный парень.

— Может, кто из старших механиков или из кочегаров? — продолжал догадываться Яковчук.

— Ну кто бы ни был, а нам рассчитывать надо на себя, ребята! — сказал Андрей. — Сегодня не вышло! Попробуем завтра!

Я подумал, что Андрей прав. Рассчитывать надо на себя. Но напрасно он думал, что раз оружие так близко, то это значит, что мы до него доберемся. «Так близко, — подумал я и вдруг хлопнул себя по лбу. — Эх-ма! Как же это я раньше не догадался?..»

Я кликнул Андрея, Каса, Яковчука и Кованько.

— Ребята, товарищи, да ведь за оружием не надо лазать по палубе. Ведь винтовки можно достать иначе.

— Как так?!

— А вот как. Я ведь сам их укладывал в Плимуте. Они здесь, у самой стенки кубрика, только пониже. Ящики с винтовками помню наверное, да и патроны где-нибудь здесь. Стенку вот эту разберем, сломаем — да и в трюм. Никто не увидит, а оттуда и вниз пробраться можно.

— Черт возьми, вот здорово! — закричал Андрей. — Ребята, давай топоры!

— Что ты, что ты! Без шума надо!

— Да, шуметь не следует, — рассудительно добавил Кас.

— Пилу давай, — сказал Загурняк, — распилим — и тихо и быстро.

Весь кубрик пришел в движение.

Через час в стене уже была проделана долотом щель.

Туда ввели одноручную пилу, и матросы, один за другим, стараясь не шуметь, стали перепиливать толстые крашеные доски перегородки.

Я смотрел, как, потя, пилит доски Загурняк, как вьется около него Санька Кострюковский. У него чешутся руки на работу, и он ждет не дождется, когда придет очередь плюнуть на корявые ладони и кромсать сухие, хрустящие доски перегородки.

Самое горячее участие принимал в работе Кованько.

К вечеру переборка, отделявшая кубрик от трюма, исчезла. В широкий выпиленный четырехугольник глядела тьма корабельного брюха. Слабый свет лампы лег на бока ящиков, выложенных штабелями, осветил круглые, подпиравшие палубу столбы, блеснул на цинковой укупорке и потонул в узких проходах между рядами длинных, похожих на гробы ящиков.

Ребята вытащили один из ящиков и поставили его на стол посередине кубрика. Загурняк, засучив по локоть рукава летней рубахи, стал отдирать небольшим топориком жестяные полосы, прибитые гвоздями к шершавым доскам. Сухие тонкие доски с треском ломались, кололись и отходили кверху, щерясь гвоздями, вырванными из бортов, и из-под серой плотной бумаги тускло блеснули вороненые стволы английских магазинков со штыками, привинченными вниз остриями. Винтовки немедленно разошлись по рукам. Весело клацали жирно смазанные замки. Узловатые руки поднимали кверху, к единственной лампе, прямые стволы. Матросы забыли голод и жажду — залюбовались оружием. В верхнюю часть открытой двери глядело вечернее, еще беззвездное небо.

— Ну, ребята, полдела сделано, — сказал Яковчук. — Айда за патронами!

— Патронов близко что-то не видно, — отозвался из тьмы Загурняк, не перестававший передвигать мелкие, и крупные ящики в цинковой укупорке. — Тут всё орудийные патроны, пламегасители да артиллерийский порох. Придется пошарить глубже. Санька, бери фонарик, пошли в трюм.

Сверкнув коротким лучом карманного фонарика, Санька стал боком продираться сквозь узкий проход, ведущий в глубь трюма. Другие матросы продолжали переставлять ящики с винтовками, стараясь проделать проход в сторону к правому борту.

— Николай Львович, а вы сами не помните, где здесь патроны? — спросил Андрей.

— Винтовки я хорошо помнил, Андрей, и сказал верно. Сразу у стены. А вот где патроны, не помню. Давно дело было, забыл. Пулеметы — наверху, динамит — тоже, а патроны, кажется, внизу были.

— Вниз не так-то просто добраться, — сказал Вороненко.

— Хоть к черту в зубы, а патроны найти надо! — оборвал его Андрей.

— Далеко больно!

— Слушай, ребята, — подхватил один из кочегаров. — Вот пулеметные ленты тут близко. Что, если в дверях пулемет поставить да и запузывать? А? Вот здорово-то!

— Что ж, не найдем винтовочных патронов — поставим пулемет. Не с голоду ж подышать.

Поиски патронов продолжались больше часу. Медленно, с трудом продвигались матросы в глубь корабельного трюма. Гремели железом, тяжелыми ящиками, передвигали и разрывали целые штабеля ящиков с винтовками, снарядами и пулеметными частями. Каждый шаг в глубину требовал напряженной работы, нужно было передвинуть в тесноте бесчисленные многопудовые тяжести.

Наконец Загурняк и Санька Костржовский появились в кубрике, неся перед собой пару плоских ящиков.

Загурняк поставил один из них на стол и стал ножом разрезать обшивку. Через минуту из ящика гремящим потоком посыпались длинные медные гильзы в обоймах. Загурняк вскинул винтовку, открыл замок и стал запихивать туда обойму. Патроны не шли.

— Вот холера, не лезет! Должно быть, не те.

Кованько подошел и взглянул на патроны.

— Разумеется, это не те. Это от французских винтовок. Они сюда не пойдут. А может быть, здесь есть ящик с французскими магазинками? Наверное, где-нибудь есть.

— То патроны к винтовкам искали, теперь винтовки к патронам, — сказал с досадой Яковчук.

— Ну что ж, поищем, — сказал Загурняк. — Айда, Санька, снова! Только фонарик-то твой в архив надо сдать. У кого, ребята, батарейка есть?

Батарейку нашли, фонарь зарядили, и оба матроса вновь исчезли в глубине трюма. Прошли долгие часы, но поиски оставались безуспешными. В кубрике кто спал тревожным сном голодных, измученных людей, кто сидел на койке, полушепотом разговаривая с соседями. На верхних ступеньках трапа дежурил Яковчук. Я прилег на койку и, не поднимая ног с полу, прислонился к подушке и задремал. Разбудил меня звук выстрела.

Я поднял голову от подушки, и в это время грянул второй выстрел, а на палубе раздался резкий крик человека, которому причинили острую боль. Затем послышались возбужденные голоса других людей. Вскочив на ноги, я увидел, как Яковчук поднял голову над порогом и выстрелил куда-то из маленького браунинга — нашего единственного оружия защиты. В это время уже весь кубрик был на ногах. Матросы толпились вокруг стола. Андрей с Яковчуком залегли на верхних ступеньках лестницы. Из глубины трюма, между ящиками, пробирался Загурняк. Я подскочил к выходу и увидел, как чья-то большая тень закрыла разрез двери, и вслед за тем слабеющее тело человека рухнуло на руки Андрея и Яковчука. Белый поварской колпак слетел с головы падавшего. Его запрокинутое лицо подбородком кверху казалось страшной, искаженной страданиями маской.

— Подстрелили прохвосты, — злобно бросил Яковчук.

— Жратву я, ребята... вам нес. Корзинку... Там на палубе... не удержал, — прохрипел кок. — А они подстрелили.

Матросы молча положили раненого на нижнюю Койку и стали раздевать его, вспарывая ножницами серые матросские брюки. На минуту все внимание было обращено на кока, и только один Андрей остался лежать на лестнице.

— Стой, сволочь! — вдруг закричал он, и, обернувшись к двери, я увидел, как он выкинул руку над порогом и выстрелил в кого-то на палубе из браунинга, переданного ему Яковчуком.

— Ребята, корзинку захватите... Жратва... консервы там... — прохрипел, подняв голову, кок.

Я внезапно почувствовал, что уже два дня ничего не ел, и корзинка, брошенная нашим другом на палубу, показалась мне чем-то драгоценным, что необходимо добыть ценою любых усилий. По-видимому, и другие думали о том же, — несколько человек бросились по ступенькам трапа наверх.

— Стой! — закричал опять Андрей. — Застрелю, как собаку! — и тотчас же, обернувшись назад, с еще большей злобой выкрикнул, теперь уже обращаясь к матросам:

— Куда прете? Убери головы!

Предостережение было своевременным. На палубе вновь раздался выстрел, и пуля, звеня, впилась в подволок кубрика.

— Пристрелялись, черти, — уже спокойнее заметил Андрей. — Теперь надо осторожнее. Пойдет перестрелка. А корзину все-таки достать надо. Смотрите-ка, Николай Львович, как бы это ее стащить. Только осторожно.

Я поднял голову над высоким порогом. В сереющем утре уже была видна пустая необранная палуба, чьи-то настороженные фигуры поднимались над деревянной обшивкой командного мостика, и в каких-нибудь двух-трех метрах от входа в наш кубрик на досках палубы валялась вместительная корзина, набитая банками, свертками и кулками. Прямо на нее был направлен луч прожекторного фонаря. Было ясно, что захватить корзину — дело нелегкое. С мостика застрелят всякого, кто отважится пойти за нею. Запасы пищи, которые нес нам кок, стали теперь опасной приманкой для голодных людей, запертых в кубрике. В этот момент фонарь повернули, луч его упал на дверь кубрика, и я уже хотел было спрятать голову за порог, как вдруг на палубе послышался новый шум. И я и Андрей не могли преодолеть любопытства и вновь заглянули через порог. Шум исходил из правого прохода под спардеком, и через несколько секунд мы увидели, как оттуда на палубу вышли два человека. В широкоплечем матросе я узнал Сычева. Рядом с ним шел вооруженный винтовкой Кашин. Капитан наклонился над бортом командного мостика и закричал Кашину:

— Немедленно взять корзину. Сычев, Кашин, вперед!

— Спрячьте голову, — шепнул мне Андрей, и мы оба пригнулись под защиту окованного порога.

— Ребята, ложись! — скомандовал Андрей, и все кочегары и матросы по команде сначала втянули головы в плечи и насторожились, как настораживается разведка в дремучем лесу, почуяв невидимого противника, а затем большинство легло на койки.

Прошла минута напряженного молчания, но выстрелов не последовало.

Выждав несколько секунд, я поднял голову над порогом и посмотрел на палубу. Сычев и Кашин уже поднимались на бак, приближаясь к корзине. Еще несколько мгновений — и корзину унесут. Подвиг кока останется бесплодным. Все мы, весь кубрик, будем голодать.

«Нужно во что бы то ни стало достать корзину! — подумал я. — Сейчас! Именно сейчас, пока Сычев и Кашин между корзиной и мостиком. Ведь капитан сейчас не станет стрелять, он рискует попасть в Сычева или Кашина, в своих!.. Попытаться!? Но тогда быстро, не раздумывая!»

Я вскочил на ноги и шагнул на палубу, прямо к корзине. Сычев и Кашин остолбенели. Я быстро схватил за обе ручки тяжелую корзину и с силой швырнул ее в отверстие кубрика.

Раздался чей-то крик и дробный стук рассыпающихся во все стороны консервных банок... Позади меня, на командном мостике, загремел рыкающий голос взбешенного капитана. Я увидел перекошенное лицо Кашина с оскаленными крупными зубами. Он высоко занес надо мною приклад винтовки. Тупой удар в плечо, и я свалился на палубу. Падая, я заметил лицо Сычева. Мне показалось, что губы его что-то шептали, а лицо выражало досаду.

Кашин снова с силой ударил меня сапогом в бок и готовился действовать прикладом. Но в этот миг целая буря криков вырвалась из кубрика, и я увидел, как бежавший впереди всех Андрей прикладом винтовки раскроил голову Кашину, и волна матросов, вооруженных винтовками, гремя сапогами и клацающая ружейными замками, покатила из кубрика вниз по скату палубы к спардеку.

Лежа, я видел, как усатый унтер от удара сначала сел на палубу, а затем припал окровавленной головой к леерам. Я видел, как Сычев быстро скользнул в проход под спардеком.

Раздалось несколько выстрелов с мостика, и вооруженная матросская команда рассыпалась по палубе, укрываясь за лебедкой, за мачтой, за якорным блоком, отовсюду немедленно открывая ожесточенную пальбу. Громко стучали замки винтовок, пустые патроны прыгали по палубе, как лягушки.

Несколько человек матросов, оказавшихся впереди, ринулись к трапу, который вел на командный мостик. Уже тяжелые сапоги гремели по лестнице, и я видел, как матросы поднимаются вверх, но вдруг раздался выстрел, и передний — Санька Кострюковский — уронил винтовку, тяжело склонился на перила трапа и затем рухнул на палубу, широко раскинув руки.

— Назад, ребята! — закричал Андрей. — Теперь мы их возьмем измором, теперь наша сила!

Толпа отхлынула назад.

— Ложись за предметами! Стреляй в каждого, кто покажется! — кричал Андрей.

Я был безоружен и присел за лебедкой, рядом с Андреем.

В это время заря уже залила огненным блеском восток и на палубе было почти совсем светло. Я глядел вверх на крышу спардека и увидел, как капитан метнулся к корме, крича:

— Команда, сюда!

Словно в ответ на его слова, на люке раздался выстрел, и я замер от удивления, увидев, что капитан разряжает свой револьвер в кого-то на спардеке.

— Андрей, разве там есть наши? — спросил я, толкнув в бок Быстрова.

Андрей ничего не ответил. Он был удивлен, вероятно, не меньше моего.

Нам с высоты бака была видна только часть верхней палубы над спардеком, где стояли в два ряда тяжелые, покрытые чехлами шлюпки. Обвес командного мостика закрывал нижнюю часть палубы, и фигуры, появляющиеся на спардеке, были видны нам только выше пояса. Я заметил, как метнулись обратно к мостику капитан и старший помощник. В тот же момент Андрей показал мне куда-то направо от трубы, и я увидел, как две белые шлюпбалки стали медленно поворачиваться на правом борту. Тяжелый, покрытый чехлом баркас вышел из ряда и повернулся носом к середине корабля. Очевидно, кто-то скрытый от нас бортом мостика пытался спустить шлюпку. Значит, враги убедились в своем поражении и решили покинуть «Св. Анну». Однако где же кашинская команда? Четыре винтовки!

Но вот над шлюпкой поднялись две головы. Это были Фомин и Шатов. Я хотел было сказать об этом Андрею, но его уже не было на месте. Я успел только заметить, как он скользнул в проход под спардеком, очевидно, пробираясь на ют.

Через минуту раздалась выстрелы на юте. У меня не было ни винтовки, ни револьвера. Я не мог стрелять в Шатова и Фомина и только, поднявшись, насколько позволяло больное плечо, закричал, показывая пальцем вверх:

— Ребята, они бегут!

Но меня, по-видимому, никто не слышал, и выстрелов не последовало. Только наверху, в шапках и морских плащах, от капитанской каюты к шлюпке пробежали, низко нагнувшись, капитан и старший.

Но еще раньше, чем они успели добежать до шлюпки, повисшей над водой, со стороны юта на спардеке поднялась фигура Сычева.

«Теперь все враги на спардеке, — подумал я. — Они окружены, они в осаде. Оттуда им не уйти!»

Но дело пошло вовсе не так, как я предполагал. Сычев рванулся к Шатову, ударом кулака сшиб боцмана в море и бросился к капитану.

Удар Сычева был так силен, что старик словно растянулся в воздухе и, как камень, пущенный из пращи, полетел в сторону и скрылся за краем спардека.

Когда я увидел, как, поднявшись во весь свой рост, капитан пошел на Сычева, я понял, что Сычев на нашей стороне. У обоих были в руках револьверы, но горячая взаимная ненависть заставила их позабыть об оружии. И вот высоко передо мной на неровном, качающемся спардеке схватились два человека огромной силы. Капитан давил Сычева тяжестью огромного тела, а Сычев, обхватив капитана руками, сжимал его кольцом стальных мышц. Короткое мгновение, которое было дано обоим на единоборство, не дало преимущества ни одному, ни другому. В тот же момент к борющимся подкрался старший помощник.

Я видел только его голову, но понял, что он грозит Сычеву, а Сычев ведь наш. «Может быть, это он и писал записку», — пронеслось в моей голове. Забыв боль, я выскочил из-за лебедки и изо всей мочи закричал:

— Сычев, берегись!

Сычев услышал мой крик. Он обернулся, увидел старшего и с силой ударил его ногой в живот. Старший покатился за борт.

В это время раздался выстрел. Сычев и капитан упали. Поднялся один капитан. Он мгновенно прыгнул в шлюпку, и она пошла вниз на блоках. Тогда я увидел человека, выстрелившего в Сычева. Это был Глазов. Он нагнулся над Сычевым, и по взмахам его руки я понял, что он колотит упавшего рукояткой револьвера. Потом он поднялся и устремился к шлюпке, но добраться до нее ему не удалось.

В тот же момент над спардеком поднялась еще одна какая-то странная, неожиданная фигура... Это был маленький человек, в штатской шляпе, с гривой волос и густой бородой. В его руке был револьвер. Мелким шагом, словно ноги его ступали неуверенно или были непривычны к движениям на качающейся палубе судна, он подбежал к Глазову и выстрелил в него в упор. Глазов закачался и упал лицом вниз. Тогда маленький человек подбежал к краю палубы и, держась за борт второй шлюпки, наклонился вниз и

выпустил в спускающуюся шлюпку все оставшиеся пять патронов. Только теперь я узнал его. Это был черноволосый арестант, взятый на борт «Св. Анны» в Мурманске.

Еще момент — и на спардеке все смешалось. С юта на спардек ворвался Андрей во главе кашинских солдат.

«Неужели и эти с нами?! Так вот в кого стрелял капитан!» — Но уже через деревянную обшивку капитанского мостика прыгали одна за другой фигуры матросов, устремившихся наверх.

Андрей громко отдал какое-то распоряжение, и вторая шлюпка пошла на блоках книзу. Я подошел к борту и увидел, как трупы капитана, Фомина и Глазова были выброшены из шлюпки в море, после чего обе шлюпки были подняты на борт парохода.

Тогда, шатаясь, пересиливая боль, поднялся на спардек и я.

Над телом мертвого Сычева стоял, задумавшись, черноволосый арестант.

— Без вас, товарищ, сбежали бы, — говорил ему Яковчук. Арестант поднял голову и тихо ответил:

— Да. Вот только жаль, что я не успел спасти этого бравого парня, — и он опять наклонился над телом Сычева.

Бой закончился. «Св. Анна» была теперь в нашей власти.

Глава восьмая

Когда во времена корсаров отчаянные банды морских головорезов лихим налетом захватывали торговые суда, то и тогда судно-приз, попавшее в руки победителей, не выглядело хуже, чем наша «Св. Анна».

К разрушениям, причиненным бурей, прибавились разбитые во время боя стекла окон, еще одна сломанная дверь, пятна крови на палубе. Звенья пригоршнями патронов в широких карманах, с винтовками за плечами, расхаживали по палубе матросы и кочегары. Вышедшие, наконец, на свободу арестованные собрали вокруг себя толпу любопытных. Со всех сторон сыпались вопросы, и освобожденные узники едва успевали отвечать. Человек, убивший капитана, по фамилии Гринблат, играл роль вожака всей тройки. Он подошел к Андрею и сказал:

— Первым делом надо поставить людей на вахту и послать кочегаров в машинное. Смотрите, мы пляшем по волнам, как лоханка.

— А почему я? — спросил, внезапно изумившись, Андрей. — Почему я должен распоряжаться?

— Не торгуйтесь, товарищ, — сказал арестованный. — Вас послушают, а это главное. Я ведь знаю, — отвел он еще не сорвавшееся с уст Андрея возражение. — А затем пойдемте в кают-компанию и решим совместно, кому командовать.

— Ну, ладно! — сказал Андрей и, обернувшись к команде, громким голосом заявил: — Загурняк, ты пока за боцмана. Гони народ на вахту. Домой пойдем, — чтобы никто вола не вертел. Яковчук, возмись-ка за машинное. Кочегаров к топкам поставь да посмотри, что за народ там в машинном оставался. Может, кого надо заарестовать, так ты их в каюту арестованных отправь. — Тут Андрей спохватился и, словно извиняясь, посмотрел на Гринблата. — Фу, черт, привыкли мы вас арестованными величать. Давай знакомиться! Как вас всех зовут?

— Ну, со мной вы уже немного знакомы, — с усмешкой сказал Гринблат. — Разве для других. Меня зовут Моисей Гринблат, а этого, — указал он на хромого, — Андрей Горленко, рабочий-металлист, а это товарищ Пруст. Он студент-медик, родом из Литвы.

— Ну, ладно, а то всё арестованные да арестованные. Так вот, ребята, — продолжал Андрей, — теперь давайте приведем корабль в порядок. Давайте возьмемся все скопом, а затем вечером посоветуемся, как нам быть дальше.

— Товарищ, — сказал Гринблат, — дайте распоряжение, чтобы радиотелеграфист пересмотрел, ну хотя бы со мною, все радиотелеграммы капитана. Я думаю, нам надо знать, о чем он говорил с сушей. Мало ли что может быть!

— Верно, товарищ. Эй, товарищ Рогачев, займись-ка с товарищем Гринблатом по этой части.

Работа на палубе «Св. Анны» закипела. Все, начиная с Андрея и кончая юнгой, занялись делом. Мы с Кованым отправились в капитанскую каюту. Вооружившись секстантом, определили место «Св. Анны», перенесли его на карту и, рассчитав расстояние до ближайших портов и запасы угля, дали рулевому курс на порт Сан-Винцент на островах Зеленого Мыса, то есть туда, куда вел «Св. Анну» капитан. Пока продолжалась осада кубрика, судно ушло далеко на юг, и Мадейра оказалась теперь так далеко на севере, что у нас действительно не хватило бы угля до нее добраться.

Это решение было сообщено команде, Андрею и Гринблату. Разумеется, никто не возражал против такого решения. Затем мы приступили к осмотру книг и бумаг капитана, но сначала пересчитали кассу и передали все деньги и ценные бумаги Гринблату. К нашему удовольствию, мы нашли в железной шкатулке, ввинченной в стену над койкой капитана, наличных и чеков на солидные банки на сумму свыше тридцати тысяч рублей золотом. Это давало нам возможность закупить уголь и провиант не только до Марселя, но и до любого, самого отдаленного порта Средиземного моря.

Дружная работа всей команды в течение нескольких часов привела палубу в порядок. К этому времени помощник кока приготовил обед, имевший невиданный успех у голодной братвы.

Сам кок лежал теперь в капитанской каюте и больше всего горевал о том, что не может принять участие в общей работе. За ним усердно ухаживал медик Пруст. Он перевязал больному рану, к счастью, оказавшуюся легкой. У кока была навывел прострелена нога, но кость осталась целой, и Пруст обещал, что еще в Средиземном море кок начнет ходить по палубе.

После обеда состоялось совещание в кают-компании. На нем присутствовали мы с Кованько, Андрей, Яковчук, Кас, Загурняк, Гринблат с товарищами и все свободные члены команды.

— Ребята, сначала надо выбрать капитана, — сказал Андрей. — Мы еще не дома. Когда доберемся, — дело темное. Без порядка, без дисциплины дело наше картофельной шелухи не стоит. Называй, ребята, кого хотите в капитаны.

— Андрея! — закричал кто-то во всю ширь матросской глотки.

— Верно! — подхватили другие.

— А я за Николая Львовича, — робея, возразил Кованько. — Все-таки нужно знать...

— Андрея! — орали другие.

— Товарищи, минутку, — поднял руку Гринблат. — Мне кажется, что товарищ Кованько прав. Нам нужен капитан, знающий навигацию, способный вести судно и быть на месте во время стоянок в иностранных портах. Ведь нам придется еще иметь дело и с французами, и с англичанами, и с морской полицией, и еще мало ли с кем. Тут надо быть начеку. Я тоже за Николая Львовича. Он доказал нам свое хорошее отношение к команде, а чтобы он не чувствовал себя неловко, мы поступим так, как это делается в Красной Армии. Мы дадим ему комиссара, и комиссаром будет Андрей. Верно?

— Верно! — закричали матросы. — Вот ловко придумал!

— Ты, Андрей, будешь самым южным комиссаром на свете, — смеясь, сказал Кованько и хлопнул Андрея по плечу. — Почти у самого экватора. Вот это номер!

— Так-так-так, — сказал весело Андрей. — Как, ребята, возражений нет?

— Нет. Припечатано! — заорали матросы, поднимая руки. — Крой дальше!

— Ну, дальше легче! Предлагаю старшим помощником — товарища Кованько. Боцманом — Загурняка. Есть возражения? Нет. Ну, и ладно. Остальные все на своих местах. Только чур, ребята, это не в шутку. Кто забудит, взгреем, и не хуже, чем рыжий черт.

— Ты не пугай, комиссар, а то разжалуем, — смеясь, сказал Вороненко. — Еще, гляди, зазнаешься. Андреи смеялся, обнажая большие белые зубы.

— Нет уж, брат, поздно, не разжалуешь. На, выкуси. — Он протянул ему выразительную комбинацию из нескольких пальцев.

— Скажите, товарищ Гринблат, — спросил Кованько. — Как это вы узнали обо всем, что у нас происходило? Ведь вы же сидели взаперти.

— Хм, — усмехнулся Гринблат, — взаперти-то взаперти, но где есть наш брат-революционер, там есть и конспирация и осведомленность. Сначала мы сидели в полной изоляции, совсем как в тюрьме. Тесно, грязно. Ну, в бую мы едва не погибли. Но уже в пути, когда мы были в Норвегии и капитан жил на берегу, к нам по ночам стал пробираться Андрей. Он спускал нам сверху на веревочке пищу, табак и записки. Мы принимали все это через иллюминатор и отвечали ему записками. Так установилась у нас связь с командой. Потом стали мы разговаривать с солдатами из охраны. Ребята славные. Но с ними мы откровенничать боялись. Кашин держался враждебно. Старый служака, тупая голова и к тому же кулак-партизан. Из таких формировались самые стойкие кадры белых. А когда после бури на судне началось брожение, к нам стал заходить якобы с поручениями от капитана Сычев. Он и с солдатами вел какие-то переговоры и с нами говорил. Теперь-то мы знаем, что ему удалось сагитировать их, и они сначала не приняли участия в бою против нас, а затем даже примкнули к нам. Но какой-то он странный был, этот Сычев. Неразговорчивый. Удивляло нас, что он оказался не на стороне команды, и мы боялись провокации. Но он завоевал наше доверие решительным образом. Однажды ночью он принес нам в каюту сверток. В нем оказались два револьвера с запасными обоймами. При револьверах была записка: «Готовьтесь к бою!» Ну, тут уж сомневаться не приходилось — мы сообразили, что он прикинулся сторонником капитана только для того, чтобы помочь своим, матросам. Вот мы и приняли участие в бою. Да, бой был горячий. Революция на пароходе в океане.

— Вот так штука! — протянул удивленно Кованько. — Какие, оказывается, тут дела делались. А мы, как слепые котята, ходили. Но какой же все-таки прохвост был наш капитан!

— Вы, Сергей Иванович, еще не все-то знаете, — сказал Андрей.

— Как не знаю? Мы ведь с Николаем Львовичем прошли по его бумагам обстоятельно. Там такие перлы нашли. Настоящий авантюрист.

— Вот что? Вы бы нам завтра рассказали обо всем. Все, что разыскали в бумагах. Да перед всей бы командой. Пусть знают!

— Кстати, и новый капитан пусть сообщит, куда идти намерен и что делать со «Святой Анной» будем, — подхватил Гринблат.

— Верно, ребята. Давай завтра устроим еще одно собрание. А?

— Что ж, я согласен, — сказал я. — Пусть и Андрей тоже выступит.

— Да мы вместе, Николай Львович. А как вы думаете, когда мы в Сан-Винcente будем?

— Думаю, завтра к вечеру или послезавтра утром.

Там — суток двое, да и дальше. Я думаю, в Сан-Винcente угля много не брать, лишь бы добраться до Гибралтара, а там уж погрузим на весь путь, куда идти решим.

— Ну, ладно, — сказал Андрей, — пока за работу. Судно-то все еще — как разбитая баржа. Надо малость приукраситься. Пошли, ребята!

Сигнал, созывавший команду на общее собрание, звучал весело и задорно. В кубриках и каютах не осталось никого, отсутствовали только вахтенные да раненый кок. Тут же были и кочегары Степанов и Ионин. Оказалось, что они бесменно работали в машинном под угрозой расстрела все время, пока продолжалась осада матросского кубрика. Они с радостью присоединились к восставшим. На баке установили стол, натянули над ним тент, и команда расселась на чистых досках палубы, на подостланных брезентах. Некоторые примостились у лебедки. На длинной скамье, принесенной из кубрика, у небольшого стола уселись Андрей, Гринблат, Кованько, старший механик и я. Кованько выглядел именинником.

Всю долгую ночь накануне мы сидели с ним над бумагами капитана. Расстегнув воротники рубаш и наполняя пепельницы горами окурков, мы рылись по всем ящикам капитанских столов и шкафов, уничтожали ненужный хлам, личные письма, непонятные записки и отбирали в сторону все, что проливалось свет на деятельность капитана, его планы и тайные замыслы, — словом, все, что так или иначе имело отношение к судьбе «Св. Анны» и ее команды. Сначала мы изумлялись каждой новой мелочи, читали друг другу вслух записки, телеграммы, счета, заметки, возмущались, кричали, но потом попривыкли и, деловито разбирая ворохи корреспонденции, мало-помалу восстановили ясную картину всех подвигов капитана.

Больше всего помог нам дневник капитана. Это была тетрадь с лаконическими сухими записями. Можно было без труда усмотреть в этих немногих размашисто написанных строках, что тетрадь появилась на свет с исключительной целью держать в порядке все личные и служебные дела, иметь под рукой даты всех примечательных событий, личные обязательства, чужие обещания, долги и т. п. Несмотря на это, дневник сослужил нам немалую службу, — он был схемой всех событий, имевших место на «Св. Анне».

Под утро мы уговорились с Кованько, что доклад о деятельности капитана и о нынешнем положении «Св. Анны» будет делать он. Я не люблю и не умею выступать перед большими собраниями. У меня нет ораторского таланта, и самую интересную, волнующую мысль я передаю вслух сухо и беспомощно. Мне не пришлось долго уговаривать Кованько. Он согласился без колебаний. Мало того, я чувствовал, что он рад этой неожиданной обязанности. Ему льстило, что он первый растолкует всей нашей команде всю сложную историю скитаний белого русского корабля с красной командой и авантюристом-капитаном.

Кованько деловито разложил на столе все свои записки, капитанский дневник, пачку телеграмм и документов и один из первых занял место у стола.

— Ребята, товарищи! — начал Андрей, открывая собрание. — Вот мы теперь на своем, отвоеванном у белых корабле. Сейчас от штурмана Кованько вы услышите обо всем, что вытворял наш капитан. Вот вы не верили мне. Теперь полюбуйте сами!

— Товарищи, — неожиданно робким, почти замирающим голосом начал Кованько. — Сколько лет я живу...

— Много? — усмехнулся кто-то из матросов. — Годков, поди, семьдесят!..

Кованько смутился еще больше. Андрей строго посмотрел на смеявшегося.

— Ну, пусть немного, но все равно... Никогда я не видал такой подлости, такого предателя, как наш капитан! Теперь нам в руки попали все его документы и даже дневники, и мы можем с его собственных слов узнать обо всем, что он затевал и что сорвалось только случайно.

— Не совсем случайно, — сказал Гринблат. — Так и должно было случиться.

— Ну, пусть так. Не умею я говорить, ребята! Вы уж лучше меня не перебивайте.

— Ну, ладно, ладно! Не будем, — сконфузился и Гринблат. — Валяйте, Сергей Иванович!

— Так вот, я постараюсь рассказать вам обо всем по порядку. Начну я с нашего прихода из Архангельска в Норвегию. Уже в Тромсе капитан получает одну за другой три телеграммы от марсельской конторы с категорическим приказанием идти немедленно в Марсель и оттуда дальше в Крым. По-видимому, наше оружие хотели переслать Врангелю. Капитан отвечает на эти телеграммы сообщением о том, что у нас во время ледяного похода сломалась лопасть винта, поврежден руль и имеются пробоины в бортах, а потому мы вынуждены, кое-как починившись в Тромсе, идти в Берген или в Гамбург и там стать в док для большого ремонта. На ремонт он требует у хозяев крупную сумму денег. В качестве

доказательства аварии он посылает марсельской конторе какой-то подложный акт осмотра судна в Тромсе. Сначала в деньгах ему отказывают, но потом высылают 30, затем еще 70 тысяч рублей в иностранной валюте. Вот почему он так бежал в Тромсе на почту и в банк, чуть ли не ежедневно, не доверяя никому получения денег и всей своей корреспонденции. Одновременно он ведет переговоры с местными торговцами и берет по очень низкой цене фрахты на перевозку грузов между норвежскими портами. Цены были такие низкие, что никто конкурировать с ним не мог. Это ведь и понятно. Судно было чужое, жалование команде он не платил и не нес почти никаких расходов. Уголь был куплен еще правительством Северной области, и в кассе капитана лежали 100 тысяч рублей наличными. Так! Затем добрались мы до Бергена. До этого времени, если верить записям капитана, он только мечтает заработать на фрахтах и сэкономить на ремонте. Затем, по-видимому, в Бергене, ему приходит в голову мысль сбежать в Гамбурге со 100 тысячами рублей, присланными марсельской конторой. Он уже готовится к бегству, но случайно встречает в этом огромном порту приятелей — морских капитанов и торговцев, с которыми он был знаком еще со времени довоенных рейсов на различных русских пароходах, и эти друзья внушают ему мысль, что он легко может получить выгодный фрахт в Южную Америку и там, в какой-нибудь второстепенной республике, вроде Уругвая, продать «Святую Анну» со всем ее грузом, а деньги присвоить себе. В Южной Америке легко сговориться с властями при помощи взятки. После этого нетрудно будет посадить команду на берег и заменить ее американскими моряками. На такой груз, каким были заполнены трюмы «Святой Анны», в любой южноамериканской республике найдутся любители. Английские и французские винтовки легко найдут себе применение в Парагвае или Чили. План — дерзкий, но ставка была соблазнительной, и капитан решился. Он заплатил команде часть денег, погрузил на «Святую Анну» грузы на Южную Америку и двинулся в Атлантику. Когда мы были в Гамбурге, ему казалось, что возбуждение на корабле затихает, что Андрей теряет авторитет и от него со временем можно будет избавиться. Тогда же он решил не платить всех следуемых матросам денег.

Но уже в Северном море и в Ла-Манше он понял, что просчитался. Тогда он решил, что лучше заплатить побольше некоторым из матросов, чтобы не платить всем. Он наблюдает за командой день за днем, заносит в свою книжку фамилии матросов и кочегаров, внушающих ему доверие. Записывает, потом вычеркивает, потом опять записывает. Наконец в Ла-Манше ночью он посылает Глазова за Шатовым, Сычевым, Фоминым, Жиговым и другими и таинственно у себя в каюте разговаривает с ними, стараясь окончательно установить, можно ли их подкупить или нет. С Жиговым у него дело не вышло. Ничего не подозревавший Жигов говорил с капитаном прямодушно, начистоту, и капитан немедленно вычеркнул его из списков своих сторонников. Зато в других случаях клонуло: Шатову, Сычеву и другим он сразу заплатил сполна жалование за три месяца и за три месяца вперед. Через несколько дней, убедившись в правильности своего выбора, капитан делает своим сторонникам предложение участвовать в захвате судна, сулит часть добычи при дележе. Мы видели, что капитанский отбор оказался удачным. Рыжий черт попал в точку и ожегся только на Сычеве. Сычев сразу согласился на капитанское предложение, но про себя затаил далеко не дружественные капитану намерения. Из командного состава капитан решил привлечь в свою компанию одного Чеховского. Нам с Николаем Львовичем он не доверял чуть ли не с самого начала. О нас в его дневнике имеются самые недоброежелательные и даже ругательные записи. В одном месте он пишет, что намерен отдать нас, как бунтовщиков и красных, под суд по приходе в какой-нибудь английский или французский порт. Сначала он не открывает заговорщикам все свои замыслы. Когда же команда «Святой Анны» опять начинает бузить, угрожая отказом в повиновении, он готовит свою партию к настоящему бою. Он вооружает всех своих сторонников револьверами и обещает продать судно в Южной Америке и поделить деньги между всеми участниками заговора. Ему без труда удалось получить согласие от всех компаньонов. Но, как видно из дневника, бурной ночью, во время плавания у берегов Англии, перед выходом в Бискайю, он договорился с Чеховским и Сычевым, что на самом деле дележ будет произведен только между тремя, остальным же, то есть Шатову, Глазову, Фомину, можно будет дать по шапке.

Когда началась буря, капитан уже на третий или четвертый день приказал радисту дать сигнал бедствия и сообщить в Англию и Францию о неизбежности гибели «Святой Анны». Этим он хотел заставить марсельскую контору вычеркнуть «Святую Анну» из списков и тем облегчить ему продажу корабля в Южной Америке и все дальнейшие шаги уже в роли новоявленного капиталиста. Вероятно, нас уже занесли в число погибших, и это, может быть, поможет и нам в дальнейшем.

Из всего этого видно, что капитан был человеком беспринципным, заботившимся только о личных и притом грубо корыстных интересах. Разумеется, ни родина, ни белое движение не были ему дороги. Красных он ненавидел, а от белого движения, как и большинство его сознательных участников, ждал только личных выгод. Больше всех из команды он ненавидел Андрея Быстрова. В записках то и дело попадаются строки, в которых он клянется сжить Андрея со света, обещает выдать его военным властям, собирается оклеветать его и подвести под смертную казнь. Не было у него доверия и к прочим членам команды «Святой Анны». Это был одинокий матерой волк, приглядевший себе крупную поживу, которую

он никому не хотел уступить. Ну что ж, — закончил свой доклад Кованько, — волчий план провалился, и вот мы теперь плывем на завоеванном нами корабле.

— Здорово заверчено, — сказал среди общего молчания Загурняк, закручивая «собачью ножку».

— А Сычев-то наш! Кто бы сказал? — задумчиво поддержал Жигов. — Думали — человек кремь, не отколол от капитана. А он поди-ка. И ловкость показал и нашего брата не продал.

— А кок, ребята! — крикнул Павло Вороненке. — Чем не герой?

— Ну вот что, товарищи герои, — сказал Гринблат. — Доклад товарища Кованько нам остается только принять к сведению. Многим это будет хорошая наука на всю жизнь. Ну, а теперь давайте поговорим о том, что делать дальше. Думается мне, что перед нами нелегкая задача.

— Гринблат дело говорит, — подхватил Андрей. — Вали, ребята. Кто имеет предложение?

— Какие предложения? — сказал один из кочегаров. — Вы уже, наверное, удумали, что делать, — так и ваяйте ваши предложения, нечего народу голову вертеть.

— Никто ничего не удумал, — ответил Яковчук. — Не до этого было. Утро, мол, вечера мудренее. Ну вот утро и есть, — ну и думать пора. Я, ребята, думаю, что в Америку нам идти все-таки не рука.

— К черту Америку! На кой она леший? Сколько лет домов не видали, — заголосило большинство.

— А как же груз, ребята? — заикнулся старший механик.

— А пусть его кто хочет, тот и везет. В крайности деньги вернуть, — предложил Загурняк.

— Ну, а ты скажи, куда идти-то, голова! — толкнул его в бок Жигов.

— Куда? Известно, — в Марсель. Там капитана расшифруем и опять в море или еще куда.

— Так, может быть, все-таки в Америку с пересадкой в Марселе? — спросил, ехидно улыбаясь, Андрей.

— Зачем в Америку, ближе есть места.

— В Австралию, что ли? — еще ехиднее перебил Андрей.

— Да ты что зубы скалишь, комиссар горячий? Ты что хочешь? Если не в Марсель, так куда же?

— А вот куда — в Россию!

— В Россию?! — удивленным хором раздался голоса. — Куда в Россию, в Архангельск?

— Зачем в Архангельск? В Одессу, к красным...

— Андрюша, что ты, спятил, что ли? — спросил Кованько. — Кто ж тебя пустит? А Босфор? А Дарданеллы? Или ты собираешься дунуть по воздуху?

— Постойте, постойте, товарищ Кованько, — перебил Гринблат. — Это не так глупо. Я сам об этом думал и полагаю, что ничего невозможного тут нет. Придем мы в Гибралтар. Заявим властям, что воскресли из мертвых, починимся и айда как будто на Марсель. А сами пойдем вдоль африканского берега, мимо Алжира, Туниса, через Мальту, на Зею и на Стамбул. Единственная настоящая трудность — это миновать Дарданеллы и Босфор. Ну что ж, в Гибралтаре получим газеты и ориентируемся в положении вещей. Я полагаю, что особых перемен со времени нашего ухода из Гамбурга не случилось. Ну, а если так, то, значит, Крым в руках Врангеля. Вот мы и повезем ему оружие, якобы по приказу марсельской конторы. У нас и телеграфные приказы об этом есть. Мы можем предъявить их в константинопольском российском генеральном консульстве. Консул нам во всем этом деле и поможет. Кто же откажется от груза оружия!

— Но ведь и в Гибралтаре и в Константинополе будут проверять наши бумаги, — вскипятился Кованько. — Что же мы скажем? Где капитан, где боцман, где старший? Разве дело так оставят?

— Да, неладно, товарищи, — усомнился Жигов.

— Пустяки, — спокойно ответил Андрей и посмотрел на Гринблата. Тот сочувственно кивнул ему головой. — Мы же ведь бурю какую вынесли. Судно погибало, — капитан сам радио об этом дал. Могло ведь погибнуть несколько человек. Ну, составят акт, а мы все, как один, одно и покажем. Верно, ребята? Сговоримся и покажем. Вышвырнем одну шлюпку. Скажем, капитана волна смыла, а боцман с матросами и старшим спасали упавшего капитана и сами погибли. Дело? Ведь не плохо придумано.

— И о том, что капитан прохвост был, так никто и не узнает? — с сожалением заметил Жигов.

— Никто, товарищ! Деткам своим расскажешь, — усмеялся Андрей. — Чувствительный вы, как я вижу, народ, ребята. И груз куда денется, и что о капитане говорить будут? Да черт с ним, со всем этим. А вот когда мы вместо Крыма в Одессу пароход с винтовками, патронами да снарядами доставим под носом у Антанты проклятой, вот это дело будет, вот это пуля! А, ребята?!

— Верно! — закричал Загурняк.

— Верно, товарищи, верно! — смеялся в бородку Гринблат.

— Ну, капитан, твое слово, — сказал довольный Андрей.

Я встал. Я не думал, что и мне придется говорить. Помнится, я так отвечал ребятам:

— Что ж, товарищи, пойдем в Россию. Жена и сын мой в Ревеле, — значит, за границей. Но вас я не оставляю. Корабль вести надо умело, иначе можно и не дойти, да и подозрение легко возбудить. Я доведу «Святую Анну» до Одессы. Только уж порядок, товарищи, держите. В портах спиртного ни-ни! Проболтаетесь — всем будет плохо. А я с вами, товарищи. Все силы приложу...

Вот тут и поднялась заваруха. Повскакали наши матросы и кочегары со своих мест, подхватили меня, качать стали. Так подбрасывали, что жутко было. Кричали, поздравляли, шумели.

Весело прошел этот день на «Св. Анне».

Глава девятая

Тяжелая, удушливая жара нависла над главным городом островов Зеленого Мыса — Сан-Винцентом. Солнце накалило медные части парохода и даже гладкие доски палубы и брезентовый тент, раскинутый над ютом. Днем невозможно ни грузиться, ни работать над приведением в порядок палубы. Только вечерами туземцы в широких соломенных шляпах, на которых осело доброе кило угольной пыли, с черными корзинами за плечами, бегут гуськом от угольных куч на берегу к угольным ямам на пароходе. В эти часы некуда деваться от черной пыли, которая мгновенно пластами осаждается на всей палубе и в особенности на потном, горячем теле.

На горизонте поднимаются массивы и пики островов. На море штиль, и волна еле трепещет у высокого берега. Всех обуяла лень. Она победила даже горячее стремление идти скорей домой, в Россию.

Больше трех дней шла погрузка угля первобытным способом. Здесь грузят уголь только мелкие суда или пароходы, израсходовавшие свои запасы раньше срока, вследствие бури. Лайнеры, идущие из Европы в Буэнос-Айрес и Рио-де-Жанейро, получают полную порцию топлива в самом начале своего пути.

На четвертый день утром острова Зеленого Мыса тают вдаль, уходя в синюю глубину океана, и «Св. Анна», все еще с поломанной мачтой, замененной временным коротким бревном, идет к северу. Жара не спадает, и на палубе течет ленивая жизнь. Скованы руки и язык, и даже мысли тяжело ворочаются в уставшей от духоты голове.

Три дня пути до Канарских островов. В порт не заходим, и только высокий пик Тенериф проходит в стороне гигантским каменным столбом, знакомый всем морякам, совершающим рейсы в средней части Атлантического океана. И вот опять бесконечное синее море, на котором чуть колышутся встречные парусники, и горячее небо, с которого глядит вниз, на водные просторы, добела раскаленное солнце. Но здесь уже прохладнее ночью, и в звездные часы на палубе дышится легко.

На четвертый день пути от Канарских островов придвинулись с востока скалистые берега Африки и, наконец, на розовом утре встал перед нами Гибралтар.

К приходу в порт мы готовились тщательно и не без боязни. Гибралтар не простая коммерческая гавань. Это крепость — гранитные ворота Средиземного моря, у которых англичане пристроили неплохой военный и полицейский пропускной пункт. В Гибралтарском порту каждый человек на учете, за каждым кораблем, за каждой матросской курткой есть свой глаз. Мы было думали вместо Гибралтара зайти в Танжер или Алжир, но потом решили, что лучше идти прямо к льву в пасть. Гибралтарская виза на судовых книгах — хороший паспорт по всему Средиземному морю. К тому же в эти дни все было за нас. После бури во все порты Атлантического побережья пришли десятки истрепанных, искалеченных судов, и приход «Св. Анны» без мачты, с поврежденными частями и с несколькими утонувшими во время бури сочтут, конечно, весьма обыкновенным явлением. Зато здесь можно будет запастись прекрасным кардиффским углем, починиться, поставить мачту, пересмотреть машину и исправить мелкие повреждения, причиненные бушующей волной всем палубным надстройкам.

Испанский берег, поворачиваясь, отходил к северу, и перед нами постепенно открывалась обширная круглая бухта, берега которой усеяны городками и селениями. Белые домики Альхезираса и Линеи тонули в зеленых садах. Невысокие, лысые, неприветливые испанские горы отлогими холмами спускались к морю. Посредине бухты, вытянувшись в два длинных ряда черными неуклюжими коробками, стояли старинные фрегаты и корветы, лишенные мачт. Эти ветераны Крымской кампании служили теперь плавучими угольными ящиками.

К востоку береговая линия резко снижалась, переходила в низкую песчаную косу. Волны, казалось, вот-вот зальют ее с двух сторон. Но неожиданно буйным полукилометровым отвесом вздымалась здесь вверх серая скала, точно чья-то капризная рука бросила ее на песчаную отмель. Этот гигантский камень, полкилометра в высоту, три километра в длину, был начисто вымыт и дождями и ветрами. Его серый гранит был гол и лишен растительности. У подножия его, на узкой, поднимающейся тремя террасами береговой полосе бухты, протянулась единственная улица города-крепости Мэнхеттен. Теснота, казарменные постройки, чахлая зелень полутропических садиков, плоские восточные крыши. Ниже лежит прекрасная военная гавань с доками, верфью, военными заводами, наполненная массой боевых и вспомогательных судов, всегда оживленно строгая, недоступная для чужеземца. Из-за серого бетонного мола внутреннего военного рейда поднимаются высокие мачты линейных судов, толстые приземистые трубы дредноутов и башни крейсеров.

Матросы, никогда не видевшие Гибралтара, столпились на палубе вокруг Гринблата, который рассказывал им историю этой замечательной крепости, отнятой англичанами у испанцев.

— Вот вы посмотрите, — видите ли вы где-нибудь орудия батарей?

— А вон наверху видна длинная пушка. Вон, где флаг стоит, — сказал Косюра.

— Ну, хорошо. Это одна, это против аэропланов, а я вам скажу, что на вас смотрят сотни орудий, но их не видно, они все в скале и хорошо замаскированы. Весь этот камень изрыт внутри проходами, коридорами, большими залами. В нем-то и помещается крепость. Внизу, у подножия скалы, ходы внутрь, и оттуда по лифтам и лестницам можно попасть на самую вершину и в любой из коридоров, которые ведут к батареям и складам снарядов. Пороховые склады, мастерские — все это также внутри скалы. Одно время говорили, что Гибралтар обрушится, если одновременно выстрелят все его орудия, что он устарел, что его нужно бросить. Но теперь англичане вновь укрепили его, и он по праву может считаться одной из сильнейших крепостей мира. Отсюда до Сеуты — 18 километров. Гибралтарские пушки легко обстреляют и потопят любое судно, которое попытается проникнуть в Гибралтарский пролив без разрешения англичан. А через этот пролив лежат пути в Индию, в самую богатую из английских колоний, в Египет, в Китай, в Индонезию. Вот почему англичане так дорожат Гибралтарским проливом и Суэцким каналом. Пока оба эти выхода из Средиземного моря в их руках, все это море и вся торговля с Индией находятся под их контролем.

— А на берег здесь пускают?

— Обыкновенно пускают, но по особым пропускам. Они действительны на один день и только до пушечного выстрела в 10 часов вечера. По этому сигналу все посторонние граждане обязаны немедленно покинуть крепость. Утром по новому пропуску можно опять идти в город.

Порт приближался, и я отправился в капитанскую каюту, чтоб привести и себя и наши бумаги в порядок перед приходом портовых властей. Как мы и ожидали, наши бедствия, поломка мачты и потеря в людях никого не удивили. Невиданная буря свирепствовала 12 суток по всей Атлантике, и многие суда приходили в порт в еще худшем состоянии, чем «Св. Анна». А некоторые ожидавшиеся в порту корабли так и не появились.

Нам было разрешено чиниться в порту на рейде и погрузить уголь с одной из барок, обслуживающих коммерческие суда.

В свободное время матросы бродили по накаленному асфальту гибралтарского Мэнхеттена, зевали у витрин небогатых портовых магазинов, у казарм, перед которыми гусиным шагом маршировали часовые и на крышах которых на длинных веревках неизменно сушилось белье. Иногда компанией брели по крупному белому песку к испанской границе. Здесь у деревянных ворот стояли пестрые, как попугаи, испанские пограничники в треуголках с плюмажами, в зеленых куртках и синих штанах с цветными лампасами. Здесь можно было сесть в автобус и ехать в Малагу, Альхезирас или Сан-Роке, где в грязноватых, усиженных стаями мух кафе, под стук излюбленного испанцами домино, можно было тянуть сладкую тягучую малагу. Вечером вновь возвращались на корабль.

Через несколько дней ремонт «Св. Анны» был закончен. Уголь, провиант и вода погружены, и, переждав еще один лишний день в гавани из-за шторма на Средиземном море, «Св. Анна» двинулась на восток, придерживаясь африканского берега. Когда мы отошли километров на десять — пятнадцать от Гибралтара, Гринблат сказал мне:

— А знаете, я только теперь понял, почему древние называли этот пролив «Геркулесовы Столпы». Посмотрите. Какие два гигантских высоких камня — Гибралтар и Сеута! И словно их кто-то нарочно здесь поставил. Кто-то могущественный, как Геркулес.

Я оглянулся назад. Два серых высоких утеса, словно два стража пролива, медленно уходили вдаль.

— Смотрите, как отшлифован бок гибралтарской скалы с этой стороны. Здесь, вероятно, и находятся сильнейшие батареи.

— Да, хорошая фортеция, — согласился я, и мы долго еще смотрели на удалявшиеся гранитные массивы.

— А все-таки, знаете, я рад, что мы уже вышли из-под обстрела английских пушек — как-то не по себе было, — проговорил вдруг Гринблат.

Африканский берег поднимался Атласским хребтом в каких-нибудь 3—4 километрах от пути «Св. Анны». Четыре дня шли горные цепи на юге. Скалистый пустынный берег был дик и однообразен. Днем жгло горячее солнце, ночи были украшены влажными звездами, и прохлада позволяла отдыхать от томительной духоты.

Люди дремали на палубе под тентом в испарениях от зноя. Кочегары то и дело выбирались на палубу из «ада». По черным, закопченным лицам текли тонкие струйки пота, слипшиеся волосы падали на лоб, глаза были воспалены. Кочегары глотали воду, кружка за кружкой, из стоявшего у спардека бака и, обтирая грязной тряпкой мокрые лбы, опять гремели сапожищами по железному трапу, который вел вниз, в «преисподнюю».

Зато ночами палуба оживала. Уже не под тентом, а под открытым шатром неба, лицами вверх, с открытой грудью лежали матросы и кочегары, и здесь велись бесконечные беседы. В центре всегда был Гринблат. Он стал за эти дни любимцем команды. Умный, вдумчивый, вежливый, но вместе с тем и твердый, упорный в своей вере в революцию, он умел разговаривать с матросами, как свой человек. У него были обширные познания в области гуманитарных наук, он прекрасно знал историю и в особенности

историю классовой борьбы. Его голова была набита разнообразными сведениями, справками, цифрами, цитатами, даже стихами, и он так живо, так горячо комбинировал в своих рассказах эти познания, умел таким понятным языком говорить о самых сложных вещах, что матросы готовы были слушать его целыми часами, засыпали вопросами, и авторитет Гринблата рос с каждым часом.

Матросы любили слушать его рассказы об Америке, где провел он юные годы как эмигрант, об английской тюрьме, в которой он сидел в 1918 году за отказ идти на фронт, и в особенности страшную повесть о знаменитой Иоканке. Рассказ о пребывании в Иоканке Гринблату пришлось повторить, вероятно, раз десять. И старые и новые слушатели относились к нему с величайшим вниманием. Легендарная Иоканка была знакома почти всем матросам «Св. Анны». Я сам слышал этот рассказ не менее трех раз и хочу записать его. Он этого стоит.

— Вот и назначили меня, ребята, комиссаром М-го батальона, — так обыкновенно начинал Гринблат, — и направили на Печорский фронт. Был я на Западе, на войне империалистической, бывал и на других, гражданских фронтах, но такого не видал. На тысячу верст кругом — все лес да болото, болото да лес. И ходить-то по этому лесу можно, только перепрыгивая с кочки на кочку, с корня на корень. Кругом день и ночь шумит старый лес, и где юг, где север, сразу не разберешь. Шли мы обычно по берегу какой-нибудь реки. Останавливались, посылали вперед разведку и опять шли. Против нас стояли партизаны из крестьян-раскольников да кое-где добровольческие роты. И у них было мало людей, и у нас тоже не густо. Куда? Разве в такую глушь затащишь артиллерию или обоз? А без обоза какое же войско? Так партиями и воевали. Что делалось по бокам, в стороне от пути, мы никогда толком не знали, ну а уж что было впереди нас, об этом и понятия не имели. Когда встречались с такими же партиями врага, приостанавливались. Фронта не было. Какой фронт на болоте, да еще когда кучка людей действует на сотни верст без тыла, без резервов, так, сама по себе, сама себе республика? Старались обойти партию противника, чтобы окружить ее и захватить в плен. Разумеется, белые такую же тактику применяли к нам. Это была жестокая война на истребление. Партизаны ненавидели красноармейцев. Это были крепкие хозяева, не желавшие подчиниться новым порядкам, религиозные, горячо привязанные к своим местам и преданные вековым обычаям и обрядам. Красноармейцы ненавидели партизан за меднолобое упорство и, главное, за жестокость.

Это были страшные дни. И вот, чтобы хоть немного чувствовать себя в безопасности, строили мы в лесах, на берегу рек и ручьев, блокаузы, небольшие крепостцы из толстых сосновых стволов, благо лесу было сколько душе угодно. Такие блокаузы строили когда-то первые пионеры белой расы в Америке, и эти крепости защищали их от хищных зверей и краснокожих. Бывало, трещит на дворе тридцатиградусный мороз, сосны гудят от ветра, а мы запремся в такой крепостце и отсиживаемся у огня и от холода и от волков, что воют ночами и свирепыми голодными глазами блещут в темноте. А то приходилось отсиживаться и от врага. Налетит на нас партия партизан-лыжников, и пошла перестрелка.

И вот однажды получили мы письмо из стоявшего против нас белого отряда, который занимал такой же блокауз на другом берегу лесной речонки, верстах в пятнадцати от нас. В письме сообщалось, что в отряде много недовольных белым режимом и если мы на них ударим, то часть гарнизона присоединится к нам и выдаст своих офицеров. Все это передавал нам верный человек, который всю зиму держал с нами связь, оставляя записки в дупле старой, разбитой молнией сосны; и мы решили попытаться счастья. Звездной ночью надели мы белые балахоны, стали на лыжи и пошли по серебристому глубокому снегу. Перешли реку по льду, обошли со всех сторон блокауз белых и стали понемногу перебегать, смыкая кольцо бойцов вокруг бревенчатого укрепления. В блокаузе все было тихо, и только белый султан дыма поднимался над срубом и стоял в безветренном, крепком морозном воздухе прямым, расширяющимся кверху столбом.

Уже наши цепи подошли на 5—6 саженей к бревенчатой ограде, как вдруг против нас разом заработало несколько пулеметов. Огонь был неожиданный, меткий.

Мы сразу поняли, что попали в ловушку.

Ринулись было назад к реке, но здесь нас ждали еще два спрятанных в кустах пулемета, которые и взяли всю партию под перекрестный обстрел.

Не знаю уж, сколько из наших осталось в живых. Я упал под старой сосной, раненный в ногу, и после боя белые приволокли меня в блокауз. Здесь мне показали труп нашего друга-солдата. У него были переломаны и выворочены руки, на лбу зияла кровавая красная звезда... Я понял причину нашего поражения и хорошо представил себе, как было написано письмо, которому мы поверили.

Меня не убили — я и до сих пор не знаю почему, — а весной отправили в Архангельск. Кажется, меня приняли за важного большевика и хотели обменять на какого-то захваченного в плен князя. Но по дороге в Архангельск мне удалось бежать с барки и скрыться в кустах на берегу Северной Двины. В это время на мне была старая солдатская шинель, и, когда меня, истощенного от голода, нашел на берегу белый патруль, я легко сошел за дезертира, был судим и отправлен в Иоканку. Там я встретился с моими товарищами, которые были арестованы за попытку бастовать. Оба они работали на одном из архангельских заводов и вели агитацию против белых.

Иоканка — вот место, которое я никогда не забуду. Не знаю, есть ли где-нибудь в мире тюрьма страшнее Иоканки.

На пустынном мурманском берегу есть небольшая бухта. Ни деревца, ни куста, ни травы нет вокруг нее на много километров. Кругом только камни и мшистое топкое болото. Море замерзает здесь на 8 месяцев в году. По берегу нет ни дорог, ни тропинок. Даже лопари и ненцы не заходят в эти проклятые места. Здесь круглый год дуют неистовые колющие ветры, от которых никуда не спрячешься; они несут стужу из просторов Ледовитого океана, разбиваются о гранитные скалы берега и кружатся и вьются в полуоткрытой бухте, завывая долгими ночами, как тысячная стая волков. И вот здесь белое правительство Архангельска выстроило дощатые тюремные бараки. Даже царским министрам не пришло в голову выстроить тюрьму в таком месте. Строили наскоро, наспех. Меж досками стен остались щели. Крыша была вся в дырах. Ветер, дождь и снег свободно гуляли по баракам.

Это была «краткосрочная» тюрьма. Здесь никто не мог выжить дольше 3—4 месяцев. Цинга, простуда, чахотка — вот что ждало заключенных. Бараки были обнесены несколькими рядами колючей проволоки, но даже если бы у нас не было часовых и все выходы были бы широко раскрыты, все равно отсюда никто бы не ушел. И то, что нам все же удалось выбраться из этой каторжной тюрьмы, похоже на чудо. В Архангельске временно получили влияние эсеры, нас внезапно потребовали в Архангельск на суд, и мы попали на «Святую Анну». Вы, вероятно, жалели нас все это время, а для нас после Иоканки наша каюта показалась раем. Впрочем, теперь, — закончил Гринблат, — Иоканка кажется мне каким-то странным сном. Не верится, что может быть на самом деле такое страшное, проклятое место.

После рассказа об Иоканке обычно все долго молчали.

Но потом опять на Гринблата сыпались дождем вопросы о белых, о красных, о землях, мимо которых мы проходили, об Африке, о Сахаре, о Риме и Карфагене, и у этого человека были всегда готовы ответы, толковые и ясные, связанные одной мыслью, одной проникновенной идеей.

Засыпали под утро здесь же на палубе, и только жара поднимающегося дня опять выгоняла всех под тент. Только самые непоседливые следили на носу под палящими лучами солнца за резвым бегом дельфинов, кувыркавшихся в зеленой воде у самого судна, или безуспешно пытались поймать на приманку одну из акул, проносивших в стороне над волной высокие серые плавники.

За Бизертой стало еще жарче. Здесь дышала великая африканская пустыня. Термометр показывал 57° по Цельсию, и даже деревянные части предметов нельзя было трогать обнаженной рукой. Только у мыса Бурь, иначе Матапана, где начинается Эгейское море, жара смягчилась.

«Св. Анна» пошла вдоль высоко поднимавшихся над морской поверхностью греческих островов — Эвбеи, Андроса, Зеи, скалистых, с веселыми рошицами на берегу и белыми, в пышной пене ручьями, сбегающими с каменистых гребней. Поздно ночью в лунном свете встал из волн величественный Лесбос, красивый, как сказка, а наутро начались Дарданеллы.

Матросы с любопытством смотрели на развалины старых турецких замков, стоявших у самого входа в пролив, и на исковерканные, выброшенные на берег корпуса броненосцев и транспортов — следы небывалой бойни за проливы, на разоруженные и теперь уже не замаскированные турецкие батареи, которые несколько лет назад так успешно сражались с огромной эскадрой Антанты.

В Чанаке — долгий, томительный санитарный осмотр судна, а затем — синее Мраморное море с островом, огромной глыбой мрамора, где зеленые кусты упорно вьются по бело-розовым скалам, и, наконец, ранним утром в лучах розовой зари — чудо мира — Стамбул и Босфор.

Темно-зеленым массивом, пряча в зелени кипарисов и чинар невзрачные домики предместий, поднималась на востоке Эскидара-Скутари, кладбище Константинополя; на западе под прямыми лучами восходящего солнца на бортах пологого холма, розовые, белые и зеленые, поднимались стены Ильдыз-киоска и обширных дворцовых гаремов. Над невысокими домами вздымались мечети с широкими зелеными и красными куполами, и над ними остриями в небо летели, словно стрелы, стройные минареты с узенькими серыми кольцеобразными балкончиками. Внизу массивная Айя-София, выше ослепительная нарядная Ахметия, и совсем наверху высокого холма — Гамидия. На другом берегу усеянного мелкими и крупными судами Золотого Рога поднималась Пера, увенчанная круглой башней, и грязная Галата шумела внизу и переливалась интернациональной толпой.

Команда сейчас же рассыпалась по городу, а я и Кованько отправились к русскому консулу. Сознаюсь, не без трепета шел я на это свидание. Я не дипломат и не мастер сочинять. У меня на руках были нами же состряпанные радиотелеграммы, приказывавшие нам от имени марсельской конторы идти к Врангелю и сдать ему груз оружия. Правда, имелись у нас и старые телеграфные приказы, полученные еще капитаном у берегов Норвегии. Хорошо, если консул поверит! Ну, а если он вздумает проверить нас по телеграфу или пожелает задержать в Константинополе?! А что, если Врангель больше не нуждается в оружии? Еще в Гибралтаре мы читали, что дела его не блестящи. А что, если консул назначит расследование для установления причин гибели капитана и старшего? Что тогда? Тогда все откроется, и мы погибнем, и, конечно, в первую очередь мы, штурмана.

Шлюпка доставила нас на берег. В Константинополе места у пристаней дороги, и к стенке подходят только английские и американские пароходы самых богатых компаний. «Св. Анна» стала просто на рейде, ближе к скутарийскому берегу, у знаменитой башни Леандра.

По грязной набережной Галаты мы прошли к фуникулеру и через несколько минут оказались наверху, на блестящей европейской Гран Рю де-Пера. Здесь нетрудно было найти русское посольство. Это один из лучших дворцов на этой лучшей улице города. Под серыми тяжелыми воротами прошли мы во двор и, пройдя под колоннадой прохладного величественного вестибюля, вошли в зал для ожиданий. Через пять минут мы были приняты генеральным консулом. Высокий худой мужчина с аккуратным пробором принял нас сухо. Дела, по-видимому, не радовали врангелевского чиновника. Когда я стал рассказывать ему о приключениях «Св. Анны», лицо его приняло выражение неодолимой скуки и оживилось только тогда, когда я рассказал о буре в Атлантике и о гибели капитана и старшего.

— Так! Значит, вы сразу лишились капитана и его заместителя? Странно!

Я развел руками.

— Заявили ли вы об этом в Гибралтаре?

— Так точно. Мы заявили об этом английским властям.

— Была ли послана телеграмма марсельской конторе?

У меня потемнело в глазах, но я не колеблясь ответил:

— Да, была послана.

— Значит, вы получили утверждение в должности капитана?

Тут уж я не мог врать. Кованько отвернулся в сторону.

— Никак нет.

— Странно, странно, но ведь вы сносились в Гибралтаре с марсельской конторой?

— Да, разумеется.

— И вопрос о вашем назначении остался неурегулированным? Странно.

Консул нервно приподнялся и придвинул стул, на котором сидел, к столу, словно собираясь что-то писать. Мысли закружились у меня в голове. Кованько смотрел на меня с укоризной. Каюсь, я и сам подумал, — зачем не соврал? Авось бы консул поверил на слово. Консул открыл чернильницу и взялся за перо.

— Куда вы направляетесь теперь? Зачем пришли в Константинополь? — спросил он сухо.

— Я получил предписание идти непосредственно в Крым.

— В Крым? Зачем?

— Я уже докладывал вам, что на «Святую Анну» была погружена в Плимуте значительная партия оружия и, после ликвидации Северной области, это оружие было направлено генералу Врангелю. У меня есть целый ряд повторных распоряжений об этом.

Я полез в карман за телеграммами, они казались мне единственным спасением.

— Оружие Врангелю? — вдруг встрепенулся генеральный консул. — И много оружия?

Я понял, что он прослушал все мои объяснения о мытарствах «Св. Анны».

— Да, довольно много. Пулеметы, винтовки, патроны, снаряды. Вот опись. — Я опять отправился в карман за документами.

— Послушайте, но ведь это же замечательно! Вы немедленно должны отправиться в Крым! Немедленно! Идут бои за Перекоп. Оружие нужно, как воздух. Подлецы англичане отказывают нам в новых транспортах. Послушайте, ведь это замечательно! Кстати, вы завтракали?

Он позвонил. Немедленно появились сигары, и генеральный консул, усадив нас в кресла, стал рассказывать, как он устроит все формальности, после чего «Св. Анна» сможет немедленно выйти в Черное море.

— Кстати, капитан, у вас есть свободные каюты?

Я было начал уже успокаиваться. Но этот вопрос опять заставил меня разволноваться.

— Т-так точно. Есть.

— Да, но они в ужасном состоянии, — подхватил Кованько. — Во время бури они сильно пострадали, и мы не чинили их за ненадобностью и отсутствием времени.

— Это ничего! — спешно возразил консул. — Напишите сейчас записку, я перешлю ее на «Святую Анну» — так, кажется, называется ваше судно, — со своим человеком. Отдайте приказ привести все имеющиеся каюты в порядок. Ну, разумеется, по возможности. С вами в Крым отправятся десять офицеров с вестовыми, направляющиеся в распоряжение генерала Врангеля.

Мы с Кованько переглянулись. Это сильно усложняло наше положение. Но делать было нечего. Я написал записку на имя Загурняка, как боцмана. Я писал, что нужно приготовить каюты «для десяти господ офицеров и десяти вестовых». Я боялся сделать какую-нибудь приписку, которая облегчила бы Андрею и Гринблату понимание всего происходящего. Легко могло случиться, что консул пожелал бы прочесть мою записку, и мы попали бы в неловкое и даже тяжелое положение. Нам пришлось понадеяться

на то, что у наших ребят хватит ума и осторожности не высказывать вслух при посланном свои мнения по поводу моего письма.

— Собственно, следовало бы оформить ваше назначение капитаном или же назначить вам кого-нибудь другого, — сказал консул. — Но знаете, оружие нужно так срочно и так это удачно вышло с вашим походом, что я думаю оставить в стороне формальности. Я дам вам письмо в штаб генерала Врангеля, в котором объясню положение вещей, и все формальности с вашим назначением будут совершены в Севастополе. Не так ли?

Я поклонился в знак согласия и подумал: «Неужели все рифы и мели позади? Неужели сошло все гладко?» Пассажиры-офицеры теперь не казались мне непреодолимым препятствием. Будет время, на корабле что-либо придумаем. Там Андрей, Гринблат... Что-нибудь сообразим... Консул поднялся. Встали и мы с Кованько.

— Да, вот еще что. Думаю я, вы не обидетесь на меня, если я назначу к вам на судно эмиссара. Все-таки, знаете, оружие, офицеры поедут, время такое. Вы издалека, из-за Полярного круга, — попробовал он пошутить. — Да, это необходимо сделать, — убеждал он сам себя.

«Опять становится тесно», — подумал я, боясь посмотреть на Кованько.

— Значит, вы не возражаете? — закончил консул. Мне оставалось молча поклониться.

Консул поднял трубку телефона и сказал что-то по-турецки, должно быть, номер абонента.

«Вот не было печали», — думал я в это время.

— Как? Его нет? — разочарованно протянул консул. — Гм! Досадно!

— Ну, что делать. Об эмиссаре я подумаю, — сказал он мне. — А пока за работу.

Через несколько часов «Св. Анна», имея все установленные разрешения, снялась с якоря и двинулась вверх по Босфору. Об эмиссаре ничего не было слышно.

Но на этот раз я уже не мог любоваться ни беломраморными стенами Долма-Бахче-Серая, ни прекрасным загородным дворцом Буюк-Дере, ни рядами домов константинопольских предместий, живописно уходивших своими фундаментами в воды пролива. В кают-компаниях шумела, пела, кричала офицерская компания, доставившая на борт несколько ящиков вина и пива.

На судне был образцовый порядок. Ни одного лишнего человека не было видно на палубе. Я мысленно поздравил Андрея с догадливостью и с организационным талантом.

Только когда живописные анатолийские берега скрылись за горизонтом и кругом раскинулось спокойное голубое море, я вызвал к себе в каюту Андрея, Яковчука и Кованько и мы, наконец, смогли обсудить положение. Гринблат скрывался в матросском кубрике, и мы не рискнули вызывать его на палубу. Его сугубо штатский вид — он никак не походил на матроса — мог внушить подозрения подвыпившим офицерам.

Андрей предложил дожидаться поздней ночи и, когда все разбредется по каютам и лягут спать, арестовать всех вместе или по очереди. Мы согласились с планом Андрея, но пьяная компания разбила наши надежды. Уже занималась заря нового дня, а компания еще и не думала расходиться. Только два молоденьких прапорщика, упившись до положения риз, едва добрались до своих кают с помощью вестовых.

«Св. Анна» была уже на середине Черного моря. Ночью или на рассвете следующего дня, по нашим расчетам, мы должны были подойти к Одессе. Медлить было нельзя. Каждый момент какая-нибудь мелочь могла возбудить подозрение у офицеров, и тогда нам пришлось бы выдержать новый бой на судне с хорошо вооруженными, отчаянными людьми. На новом совещании было решено действовать немедленно.

В полутьме еще только начинавшегося утра команда в 20 человек, вооруженных винтовками, окружила кают-компанию. Вооруженные матросы стали по двое у каждого из шести окон, выходивших в коридоры под спардеком и на бак, а Андрей и Яковчук, с револьверами в обеих руках, вошли в кают-компанию. Подвернувшегося вестового, который спешил с папиросами к своему офицеру, сгребли за ворот и бросили в одну из кают.

Я не считал возможным уклоняться от участия в этой решительной схватке и пошел, хорошо вооружившись, вместе с Яковчуком и Андреем. Через их плечи я увидел нашу кают-компанию, утонувшую в клубах табачного дыма. На столе стояли и лежали бутылки. Целая батарея пустых пивных бутылок валялась под столом. Один из офицеров барабанил на разбитом пианино, издававшем резкие звуки. Двое лежали на диванах, остальные сидели, положив руки и головы на стол.

Когда Андрей и Яковчук переступили высокий порог, сначала никто на них не обратил внимания; но потом один из офицеров с погонами артиллериста, с орлиным профилем, с густыми косматыми бровями и черными волосами, в которых пробивалась преждевременная седина, поднял голову от рук и спросил:

— Тебе чего?

— Слушай! — выкрикнул Андрей.

На его резкий неестественный крик подняли головы почти все офицеры.

— Слушай. Вы все арестованы! Кто двинется — тому пулю!

С дальнего дивана сорвался высокий плечистый офицер, и пивная бутылка, со свистом перелетев из угла в угол большую комнату, ударилась в стену около Андрея.

Андрей поднял руку, прогремел выстрел, и в тот же момент острым режущим звуком звякнули, запели шесть оконных стекол, и двенадцать ружейных стволов вошли в каюту.

Я больше не видел ничего из происходившего в кают-компании. Кто-то, не то Яковчук, не то Андрей, оттолкнул меня в сторону, в коридор. Дверь немедленно захлопнулась.

Прогремили еще какие-то выстрелы, потом наступила тишина. Пьяные офицеры поняли, что им не выбраться из расставленной ловушки. Два-три выстрела по наиболее беспокойным убедили их в бессмысленности сопротивления. По команде Андрея они выходили один за другим на бак, где им вязали руки и отправляли в специально для этого открытый трюм. Один убитый и двое раненых остались в кают-компании. Я видел по вытаращенным глазам офицеров и их вестовых (последних мы арестовали в каютах и кубриках), что они были ошеломлены и недоумевали, как могло случиться, чтобы они, врангелевские офицеры, были арестованы с боем на судне, идущем под русским флагом из Константинополя в Крым.

Андрей не отказал себе в удовольствии прочесть им короткую лекцию.

Мы опасались, что на пути к Одессе встретим какие-нибудь военные суда белых, и поэтому решили замедлить ход «Св. Анны» и ночью прорваться в одесский порт.

Но, к счастью для нас, мы никого не встретили до самой Одессы. Только однажды глубокой ночью блеснул на востоке далекий луч прожектора. Из осторожности мы повернули на запад, и вскоре луч исчез в темноте.

* * *

Ясным солнечным утром на невысоком берегу поднялась перед нами красавица Одесса. Выбросив красный флаг, «Св. Анна» спокойно входила в гавань. Уже нужно было готовиться к прибытию, выстроить команду, приготовить бумаги, и я стал разыскивать Андрея. Но его нигде не было. Посланные мною люди обошли все каюты, кубрики, все жилые помещения, заглянули в трюм, но Андрея как не бывало. Я уже собирался было отдать приказ о более тщательных поисках, как вдруг ко мне подошел Гринблат и с улыбающимся лицом и загадочным видом поманил меня пальцем. Я пошел вслед за ним вниз по трапу, вперед на бак, туда, где леера фальшборта сменяются высоким железным бортом. Гринблат остановился, заглянул вниз через борт и предложил мне сделать то же.

Здесь я увидел на висячей люльке, какую употребляют моряки для окраски бортов в портах и на ходу, Андрея. С довольным лицом, высунув от удовольствия язык, он размашисто работал кистью.

— Вы посмотрите, что он пишет, — сказал Гринблат, — не догадываетесь?

От больших белых букв «Св. Анны» уже ничего не осталось. На блестящем черном фоне Андрей выводил новые знаки. Уже были закончены буквы:

«РЕВОЛ

Об остальном не трудно было догадаться. В это время мол одесского порта серой каменной грядой проходил у самого борта бывшей «Св. Анны», теперь «Революции».